

Бестселлер №1 по версии The New York Times

МАЙКЛ ЛЬЮИС

БУМЕРАНГ

КАК ИЗ РАЗВИТОЙ СТРАНЫ
ПРЕВРАТИТЬСЯ В СТРАНУ
ТРЕТЬЕГО МИРА

Майкл Льюис — известный американский писатель и публицист, автор 13 книг, в том числе международных бестселлеров «Большая игра на понижение» и «Покер лжецов». Льюис окончил Принстонский университет, Лондонскую школу экономики и стал трейдером компании Salomon Brothers. Пять лет спустя, разочаровавшись в своей работе, Льюис покинул компанию, чтобы заняться финансовой журналистикой. Серия разоблачительных книг об Уолл-стрит принесла ему мировую известность.

Умение видеть возможные последствия своих поступков, чувство ответственности — качества, во всех отношениях полезные. «Бумеранг» — «дорожные заметки» из стран, в которых не только население, но и правительства соревновались в беспечности в канун экономических потрясений конца 2000-х, что делает эту ироничную книгу поучительной.

Кирилл Горский,
первый заместитель главного редактора Forbes

Редкий дар автора сочетает доскональное знание механизма работы мировой финансовой системы с мастерством рассказчика, умением изобразить общую картину через невероятные истории, где перед нами предстают во всей красе людская алчность, невоздержанность и самообольщение.

Чак Ледди,
Boston Globe

Майкл Льюис сплетает истории своих героев в единую остро сюжетную канву, помогая читателю постичь всю глубину финансового безрассудства, что кроется за сегодняшними информационными сообщениями о нарастающих долговых проблемах Европы.

Мишико Какутани,
The New York Times

ISBN 978-5-9614-2273-3

9 785961 422733

ООО «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР»
заказ книг [495] 980-80-77
и на сайте www.alpinabook.ru

Мне нравится
www.facebook.com/alpinabook

приложение
Бизнес-книги
в App Store
и Google Play

Michael Lewis

B O M E R A N G

Travels in the New Third World

W. W. NORTON & COMPANY

New York • London

Майкл Льюис

БУМЕРАНГ

Как из развитой страны превратиться
в страну третьего мира

Перевод с английского

общество с ограниченной ответственностью

Москва

2013

УДК 82–31:338.124.4:336.74
ББК 84(0)6-44:65.26-971
Л91

Переводчик О. Дахнова
Редактор В. Ионов

Льюис М.

Л91 Бумеранг: Как из развитой страны превратиться в страну третьего мира / Майкл Льюис; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — 246 с.

ISBN 978-5-9614-2273-3

Крепниизм власти и финансовая неграмотность многих граждан — не уникальное российское явление, в Европе творятся дела не менее впечатляющие. Всемирно известный журналист Майкл Льюис расследовал причины экономических проблем европейских стран, и то, что он пишет, потрясает воображение. Только представьте: исландским рыбакам вдруг надоело заниматься своим древним промыслом и они решили, что отлично разбираются в банковском деле, поэтому превратили страну в хедж-фонд, который потерпел сокрушительный крах. В Греции, где налоговое мошенничество достигло фантастических размеров, монастыри стали душой коррупции, а правительство фактически не вело учета расходов, госдолг достиг \$1,2 трлн. В Ирландии поток дешевых иноземных денег породил бум в сфере недвижимости, экономика стала напоминать гигантскую пирамиду, и страна обанкротилась. Ну, а Германия стала самым крупным кредитором стран-банкротов.

Майкл Льюис как всегда превращает повествование о вроде бы скучных и сложных для понимания вещах в остросюжетный роман с захватывающими сценами и яркими персонажами.

УДК 82-31:338.124.4:336.74
ББК 84(0)6-44:65.26-971

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Michael Lewis, 2011

Издано по лицензии Writers House LLC и Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2013.

ISBN 978-5-9614-2273-3 (рус.)

ISBN 978-0-393-08181-7 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Самая большая игра на понижение.....	7
ГЛАВА I. Уолл-стрит в тундре	21
ГЛАВА II. Это они изобрели математику	68
ГЛАВА III. Первородный грех Ирландии	107
ГЛАВА IV. Тайная сторона немцев	159
ГЛАВА V. Слишком толстый, чтобы летать	199
БЛАГОДАРНОСТИ.....	245

ВВЕДЕНИЕ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА НА ПОНИЖЕНИЕ

Идея этой книги родилась случайно, когда я работал над другой книгой — про Уолл-стрит и финансовую катастрофу 2008 г. в Соединенных Штатах. Меня заинтересовала небольшая группа инвесторов, разбогатевших во время краха рынка низкокачественной ипотеки. Еще в 2004 г. крупнейшие инвестиционные банки Уолл-стрит создали инструмент для собственного уничтожения — дефолтный своп на низкокачественную ипотечную облигацию. Дефолтный своп позволял инвесторам делать ставки против любой облигации — продавать ее «в короткую». Это был страховой полис, но необычный: покупатель мог не владеть застрахованными активами. Ни одна страховая компания не может по закону продать вам полис страхования от пожара дома, принадлежащего другому лицу, а финансовые рынки могут и продают страховку от дефолта по чужим инвестициям. Сотни инвесторов безрассудно кинулись на рынок дефолтных свопов — многие интуитивно считали, что подпитываемый долговым финансированием жилищный бум в США был явлением временным — и лишь от силы человек 15 не потеряли головы и сделали крупные ставки на то, что громадная

доля американских финансовых ресурсов сгорит. Большинство из них управляли хедж-фондами в Лондоне и Нью-Йорке, а такие люди обычно избегают журналистов. Однако по этому вопросу в тот момент они были на удивление открыты. Каждый из них, судя по их рассказам, чувствовал себя единственным нормальным человеком в безумном мире, человеком, в одиночестве сидящим в лодке и наблюдающим столкновение «Титаника» с айсбергом.

Некоторые из этих людей просто не могли молчать. Среди них был управляющий хедж-фондом *Hayman Capital* из Далласа, штат Техас. Звали его Кайл Басс. Басс был уроженцем Техаса, ему было под 40, и первые семь лет своей карьеры он проработал в *Bear Stearns*, где торговал облигациями для фирм с Уолл-стрит. В конце 2006 г. он взял половину из \$10 млн, которые заработал за это время, собрал из разных источников еще \$500 млн, создал хедж-фонд и сделал огромную ставку на то, что рынок низкокачественных ипотечных облигаций рухнет. Затем слетал в Нью-Йорк и предупредил старых друзей о том, что во многих сделках они тупо «поставили не на ту лошадь». Трейдеры из *Bear Stearns* не прислушались к его словам. «Занимайся своим риском, а о нашем мы позаботимся сами», — сказал ему один из них. К концу 2008 г., когда я приехал в Даллас на встречу с Бассом, рынок низкокачественных ипотечных облигаций рухнул, а вместе с ним и *Bear Stearns*. Теперь он стал богатым и даже немного известным — в инвестиционных кругах. Басс успел забыть о крахе низкокачественных ипотечных облигаций и направил мысли в другую сторону: сорвав куш, он стал проявлять страстный интерес к государственным ценным бумагам. Как раз в то время правительство Соединенных

Штатов принимало на баланс низкокачественные кредиты Bear Stearns и других банков с Уолл-стрит. В итоге Федеральная резервная система так или иначе нейтрализовала риск, связанный с сомнительными ценными бумагами, который оценивался почти в \$2 трлн. Аналогично Федеральной резервной системе поступили правительства других богатых, экономически развитых стран мира: проблемные кредиты, предоставленные высокооплачиваемыми финансистами из частного сектора, взяли на себя национальные казначейства и центральные банки.

По мнению Кайла Басса, финансовый кризис еще не закончился. Его просто смягчили своими гарантиями правительства богатых западных стран. Я целый день наблюдал за отчаянными спорами Басса с коллегами о том, куда это может привести. Они теперь говорили не об обвале нескольких облигаций. Речь шла о крахе целых стран.

И у них была блестящая новая инвестиционная идея. Суть ее примерно сводилась к следующему. С 2002 г. во многих богатых, развитых странах наблюдался своего рода лжебум. То, что казалось экономическим ростом, на поверку было следствием заимствований, которые люди не могли вернуть: согласно их грубой оценке, с 2002 г. мировые долги, государственные и частные, выросли более чем в два раза — с \$84 трлн до \$195 трлн. «Мировая история еще не знала такого накопления долгов», — сказал Басс. Немаловажно, что крупные банки, которые предоставили изрядную часть кредитов, уже рассматривались не как частные предприятия, а как филиалы правительств своих стран, помощь которым во время кризиса гарантирована. Государственный долг богатых стран уже был на опасно высоком уровне и в условиях

кризиса продолжал расти. Но государственный долг этих стран уже не был формальным государственным долгом. Он фактически включал внутренние долги банковской системы страны, которые в случае возникновения нового кризиса перешли бы к правительству. «Первым делом мы попытались установить, — сказал Басс, — масштабы этих банковских систем, особенно по сравнению с правительственными доходами. Мы потратили около четырех месяцев на сбор данных. Никто ими не располагал».

Когда числа сложили, результаты оказались поразительными: Ирландия, например, имеющая крупный и растущий годовой дефицит, накопила долг, который более чем в 25 раз превышал ее годовые налоговые поступления. Испания и Франция накопили долгов на сумму, превышающую годовые доходы более чем в 10 раз. В прошлом такие уровни госдолга приводили к дефолту правительства. «Думаю, единственный выход для этих стран, — сказал Басс, — это начать по-настоящему сводить бюджет с профицитом. Да-а, только это случится, когда *рак на горе свистнет*».

Ему, однако, хотелось убедиться в том, что он ничего не упустил из виду. «Я решил найти кого-нибудь, кто знает что-нибудь об истории суверенных дефолтов», — сказал Басс. Он нашел ведущего специалиста по этой проблеме — профессора Гарвардского университета по имени Кеннет Рогофф, который, как оказалось, готовил книгу по истории национального финансового краха «На этот раз все будет иначе: Восемь столетий финансового безрассудства» (*This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly*) в соавторстве с коллегой Кармен Рейнхарт. «Когда мы познакомили Рогоффа с цифрами, — сказал Басс, — он откинулся на стуле и проговорил:

“Даже не верится, что дело обстоит настолько плохо”. Тогда я сказал: “Минуточку! Вы — первейший в мире специалист по суверенным балансам, палочка-выручалочка на случай суверенных бед. Вы преподавали в Принстоне вместе с Беном Бернанке. Вы познакомили Ларри Саммерса с его второй женой. Кому как не вам это знать?” Я подумал: “Блин, и кому до этого есть дело?”».

Отсюда его новая инвестиционная идея: кризис низкокачественных ипотечных бумаг был симптомом, а не причиной. Глубокие социальные и экономические проблемы, которые породили его, остались. В тот момент, когда инвесторы осознали эту реальность, они перестали считать правительства крупных стран Запада абсолютно надежными и потребовали предоставить им более высокие процентные ставки. Когда процентные ставки по займам вырастали, эти правительства ещё глубже увязали в долгах, что приводило к дальнейшему росту процентных ставок, по которым им приходилось брать займы. В некоторых особенно тревожных случаях — Греция, Ирландия, Япония — даже при небольшом росте процентных ставок уплата процентов по долгу полностью съедала бюджеты. «К примеру, — сказал Басс, — если бы Японии пришлось занимать по французским ставкам, то одно только процентное бремя привело бы к банкротству правительства». Как только финансовые рынки начинали осознавать это, настроения инвесторов неизменно менялись. Как только настроения инвесторов менялись, эти правительства терпели крах. («Когда доверие потеряно, его не вернуть. Просто не вернуть, и все.») А что потом? Финансовый кризис 2008 г. приостановился только потому, что инвесторы полагали, будто правительства могли занять столько,

сколько было нужно для спасения своих банков. А что случается, когда сами правительства теряют доверие?

Назревал другой, еще более серьезный финансовый кризис, и единственное, что занимало Кайла Басса, — когда это случится. В конце 2008 г. он думал, что Греция может стать первой страной, которую он поразит, что вполне вероятно приведет к крушению евро. Он полагал, что это может произойти в ближайшие два года, но особой уверенности в сроках у него не было. «Предположим, что это случится через пять лет, а не через два года, — говорил он. — Предположим даже, что через семь. Стоит ли мне ждать, когда они закатят глаза к небу, или лучше подготовиться сейчас? Ответ один: сейчас. Потому что, как только все поймут, что это [национальный дефолт] может случиться, подготовка обойдется дорого. Кто ждет, тому приходится переплачивать за риски».

Когда мы встретились, Басс только что купил свои первые дефолтные свопы на страны, которые он и его группа аналитиков считали наиболее вероятными кандидатами в неплательщики по долгам: Греция, Ирландия, Италия, Швейцария, Португалия и Испания. Он сделал ставки непосредственно в ряде крупных фирм с Уолл-стрит, которые, как ему казалось, имели минимальный риск провала, — Goldman Sachs, J. P. Morgan и Morgan Stanley — но, сомневаясь в их возможности устоять в более серьезном кризисе, он потребовал, чтобы они ежедневно вносили обеспечение по сделкам. В ретроспективе оказалось, что цены, которые он заплатил за страхование от дефолта, были абсурдно малы. Например, страхование от дефолта греческого правительства обошлось ему в 11 базисных пунктов. Это означает, что при страховании от дефолта греческих государственных облигаций

на \$1 млн компания Hayman Capital выплачивала годовую страховую премию в размере \$1100. Басс считал: когда Греция объявит дефолт, что непременно случится, ей придется выплатить примерно 70% долга, а это означает, что каждые \$1100 принесут \$700 000. «Существует неверное представление о том, что развитая страна не может потерпеть дефолт. Это объясняется тем, что мы никогда еще такого на своем веку не видели, — сказал Басс. — И никто не желает серьезно подумать об этом. Даже наши собственные инвесторы. Они смотрят на нас и говорят: “Да, все правильно, у вас есть низкокачественные ипотечки. Но вам вечно кажется, что эти чрезвычайно редкие события происходят гораздо чаще, чем на самом деле”. Однако меня не это интересовало. Я пытался понять, каким образом складываются дела в мире, и это понимание пришло ко мне». Теперь, когда стало ясно, каким образом складываются дела в мире, продолжал он, ему было непонятно, как здравомыслящий человек мог заниматься чем-либо, кроме подготовки к другой, более серьезной финансовой катастрофе. «Пусть это и не конец света, — заявил он, — но многие потеряют массу денег. Наша цель мне видится в том, чтобы не стать одним из них».

В его устах это звучало абсолютно убедительно. В то же время это звучало абсолютно неправдоподобно. Мужик сидит в офисе в Далласе, что в Техасе, и предсказывает будущее стран, куда вряд ли ступала его нога: откуда, черт возьми, он мог знать, как поведет себя горстка людей, которых он никогда не видел? Когда Басс выложил свои идеи, у меня возникло знакомое ощущение, которое часто посещало меня при разговоре с людьми, имеющими весьма определенное мнение о неопределенных событиях. С одной стороны, меня

сразили его доводы и охватило тревожное чувство, что мир скоро рухнет; с другой стороны, меня не оставляло подозрение, что это просто чушь. «Замечательно, — сказал я, а сам уже думал о том, как бы не опоздать на свой рейс. — Но если даже вы правы, что делать обычному человеку?»

Он уставился на меня, как если бы увидел интересное зрелище: самого большого дурака в мире. «Что вы ответите своей матери на вопрос о том, куда вложить деньги?» — спросил я. «Оружие и золото», — просто сказал он. «Оружие и золото», — повторил я. Он все-таки порол чушь. «Только не золотые фьючерсы, — сказал он, не замечая одолевавших меня мыслей. — Надо покупать физическое золото». Он объяснил, что, когда разразится очередной кризис, рынок золотых фьючерсов, скорее всего, заклинит, поскольку объема имеющегося золота не хватит для выполнения всех фьючерсных контрактов. Те, кто полагал, что владеют золотом, обнаружат, что владеют всего лишь бумажками. Он открыл ящик стола, вытащил гигантский золотой слиток и бросил его на стол. «Мы купили множество таких слитков».

В тот момент я лишь нервно хихикал и поглядывал на дверь. Предсказать будущее гораздо сложнее, чем пытаются нас уверить дельцы с Уолл-стрит. Человек, который с такой уверенностью предсказывает будущее, как Кайл Басс предсказывал крах рынка низкокачественных ипотечных облигаций, вполне может заблуждаться, полагая, что способен исключительно верно судить и о множестве других сложных вещей. Во всяком случае меня гораздо больше волновали попытки разобраться в недавних событиях в Америке, чем события, назревавшие в остальной части мира, что в то время казалось мне пустяком. Басс же практически потерял интерес

к недавним событиям в Америке, полагая, что во внешнем мире назревают куда более важные события. Я извинился, покинул Даллас и выкинул Кайла Басса из головы. И при подготовке книги не стал использовать эти материалы.

А потом финансовый мир снова начал меняться, причем ситуация весьма напоминала прорицание Кайла Басса. На грани банкротства оказывались целые страны. Если вначале казалось, что кризис затронул главным образом Уолл-стрит, то в итоге получилось, что в него вовлечены все страны, у которых были серьезные связи с Уолл-стрит. Я закончил книгу о кризисе рынка низкокачественной ипотеки и о людях, которые сделали на нем состояние, но мне хотелось разобраться в происходящем, и я решил посетить другие страны, о которых говорил Басс. Во время поездок меня мучил один вопрос: *как управляющий хедж-фонда из Далласа смог предвидеть такой необычный ход событий?*

Через два с половиной года, летом 2011 г., я вернулся в Даллас, чтобы задать Кайлу Бассу этот вопрос. Греческие дефолтные свопы выросли с 11 б. п. до 2300 б. п.; Греция была на грани дефолта по национальному долгу. Ирландии и Португалии требовалась масштабная финансовая помощь, а Испанию и Италию перестали считать в целом безрисковыми странами, и они вошли в число стран на грани финансового краха. В довершение всего министерство финансов Японии намеревалось послать делегацию в Соединенные Штаты для посещения крупных облигационных инвестиционных фондов, таких как Pimco и Blackrock, с целью выяснить, нет ли таких, кто пожелает купить десятилетние государственные облигации Японии на полтриллиона долларов. «В такой сценарий еще никто из живущих на этом свете

не инвестировал, — сказал Басс. — Теперь нашими главными приоритетами стали Япония и Франция. Когда сработает эффект домино, хуже всего, безусловно, придется Франции. Я только надеюсь на то, что крах начнется не с Соединенных Штатов. Я поставил на то, что этого не случится. Знаете, чего я боюсь больше всего? Что ошибусь в последовательности событий. Но в конечном исходе я уверен твердо».

Он по-прежнему владел кучей золотых и платиновых слитков, которые успели вырасти в цене почти вдвое, но продолжал поиски надежных инструментов, которые могли бы застраховать его от предстоящего — как он полагал — снижения стоимости бумажных денег. Пятицентовые монеты, например.

— В пятицентовой монете одного металла на 6,8 цента, — сказал он. — Вам это известно?

Я этого не знал.

— Я купил их на миллион долларов, — сказал он и, увидев, что я не силен в математике, добавил: — Это двадцать миллионов монет.

— Вы купили двадцать миллионов пятицентовых монет?

— Угу.

— А как можно купить двадцать миллионов пятицентовых монет?

— Вообще-то, это очень непросто, — сказал он и потом объяснил, что позвонил в свой банк и уговорил их заказать ему двадцать миллионов пятицентовых монет. В конце концов, банк выполнил его требование, но пришлось отвечать на вопросы Федеральной резервной системы. «Очевидно, из Федеральной резервной системы позвонили моему менеджеру в банке, — говорит он. — Его спросили: “Зачем вам все

эти пятицентовые монеты?” Тогда он позвонил мне и спросил: “Зачем вам все эти пятицентовые монеты?” И я сказал: “Просто мне нравятся никели”».

Он достал фотографию своих пятицентовых монет и передал ее мне. Они лежали на гигантских деревянных поддонах в хранилище, построенном компанией Brink в деловом центре Далласа.

— Уверю вас, в ближайшие два года содержание никеля изменится, — сказал он. — Вы непременно должны позвонить в свой банк и купить монеты без промедления.

Сомневаюсь, что Кайл Басс был из тех людей, которые любят торчать в конторе, уставившись на экран компьютера. Он по натуре непоседа. Мы прыгнули в его Hummer, украшенный наклейками на бампере («Да хранит Господь наших солдат, особенно, снайперов») и тюнингованный по прихоти владельца: например, он мог нажать на кнопку и на манер Джеймса Бонда высыпать на дорогу позади гигантские гвозди. Мы с ревом вылетели на холмистую тexasскую местность, где разбогатевший на кризисе низкокачественных ипотечных кредитов Кайл Басс приобрел настоящую крепость: дом в стиле ранчо площадью 3716 кв. м и тысячи акров земли. В этой глухомани был собственный источник воды, а также арсенал автоматического оружия, снайперских винтовок и небольших взрывных устройств, и всей этой амуниции хватило бы на целый батальон. В ту ночь мы носились по его владениям на армейском джипе и стреляли из армейских снайперских винтовок новейшего образца с инфракрасными прицелами по бобрам, которые, по словам Басса, представляли угрозу для его водных путей. «Все эти взрывные штучки можно купить через Интернет, — сказал он, когда

мы бродили по желтым холмам. — Это реакция между молекулами. FedEx доставит вам хоть сотни килограммов этого добра». Те немногие бобры, уцелевшие после ночной бойни, утром обнаружили, что их плотины разрушены.

— Сдается мне, что это не совсем честная битва, — сказал я.

— Бобры — это грызуны, — сказал он.

Что бы он ни делал, ему это явно доставляло удовольствие. Он два с половиной года изучал глобальную финансовую систему и пришел к выводу, что не зря относился к ее руководителям с пессимизмом. Это не выбило у него почву из-под ног. Ему безумно нравилось иметь собственное мнение о событиях, которые казались непостижимыми. «Я не из тех, кто всю жизнь помешан на негативе, — признался он. — Думаю, есть вещи, через которые мы должны пройти. Это расплата за грехи прошлого».

И снова управляющий хедж-фондом был в какой-то мере прав, а мир в какой-то степени неправ. И тут я в очередной раз задался вопросом, который терзал меня больше двух лет. «Вот вы, — сказал я откровенно, — провинциальный управляющий хедж-фондом из техасского Далласа, который всю свою сознательную жизнь прожил в нескольких милях отсюда. Вы не говорите на иностранных языках. Вы редко бываете за границей. Вы глубоко патриотичны; объект вашей благотворительности — ветераны, получившие ранения. Среди ваших знакомых практически одни американцы. Как вам пришлось в голову приступить к разработке теорий о финансовом будущем этих далеких от вас стран?»

— Меня подвигла Исландия, — сказал он. — Я всегда интересовался Исландией.

— И почему же?

— Вы в детстве играли в «Риск»? — спросил он. — Я любил играть в «Риск». И всегда размещал все свои армии в Исландии. Потому что оттуда можно напасть на *любую страну*.

Уверенность в том, что с территории Исландии можно напасть на любую страну, побудила Кайла Басса узнать как можно больше об Исландии и с пристальным вниманием следить за событиями в этой стране. Например, он выяснил, что географы считают Исландию страной с особой способностью к выживанию в экологически трудных условиях. «Мы постоянно твердили: “Эти банки обанкротились”. Однако правительство продолжало спасать эти банки, — говорил он. — И в разгар всего этого Исландия обанкротилась. И я подумал: “Интересно получается! Как после 1000 лет благополучного существования и преодоления всяческих природных испытаний они оказались в таком сложном положении?”»

Я получил ответ на свой вопрос. Его интерес начался с одной настольной игры, а заканчивался настольной игрой другого рода. И снова Исландия оказалась подходящим местом для старта.

ГЛАВА I

УОЛЛ-СТРИТ В ТУНДРЕ

Сразу после 6 октября 2008 г., когда Исландия фактически вылетела в трубу, я беседовал с представителем Международного валютного фонда, который летал в Рейкьявик, чтобы установить, разумно ли предоставлять кредит обанкротившейся до такой степени стране. До этого он никогда не был в Исландии, ничего не знал о ней и сказал, что ему нужна карта, чтобы понять, где это. Всю свою жизнь он имел дело исключительно с бедными странами, как правило, африканскими, где постоянно возникали те или иные финансовые неурядицы. С Исландией же дело обстояло совершенно иначе — это была страна с чрезвычайно обеспеченными (№ 1 согласно Индексу развития человеческого потенциала ООН в 2008 г.), хорошо образованными, исторически рациональными жителями, которые организованно совершили одно из величайших безумств в истории финансов. «Вы должны понять, — сказал он мне, — что Исландия больше не страна. Это хедж-фонд».

Вся страна, у которой не было не то что непосредственного опыта, но даже отдаленного намека на участие в крупных финансовых операциях, посмотрела на пример Уолл-стрит

и сказала: «Мы можем это сделать». На короткий момент показалось, что они действительно могут. В 2003 г. три крупнейших исландских банка владели активами всего лишь на несколько миллиардов долларов, что составляло около 100% ВВП страны. За последующие три с половиной года банковские активы превысили \$140 млрд и стали настолько выше ВВП Исландии, что уже не имело смысла высчитывать процент. Как сообщил мне один экономист, это было «самым стремительным ростом банковской системы за всю историю человечества».

В то же время, отчасти из-за того, что банки также предоставляли исландцам кредиты на покупку акций и недвижимости, стоимость исландских акций и недвижимости резко поднялась. Если за 2003–2007 гг. стоимость фондового рынка США удвоилась, то стоимость исландского фондового рынка выросла в девять раз. Цены на недвижимость в Рейкьявике утроились. В 2006 г. средняя исландская семья стала в три раза богаче по сравнению с 2003 г., причем практически все новоприобретенное богатство было так или иначе связано с новой отраслью — инвестиционным банковским бизнесом. «Все принялись изучать модель опционного ценообразования Блэка–Шоулза», — говорит Рагнар Арнасон, профессор экономики рыболовства из Университета Исландии, который видел, как студенты бросали экономику рыболовства и уходили с головой в экономическую теорию денег. «Машиностроительные и математические отделения предлагали курсы по финансовому инжинирингу. У нас сотни и сотни людей изучали финансы». И это происходило в стране размером с Кентукки, в которой жителей меньше, чем в Пеории с пригородами (штат Иллинойс). Но в Пеории нет ни финансовых

институтов мирового значения, ни университета, обучающего сотни будущих финансистов, ни собственной валюты. Тем не менее мир воспринимал Исландию со всей серьезностью. (Заголовок в новостях агентства Bloomberg в марте 2006 г.: ИСЛАНДСКИЙ МАГНАТ-МИЛЛИАРДЕР «ТОР» ОТВАЖИВАЕТСЯ СОЗДАТЬ В США СОБСТВЕННЫЙ ХЕДЖ-ФОНД.)

Как оказалось, у глобальных финансовых амбиций есть и обратная сторона. Когда рухнули три только что созданных глобальных банка, 300 000 исландских граждан обнаружили, что они, оказывается, несут ответственность за банковские убытки в размере \$100 млрд, а это означает \$330 000 на каждого мужчину, женщину и ребенка в Исландии. К тому же они потеряли десятки миллиардов долларов на собственной неумелой спекуляции иностранной валютой и еще больше из-за обвала исландского фондового рынка на 85%. Точно оценить в долларах исландскую финансовую дыру оказалось практически невозможно ввиду ее зависимости от обычно устойчивой исландской кроны, которая также обесценилась и перестала обмениваться на иностранную валюту. Но дыра была огромной.

Исландия мгновенно стала единственной страной на Земле, про которую американцы могли сказать: «Ну по крайней мере мы до *этого* не дошли». В итоге исландцы влезли в долги, составившие 850% ВВП. (У погрязших в долгах Соединенных Штатов этот показатель достиг лишь 350%.) При всей абсурдной огромности и важности банков с Уолл-стрит для экономики США они никогда не разрастались до такой степени, что население не смогло бы им помочь в случае крайней необходимости. Каждый из трех исландских

банков понес настолько крупные убытки, что нация с ними не справилась; в совокупности они оказались непомерными до такой степени, что в течение нескольких недель после наступления краха треть населения сообщила исследователям общественного мнения, что подумывает об эмиграции.

Всего за три-четыре года этому стабильному коллективистскому обществу привили совершенно иной образ жизни, причем привой значительно перерос подвой. «Они действовали, как малые дети, — сказал представитель МВФ. — Одетые в черное, они появились в этом эгалитарном обществе и начали делать бизнес».

В 500 МИЛЯХ К СЕВЕРО-ЗАПАДУ от Шотландии самолет авиакомпании Icelandair приземляется и вырывается к терминалу, на котором по-прежнему красуется логотип Landsbanki. Наряду с Kaupthing и Glitnir Landsbanki входит в тройку обанкротившихся исландских банков. Я пытаюсь придумать подходящую метафору для разрастающегося всемирного отстойника вымерших финансовых корпоративных спонсоров — вода, оставшаяся в садовом шланге после отключения? — но не успеваю: сидящий сзади пассажир снимает с верхней полки сумку и больно задевает меня. Скоро я узнаю, что исландские особи мужского пола, подобно лосям, баранам и другим рогатым млекопитающим, считают такие штучки необходимым элементом борьбы за существование. Я также узнаю, что этот самый исландец является руководящим работником Исландской фондовой биржи. В тот момент, однако, я знал только то, что один человек средних лет в дорогом костюме способен сильно толкнуть другого и при этом ни извиниться, ни объяснить. До самого

паспортного контроля меня не отпускало возмущение этим явно беспричинным актом враждебности.

Можно многое рассказать о стране по тому, насколько лучше они относятся к своим гражданам по сравнению с иностранцами в пункте въезда в страну. Да будет вам известно, что исландцы не делают вообще никаких различий. Над будкой паспортного контроля они повесили замечательную надпись «ВСЕ ГРАЖДАНЕ» и под этим имеют в виду вовсе не «Все исландские граждане», а именно «Все граждане отовсюду». Мы, обретающиеся в разных уголках земного шара, выстроились в одну очередь к парню за стеклом. Вы не успеете сказать «страна противоречий», как он делает вид, что изучает ваш паспорт и махнет рукой, чтобы проходили.

Далее мы видим темный ландшафт: присыпанную снегом черную вулканическую породу, которая, будь она лунной или нет, до такой степени напоминает нам лунную поверхность, что ученые из NASA использовали ее для акклиматизации астронавтов перед первым полетом на Луну. Спустя час мы прибываем в гостиницу 101 Hotel, которой владеет супруга одного из самых известных обанкротившихся банкиров Исландии. Она называется загадочно (101 — это почтовый код самого богатого района города), но сразу же узнается: понтовый манхэттенский отель. Персонал в черном, непонятная живопись на стенах, непрочитанные книги о моде на неиспользуемых кофейных столиках — все для того, чтобы усилить социальную фобию неотесанного деревенщины, не хватает разве что газеты *New York Observer*. В местах такого рода останавливаются банкиры, думающие, что именно здесь останавливаются художники. В январе 2008 г. банк Bear Stearns

провел здесь совещание управляющих британских и американских хедж-фондов с целью выяснить, сколько денег можно заработать на кризисе в Исландии. (Много.) ОТЕЛЬ, некогда забитый до отказа, сейчас пустует: заняты лишь шесть из 38 номеров. Ресторан тоже пуст, равно как и столики и укромные уголки, где в былые времена сидели посетители, на которых с благоговением взирали те, кто не мог себе этого позволить. Обанкротившаяся гостиница Holiday Inn являет собой печальное зрелище, а Ian Schrager — и вообще трагичное.

Поскольку финансисты, некогда платившие большие деньги за пребывание здесь, исчезли навсегда, мне за полцены дали большой номер на верхнем этаже с видом на Старый город. Я сворачиваюсь калачиком в белых шелковистых простынях и протягиваю руку за книгой об исландской экономике, написанной в 1995 г., до банкротии, когда страна мало что продавала внешнему миру, кроме свежей рыбы, и читаю это замечательное предложение: «Исландцы относятся с заметным подозрением к рыночной системе как краеугольному камню экономической деятельности, а особенно к ее влиянию на распределение».

И тут я слышу странные звуки.

Во-первых, стук спинки кровати о стену в сопровождении стонов и визгов. Вернулась на ночь пара в соседнем номере. Их крики становятся все громче, но, странное дело, как бы громко они ни вопили и как бы ясно я их ни слышал, слова среди этих стонов остаются совершенно непонятными. Поняв, что мне трудно сосредоточиться на «Исландской рыбной промышленности», я пытаюсь имитировать услышанные сквозь стену звуки — но языку приходится поворачиваться

как никогда в жизни. Звуки по другую сторону стены странно напоминают речь хоббита из рода Стурсов из «Властелина колец». *Голлум... Голлум!.. Мордор... Мордор!* Потом я понял: это же исландский язык.

Дальше я слышу громкое шипенье на другом конце номера. Встаю с кровати, чтобы проверить, что случилось. Это отопительная система клокочет подобно надолго оставленному на плите чайнику, пытаюсь совладать с собой. В Исландии отопление не такое, к которому мы привыкли, — это тепло, поступающее непосредственно из земли. Здесь вода всегда обжигаете горяча. Каждый год рабочие, выполняющие уличные ремонтные работы, перекрывают холодную воду, которая регулирует температуру воды в системе, и какой-нибудь несчастный исландец чуть ли не сваривается заживо в своем душе. Жар земли, поступающий в мой номер, настолько силен, что нужен какой-нибудь мощный скрежещущий, хрипящий двигатель, чтобы помочь мне не свариться.

Под конец с улицы доносится взрыв.

Бах!

Потом другой.

Бах!

ПОСКОЛЬКУ ДЕЛО ПРОИСХОДИТ в середине декабря, солнце встает (лениво) в 10.50, а заходит (шустро) в 15.44. Это явно лучше, чем если бы его вообще не было, — плохо только то, что оно создает видимость нормальной жизни. А это место, каким бы ни было в других отношениях, ненормально. Впечатление подтверждает 26-летний исландец, которого я назову Магнусом Олафссоном. Еще несколько недель назад он был валютным трейдером в одном из банков и зарабатывал почти

миллион долларов в год. Высокий привлекательный блондин, Олафссон являет собой типичный образ исландца, под-сказанный нашим воображением, в то время как на самом деле большинство исландцев имеют волосы мышиного цвета и мешковатые фигуры. «У моей матери такие запасы еды, что она может открыть продовольственный магазин», — говорит он и добавляет, что с наступлением краха в Рейкья-вике чувствуется напряжение и тревога.

Двумя месяцами раньше, в начале октября, когда рынок исландских крон умер, он сбежал из своего трейдингового отдела и стал простым банковским кассиром. На новом месте он изъясил всю иностранную наличность, которая попала ему в руки, и набил ею мешок. «В тот день по всей деловой части города ходили люди с пакетами, — говорит он. — Хотя обычно в деловом районе никто никогда не ходит с пакетами». После работы он пришел домой со своим мешком денег и спрятал иены, доллары, евро и фунты стерлингов — общей суммой примерно на 30 штук баксов — в настольной игре.

До октября известные банкиры были героями, теперь же они либо уехали за границу, либо залегли на дно. До октября Магнус считал Исландию преимущественно безопасной страной; теперь же ему мерещатся полчища иностранных бандитов, устремившихся в Исландию с целью очистить его кубышку в виде настольной игры. По этой причине он и просит меня не указывать его настоящего имени. «Представьте себе, что Нью-Йорк узнает об этом и пришлет сюда целые самолеты грабителей, — теоретизирует он. — Здесь почти все хранят сбережения дома». Раз уж он все равно пребывает в тревоге, я рассказываю ему о тревожных взрывах

неподалеку от моей гостиницы. «Да, — с улыбкой говорит он, — в последнее время у нас тут немало автомобилей сгорело». Затем объясняет.

В последние годы многие исландцы увлеклись одной опасной спекуляцией. Поскольку местные процентные ставки составляли 15,5% и курс кроны повышался, они придумали хитрую вещь: желая сделать приобретение, которое им было не по карману, они занимали деньги не в кронах, а в иенах и швейцарских франках. Они брали кредит в иенах под 3% годовых и срывали крупный куш на торговле валютой, поскольку крона продолжала расти. «Парни, которые занимались рыболовством, довольно скоро смекнули, что дело пахнет деньгами, и расширили торговлю до небывалых масштабов, — говорит Магнус. — Но они сделали на этом такую кучу денег, что в итоге финансовый бизнес стал для них важнее рыболовного». Рыболовы сделали на этом такую кучу денег, что их пример стал заразительным.

Должно быть, им казалось, что для такого дела много ума не надо: знай себе покупай эти растущие в цене дома и автомобили на удачно заимствованные деньги. Однако после обвала кроны в октябре иены и швейцарские франки, которые им предстояло возратить, во много раз подорожали. Сейчас многие исландцы, в особенности молодые, сидят по уши в долгах: так, за дома стоимостью \$500 000 им предстоит выплатить ипотеку на сумму \$1,5 млн, за Range Rover стоимостью \$35 000 — кредит в размере \$100 000. Что касается автомобилей, то здесь проблему можно решить двумя способами. Первый: погрузить на судно, отправить в Европу и попытаться продать за валюту, которая все еще в цене. Второй: поджечь и получить страховку — *бах!*

Хотя Рейкьявик расположен на горном массиве вулканического происхождения, в городе чувствуется некий налет «осажденности»: поверх нескольких толстых слоев архитектуры, которую следовало бы отнести к нордическому прагматическому стилю, лежит тонкий слой, который, по всей видимости, когда-нибудь назовут тупым капиталистическим. Небольшие, по размеру подходящие для хоббитов, здания исландского правительства очаровательны и прекрасно вписываются в городскую среду. А вот предназначенные для нуворишей-финансистов недостроенные стеклянные башни на берегу океана, которые к тому же закрывают для всех вид на белые отвесные скалы в бухте, явно нарушают гармонию.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СПОСОБ познакомиться с городом — побродить по нему пешком, но куда бы я ни пошел, везде в меня врезаются исландцы мужеского полу, причем без всякого намека на извинения. Чисто из спортивного интереса я начинаю безрассудно фланировать по главной торговой улице, пытаюсь проверить, не найдется ли хоть один исландец, который захочет обойти меня, дабы избежать столкновения. Напрасно. Проблема особенно обостряется во время массовых ночных попок — в четверг, пятницу и субботу. Создается впечатление, что полстраны считает своим профессиональным долгом надраться до беспамятства и шляться по улицам до, условно говоря, восхода солнца. Бары открыты до пяти утра, и неистовая энергия, с которой народ тусуется в них, сродни самой настоящей работе. Уже через несколько минут после входа в ночной клуб Boston я огребаю по полной. Сначала получаю удар от бородатого тролля, который, как мне сказали,

возглавлял исландский хедж-фонд. Не успеваю прийти в себя, как на меня налетает пьяный ответственный сотрудник Центрального банка. То ли потому, что он пьян, то ли потому, что мы познакомились несколько часов назад, он останавливает меня и говорит: «Ми хотим сказать им, что наша проблема нэ в платожеспособности, а в ликфидности, но они нэ согласны», после чего ковыляет дальше. Именно так говорили Lehman Brothers и Citigroup: если бы вы дали нам денег, чтобы мы могли продержаться, мы бы справились с этим маленьким сбоем.

Нация, настолько крошечная и однородная, что все друг друга довольно хорошо знают, настолько отличается от привычного значения слова «нация», что буквально требует новое определение. Действительно, исландцы не столько нация, сколько одна большая семья. Например, подразумевается, что большинство исландцев исповедуют лютеранство. Если они не хотят принадлежать к лютеранской церкви, то должны подать заявление властям и выйти из нее. В то же время, заполнив соответствующий бланк, они могут начать исповедовать свою собственную религию и получить субсидию. Другой пример: в телефонной книге Рейкьявика абоненты указаны по именам, поскольку в Исландии всего около девяти фамилий, и они образуются присоединением «son» [сын] или «dóttir» [дочь] к имени отца. Трудно понять, как такая система упрощает дело, поскольку и имен-то в Исландии, кажется, тоже около девяти. Однако, если вы захотите продемонстрировать свое незнание Исландии, стоит лишь обратиться к мужчине по имени Сиггор Сигфуссон «г-н Сигфуссон» или к даме по имени Кристин Петурсдоттир «г-жа Петурсдоттир». Во всяком случае в любой беседе

все понимают, о ком идет речь, поэтому вы никогда не услышите: «Какого Сиггора вы имеете в виду?»

Так как Исландия — это действительно одна большая семья, не стоит донимать исландцев вопросами о том, встречались ли они с Бьорк. Разумеется, они знакомы с Бьорк; кто же не знаком с Бьорк? И кто, если уж на то пошло, не знал Бьорк, когда ей было два года? «Да, я знаю Бьорк, — раздраженно отвечает на мой вопрос преподаватель финансов из Университета Исландии. — Она не умеет петь, и я знаю ее мать с детства, и они обе были сумасшедшими. От того, что Бьорк хорошо известна не только в Исландии, но и во всем мире, мое мнение о ней не изменится».

Преимущество жизни среди народа, который якобы представляет собой большую семью, заключается в том, что никому ничего не нужно объяснять — каждый знает все, что полагается знать. Я вскоре обнаруживаю, что, например, спрашивать дорогу здесь — абсолютно пустая трата времени (почти как у нас). Вам не только полагается знать, о каком-то Бьорнйолфере идет речь в данный момент, но и то, в какой точке на карте вы находитесь. Два взрослых человека, один из которых банкир, работающий в трех кварталах отсюда, не могут объяснить мне, где находится кабинет премьер-министра. Трое других — в трех кварталах от Национальной галереи Исландии — понятия не имеют, как до нее добраться. Когда я замечаю сотруднице Национального музея, приятной женщине средних лет, что ни один исландец, похоже, не знает его местоположения, она говорит: «На самом деле никто ничего не знает о нашей стране. На прошлой неделе у нас были школьники, и учитель попросил их назвать исландского художника XIX в. Никто из них не знал.

Ни один человек! Один сказал: "Халлдор Лакснесс?"» (Лакснесс получил Нобелевскую премию по литературе в 1955 г., что было большой честью для исландца. Следующими мировое признание получили в 1980-х гг. две исландки, которые одна за другой завоевали титул Мисс мира.)

СЕЙЧАС У ЖИТЕЛЕЙ МНОГИХ городов мира сложилось ощущение, что они живут на пороховой бочке, фитиль которой уже подожжен, и никто не способен погасить его. Прохожие, гулявшие по Манхэттену накануне краха Lehman Brothers, видели пустые магазины, пустые улицы и пустые — даже в дождливую погоду — такси: люди разбежались, пока бочка не взорвалась. Такое же ощущение приближающегося конца света было у меня в Рейкьявике, только фитиль горел как-то странно. По закону предусматривается выплата выходных пособий в размере трехмесячного оклада, поэтому многие уволенные банковские служащие успели получить деньги до начала февраля, когда правительство в полном составе ушло в отставку. Курс кроны к валютной корзине падает более чем в три раза по сравнению с пиковым значением. Поскольку Исландия импортирует все, кроме энергии и рыбы, практически все цены в середине декабря резко подскакивают. Одна новая знакомая, работающая на государственной службе, рассказывает мне о походе в магазин за светильником. По словам продавца, нужного светильника в продаже больше нет, но он может заказать его в Швеции — по тройной цене.

Тем не менее в одночасье разорившееся общество со стороны кажется почти не изменившимся со времен, когда оно считало себя богатым как никогда. Пример

тому — Центральный банк Исландии. Почти наверняка евро станет валютой Исландии, а крона прекратит свое существование. Без нее же отпадет необходимость в центральном банке, призванном поддерживать стабильность местной валюты и регулировать процентные ставки. Здесь обретается Давид Оддссон, виновник взлета и падения Исландии. Еще в 1980-е гг. Оддссон попал под магическое влияние блестящего экономиста Милтона Фридмана, который был способен убедить в никчемности правительства кого угодно, даже самих правительственных чиновников. И Оддссон начал искать путь, который поможет исландскому народу обрести свободу, под которой он понимал свободу от любого контроля со стороны правительства. В бытность премьер-министром он снизил налоги, приватизировал промышленность, расширил свободу торговли и, наконец, в 2002 г. приватизировал банки. В конце концов, ему надоела должность премьер-министра, и он возглавил Центральный банк — не имея никакого опыта в банковском деле и будучи по образованию поэтом.

После краха этот ученик Милтона Фридмана нашел убежище в своем кабинете в банке и отклоняет все просьбы дать интервью. Высокопоставленные чиновники из правительства сообщили мне, причем без шуток, что предполагают, будто он большую часть времени сочиняет стихи. (В феврале 2009 г. новое правительство попросит его уйти в отставку.) Впрочем, снаружи Центральный банк Исландии по-прежнему выглядит элегантным черным храмом на фоне белых скал по другую сторону бухты. Туда по-прежнему ходят трезвые на вид люди. Мальчишки стрелой летят с горы по соседству с Центробанком, и им наплевать на то, что они играют в эпицентре

глобальной катастрофы. Внешне все выглядит как до краха, хотя в действительности все в корне изменилось. Фитиль горит, и огонь приближается к пороховой бочке.

Когда Нил Армстронг сделал свой «маленький шаг» из корабля Apollo 11 и огляделся вокруг, ему, вероятно, подумалось: «Ух ты, прямо как в Исландии» — хотя поверхность Луны никак не походила на Исландию. Но ведь он был туристом, а у туриста неминуемо складывается искаженное мнение о месте посещения: он встречается с нетипичными людьми, получает нетипичные впечатления и осматривает многочисленные достопримечательности через призму фантастических мысленных образов, с которыми он сюда прибыл. Когда Исландия стала туристом в высоком мире финансов, она столкнулась с той же проблемой, что и Нил Армстронг. Исландцы являются одной из самых инбредных наций на земле — предмет активного изучения генетиками. Они прожили на этом отдаленном острове 1100 лет без выкупов с использованием заемных средств, враждебных поглощений, торговли деривативами и даже мелкого финансового мошенничества. Когда в 2003 г. они сели за один стол с Goldman Sachs и Morgan Stanley, у них было лишь примерное представление о деятельности и поведении инвестиционного банкира, почерпнутое по большей части из познаний молодых исландцев, которые учились в американских школах бизнеса. И то, как они поступили с деньгами, невольно вызывает ассоциацию с образцом американца году этак в 2003-м. Например, они сразу поняли, что финансы — это торговля бумажками, а не вложения в сферу производства. Они предоставляли кредиты не для стимулирования производственной деятельности, а для финансирования своих

друзей и родственников, которые, как настоящие инвестиционные банкиры, приобретали дома на Беверли-Хиллз, британские футбольные команды и супермаркеты, датские авиалинии и медийные компании, норвежские банки, индийские электростанции.

Важно скупать как можно больше активов на заемные средства, ибо цена активов только растет — таков главный финансовый урок американцев, к которому исландцы отнеслись весьма по-деловому. К 2007 г. исландцам принадлежало примерно в 50 раз больше иностранных активов, чем в 2002 г. Они покупали частные самолеты и третьи дома в Лондоне и Копенгагене. Они платили огромные деньги за услуги, о которых прежде и помыслить не могли. «Один мужик за миллион долларов заказал на день рождения Элтона Джона. Тот прилетел на самолете и спел две песни, — с нескрываемой насмешкой говорит глава партии «Лево-зеленое движение» Стейнгримур Сигфуссон, — причем не слишком здорово». Они покупали доли в бизнесе, о котором не имели ни малейшего понятия, и указывали руководителям, как вести его, — совершенно в духе американских инвестиционных банкиров! Например, инвестиционная компания FL Group — мажоритарный акционер банка Glitnir — купила 8,25% компании American Airlines. Никто в FL Group никогда не управлял авиакомпанией, более того, никто в FL Group не имел серьезного опыта работы в авиакомпании. Это не помешало FL Group давать указания American Airlines относительно управления компанией. Как выразился в пресс-релизе вскоре после покупки акций генеральный директор FL Group Ханнес Смарасон, выпускник Школы менеджмента Слоуна Массачусетского технологического института: «Проанализировав

работу компании за длительный период, мы предлагаем ввести монетизацию активов ... что будет способствовать снижению долгов или возврату капитала акционерам».

Не особо разборчивыми исландцы были и в отношении своих приобретений. Я разговаривал с сотрудниками одного хедж-фонда в Нью-Йорке, которые в конце 2006 г. обнаружили легкую добычу: слабеющий скандинавский банк. Они сделали ставку на его падение, и тут, откуда ни возьмись, появляется банк Kaupthing и покупает 10%-ную долю в этом чахнушем предприятии. В результате цена акций взлетела до абсурдно высокого уровня. Я беседовал с управляющими другого хедж-фонда в Лондоне, которые были настолько ошеломлены множеством неудачных выкупов на заемные средства, финансируемых исландскими банками, что наняли аналитиков для исследования ситуации в исландской финансовой системе. Суть их выводов сводилась к следующему: горстка неопытных в финансовых делах парней из Исландии набирала за границей краткосрочные кредиты на миллиарды долларов. Затем они ссужали эти деньги себе и своим друзьям для приобретения активов — банков, футбольных команд и т. д. Поскольку активы во всем мире росли в цене (отчасти благодаря таким вот исландским безумцам, платившим за них бешеные цены), они, как тогда казалось, делали деньги. Управляющий третьего хедж-фонда объяснил мне банковский бизнес по-исландски следующим образом: у вас есть собака, а у меня — кошка. Мы договариваемся, что они стоят по миллиарду долларов. Вы продаете мне собаку за миллиард, а я вам — коту за миллиард. Отныне мы не владельцы домашних животных, а исландские банки, которые пополнились активами на миллиард долларов. «Они

создавали фиктивный капитал, продавая друг другу активы по взвинченным ценам, — говорит управляющий лондонским хедж-фондом. — Именно так и росли банки и инвестиционные компании. Но на международном рынке они считались несолидными».

ТРЕТЬЕГО ФЕВРАЛЯ БЫВШИЙ генеральный директор британского коммерческого банка Singer & Friedlander Тони Ширер, выступая в комитете палаты общин с докладом о нелепом поглощении его компании исландским банком, вкратце раскрыл подноготную этой истории.

Банк Singer & Friedlander функционировал с 1907 г. и был известен, помимо всего прочего, тем, что в нем начинал трудовую деятельность Джордж Сорос. В ноябре 2003 г. Ширер узнал, что банк Kaupthing, о существовании которого он даже не подозревал, приобрел 9,5%-ную долю в его банке. Обычно банк-покупатель стремится что-то узнать о своем приобретении. Ширер предложил президенту Kaupthing Сигурдур Эйнарсону встретиться, но Эйнарсон не проявил к этому интереса. Когда Kaupthing увеличил свою долю до 19,5%, Ширер все-таки полетел в Рейкьявик, дабы воочию увидеть, кто такие эти исландцы. «Они совсем другие, — сказал он на заседании комитета палаты общин. — Они весьма странно ведут дела. Все они невероятно молоды. Все они принадлежат к одному кругу в Рейкьявике. И не имеют понятия о том, что творят».

Он изучил годовые отчеты Kaupthing и обнаружил удивительные факты: у этого гигантского международного банка был только один член совета директоров не исландец. У всех директоров были заключены с банком контракты на четыре

года, и банк предоставил им кредит на £19 млн для покупки акций Kaupthing, а также опционы на обратную продажу этих акций банку с гарантированной прибылью. Практически вся объявленная прибыль была получена за счет повышения стоимости активов, купленных ранее по вздутым ценам. «Реальная доля прибыли, получаемой от настоящей — в моем понимании — банковской деятельности, составила менее 10%», — сказал Ширер.

Будь этот мир вмняем, британские регулирующие органы не позволили бы новоявленным исландским финансистам проглотить почтенный британский коммерческий банк. На деле же они проигнорировали письмо, которое направил им Ширер. Через год, в январе 2005 г., ему позвонили из британского Комитета по слияниям и поглощениям. «Они хотели знать, — говорит Ширер, — почему так стремительно поднялись в цене наши акции за последние пару дней». Я рассмеялся и сказал: «Думаю, вы и сами поймете, где искать причину: два дня назад г-н Эйнарссон, президент Kaupthing, заявил, как последний идиот, что собирается купить Singer & Friedlander». В августе 2005 г. банк Singer & Friedlander стал называться Kaupthing Singer & Friedlander, а Ширер уволился, поскольку, по его словам, не хотел, чтобы пострадала его репутация. И действительно, в октябре 2008 г. Kaupthing Singer & Friedlander прогорел.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ДАЖЕ ПОД ДАВЛЕНИЕМ палаты общин Тони Ширер отказался назвать исландцев обычными пройдохами с улицы. «Все они были высокообразованными людьми», — сказал он с ноткой удивления в голосе.

А вот еще один пример копирования американской модели исландцами: люди разного толка, но все иностранцы, пытались убедить их в том, что у них проблемы. В начале 2006 г., например, аналитик по имени Ларс Кристенсен совместно с тремя коллегами из Danske Bank, крупнейшего датского банка, подготовил доклад, в котором говорилось, что финансовая система Исландии растет бешеными темпами и неминуемо приближается к катастрофе. «На самом деле мы написали этот доклад потому, что были обеспокоены чрезмерным интересом наших клиентов к Исландии, — сказал он мне. — Исландия, как никакая другая страна, была экстремальна во всем». Затем Кристенсен полетел в Исландию и выступил с докладом, чтобы подкрепить свою точку зрения, но лишь нарвался на гнев. «Исландские банки восприняли это как личное оскорбление, — говорит он. — Нам пригрозили судом. Мне было сказано: “Вы — датчанин и злитесь на Исландию потому, что Исландия добилась таких успехов”». По существу, такое отношение явилось отголоском событий 1944 г., когда Исландия объявила независимость от Дании. «Реакция была не “Возможно, эти парни правы”, а “Нет! Это заговор. У них дурные побуждения”». Датчане просто ревновали!

Доклад Danske Bank привлек внимание хедж-фондов в Лондоне и подтолкнул их к открытию короткой позиции в исландской валюте. Они провели расследование и обнаружили невероятную паутину nepотизма: банкиры делают друг у друга приобретения по вздутым ценам, занимают десятки миллиардов долларов и кредитуют членов своего исландского клана, которые, в свою очередь, без разбора скупают на эти деньги иностранные активы. «Им,

как новичкам, — говорит Тео Фанос из лондонской компании Trafalgar Asset Managers, — всучили самые худшие активы — авиакомпания второго эшелона, захудалые розничные магазины. Это были во всех отношениях наихудшие приобретения на заемные средства».

Но тут на пророка накинудись исландские лидеры, начиная с премьер-министра. «Нападки... отдают неприятным запахом неразборчивых в средствах дельцов, которые решили нанести решающий удар в спину исландской финансовой системы», — сказал президент Центрального банка Оддссон в марте 2009 г. Президент Kaupthing публично назвал четыре хедж-фонда, которые, по его словам, преднамеренно пытались подорвать финансовое чудо Исландии. «Не знаю, откуда у исландцев появилась эта мысль, — говорит Пол Раддок, глава Lansdowne Partners, одного из четырех названных хедж-фондов. — Мы лишь один раз торговали исландскими ценными бумагами, да и то краткосрочно. После беспочвенных публичных обвинений, брошенных в наш адрес президентом Kaupthing, мы начали против него судебный процесс, и он взял свои слова обратно».

Одна из скрытых причин глобального финансового кризиса заключается в том, что тем, кто видел его приближение, было выгоднее открывать короткие позиции в период пика, нежели предавать проблему гласности. К тому же большинство из тех, кто мог бы представить убедительные обвинения Исландии — или, например, Lehman Brothers — в финансовых преступлениях, можно было не слушать на основании того, что они сами завязанные спекулянты, а их мнение пристрастно. Интересный факт: еще в апреле 2006 г. Исландия привлекла внимание Боба Алибера, почетного профессора

экономики из Чикагского университета. Алибер приехал в Лондонскую школу бизнеса послушать лекцию об Исландии, о которой в то время ничего не знал, и мгновенно распознал признаки пузыря. Покопавшись в данных, он обнаружил в Исландии приметы явного финансового сумасшествия и решил, что это историческое событие заслуживает описания в учебнике. «Идеальный пузырь» — так Алибер называет финансовый подъем Исландии, а сам учебный материал включает в переработанное издание классической книги Чарльза Киндлбергера «Мании, паники и крахи» (Manias, Panics, and Crashes), вышедшей в свет в 1978 г. В настоящее время Алибер редактирует новое издание. Еще в 2006 г. он решил посвятить Исландии одну главу книги, в которую также вошли главы о мыльном пузыре компании South Sea и тюльпаномании — хотя крушение исландских банков было еще впереди. Для него сам крах Исландии был лишь вопросом времени.

В исландских экономических кругах прошла молва о том, что этот авторитетный профессор из Чикаго проявляет особый интерес к Исландии. В мае 2008 г. экономический факультет Университета Исландии пригласил Алибера прочитать лекцию. Выступая перед аудиторией, состоящей из студентов, банкиров и журналистов, он объяснил, что Исландия, далекая от сферы высоких финансов, имела все признаки гигантского мыльного пузыря, но он говорил профессиональным языком экономистов. (Его лекция называлась «Монетарная турбулентность и исландская экономика».) Однако, когда после выступления ему задали вопрос о том, какое будущее ждет Исландию, он перешел на человеческий язык. По словам одного слушателя, Алибер сказал: «Даю вам девять месяцев. Ваши банки мертвы. Ваши банкиры либо глупы, либо

жадны. И я готов поспорить, что они уже летят куда-нибудь в надежде продать свои активы».

Присутствовавшие в зале исландские банкиры пытались не допустить появления этой информации в газетах. Некоторые ученые предложили Алиберу представить результаты его исследования Центральному банку Исландии. Почему-то этого не произошло. «Руководство Центробанка заявило, что у них нет времени для встречи с ним, — сообщил преподаватель, который пытался ее организовать, — так как они готовят Доклад о финансовой стабильности». Что касается Алибера, то он уезжал из Исландии с мыслями о том, что наделал так много шума, что его, наверное, больше туда не пустят. «У меня осталось ощущение, — сказал он мне, — что меня пригласили только потому, что им нужен был иностранец для высказывания этих вещей вслух, ибо исландец не решился бы на это из опасения нарваться на неприятности». И все же он очень тепло отзывается об исландцах. «Они весьма своеобразные люди, — говорит он смеясь. — Думаю, в этом-то все и дело, разве не так?»

У исландцев — во всяком случае мужской половины — есть свои объяснения, почему они, устремившись в глобальные финансы, побили мировые рекорды: природное чувство превосходства исландцев. Поскольку численность этого народа невелика и живут они изолированно, потребовалось 1100 лет, чтобы они — и мир — оценили и начали использовать их природные дарования, но теперь, когда мир стал плоским и деньги текут свободно, неблагоприятные факторы исчезли. В выступлениях за рубежом президент Исландии Оулавюр Рагнар Гримссон объяснил, почему исландцы проявляют исключительные способности в банковском деле.

«Наше наследие и образование, наша культура и внутренний рынок обеспечили нам важное преимущество», — сказал он, после чего перечислил целых девять преимуществ, последним из которых был назван дружелюбный нрав исландцев. («Некоторые даже считают нас обаятельными чудаками, неспособными причинить вред».) Высказывания в том же духе повторялись множество раз, чаще всего по-исландски. «В университете были реализованы исследовательские проекты, обосновывающие превосходство исландской модели бизнеса, — говорит Гилфи Созга, заведующий кафедрой экономики. — Все дело в наших неформальных каналах связи и способности быстро принимать решения плюс кое-чего еще».

«Нам всегда твердили, что исландские бизнесмены очень умны, — говорит университетский преподаватель финансовых дисциплин, бывший банкир Вильхьялмур Бьярнасон. — Они очень энергичны. И если собираются делать покупку, то сделка совершается очень быстро. Почему? Как правило, потому, что продавец очень доволен ценой».

Как оказалось, культ исландского банкира не был чужд и другим нациям. Немцы вложили в исландские банки \$21 млрд. Нидерландцы дали им \$305 млн, а шведы — \$400 млн. Британские инвесторы, соблазненные умопомрачительным размером годовых — 14%, выложили более \$30 млрд, из коих \$28 млрд поступили от компаний и частных лиц, а остальная сумма — от пенсионных фондов, больниц, университетов и других государственных учреждений. Один только Оксфордский университет дал \$50 млн.

Возможно, тот факт, что мы почти ничего не знаем об исландцах, объясняется их малой численностью. Мы

предполагаем, что они в какой-то степени похожи на скандинавов — добрые люди, которые просто хотят, чтобы у всех было всего поровну. И зря. В них есть некая необузданность, как в лошади, которая только притворяется объезженной.

СПУСТЯ ТРИ ДНЯ после приезда в Рейкьявик мне дважды звонят, причем довольно неожиданно. Первый звонок — от продюсера известного новостного телешоу. Она заявляет, что ее шоу смотрит вся Исландия, и просит прийти и дать интервью.

— О чем? — спрашиваю я.

— Хотелось бы услышать, как вы объясняете наш финансовый кризис, — отвечает она.

— Но я здесь всего три дня! — возражаю я.

По ее словам, это не имеет значения, потому как никто в Исландии не понимает, что произошло. Они с удовольствием выслушают любого, кто попытается это объяснить, пусть даже этот человек ничего не смыслит в том, что говорит, — полагаю, это свидетельствует о том, что Исландия не так уж и уникальна. Пока я раздумываю, раздается другой звонок, на этот раз из администрации премьер-министра.

Тогдашний глава правительства Исландии Гейр Хаарде также возглавлял Партию независимости, которая стояла у власти в 1991–2009 гг. Она правила в коалиции с Социал-демократической и Прогрессивной партиями. (Четвертая по значению партия в Исландии — Лево-зеленое движение.) Тот факт, что нации численностью 300 000 человек, связанных между собой кровным родством, понадобилось четыре крупные партии, наводит на мысль о том, что они либо чрезмерно склонны к разногласиям, либо неспособны слушать

друг друга. Как бы то ни было, из четырех партий независимые выказывают особую приверженность свободным рынкам. Партия независимости — это партия рыбаков. И состоит она, как поведал мне старый школьный товарищ премьер-министра, «из одних мужиков, а женщин нет ни одной».

Входя в крохотную резиденцию премьер-министра, я жду, что меня остановят и обещут или хотя бы попросят предъявить удостоверение личности с фотографией. На деле же я вижу одного-единственного полицейского, сидящего с ногами на столе и читающего газету. Он со скучающим видом поднимает на меня глаза. Я в первый — и, быть может, единственный — раз в жизни произношу: «Я пришел на встречу с премьер-министром», но на него это не производит никакого впечатления. Здесь любой может встретиться с премьер-министром. С полдюжины человек скажут мне потом, что одной из причин, по которой исландцы полагали, что в мире их воспримут как серьезных финансистов, было их ощущение собственной важности. Одна из причин такого ощущения собственной важности кроется в том, что все они могут в любое время увидеть премьер-министра.

Остается открытым вопрос о том, что мог бы сказать исландцам премьер-министр об их банкротстве. Ведь у исландских финансово-политических кругов замечательным образом отсутствует финансовый опыт. Так, министр по делам бизнеса — философ, министр финансов — ветеринар, а глава Центробанка — поэт. Хаарде, впрочем, по образованию экономист — жаль, не очень хороший. В бытность студентом экономического факультета в Университете Исландии он несколько не дотягивал до «хорошиста». Как группа руководители Партии независимости имеют репутацию

людей, которые сами мало смыслят в финансовых вопросах, но не желают привлекать сведущих экспертов. Когда исландский профессор из Лондонской школы экономики Йон Даниельссон, специализирующийся на финансовой панике, предложил свою помощь, ее с презрением отвергли; точно так же поступили и с некоторыми известными экономистами-финансистами из Университета Исландии. Проигнорировали даже советы весьма компетентных представителей центробанков из ряда развитых стран. Нетрудно понять, почему Партия независимости вкупе с премьер-министром не нравятся исландским женщинам: для них они похожи на мужика, который, невзирая на мольбы жены, везет семью на машине незнамо куда, пытаясь найти знакомые ориентиры, вместо того, чтобы остановиться и спросить дорогу.

— Почему вы заинтересовались Исландией? — спрашивает он, входя в кабинет с уверенностью, за которой стоит сила и авторитет, обычно свойственные лидеру крупной нации. И это хороший вопрос.

Оказалось, что он вовсе не глуп; впрочем, глупость — редкое свойство политических лидеров, как бы ни злословили по этому поводу избиратели. Он действительно говорит вещи, которые никак не могут быть правдой, но это именно те самые выдумки, которые полагается говорить премьер-министрам. Например, он утверждает, что крона снова стала весьма устойчивой валютой, в то время как на самом деле она не торгуется на международных рынках. Правительство попросту назначает ей условную стоимость для специальных целей. Находящиеся за рубежом исландцы рассудительно решили не пользоваться картой Visa из опасения, что суммы будут списываться по реальному курсу, каким бы он ни был.

Премьер-министру хотелось убедить меня, что он видел зарождение финансового кризиса в Исландии, но мало что мог сделать. («Мы не могли публично говорить о своих опасениях по поводу банков, иначе бы пришли к тому, от чего бежали: к панике».) Фактически винить в случившемся нужно не политиков вроде него, а финансистов. Народ с этим отчасти согласен: так, главу инвестиционной компании *Vaugur Investment* закидали снежками, пока он мчался из *101 Hotel* к лимузину, а главу банка *Kaupthing* освистали, когда он занял свое место в зрительном зале Национального театра. Однако большие шишки в основном сбежали в Лондон или залегли на дно, и бедный премьер-министр вынужден отдуваться за всех. На его долю выпадает и укрощение разъяренных демонстрантов, которые по выходным приходят к парламенту во главе с лидером одного из политических движений, исполнителем народных песен Хердуром Торфасоном.

У Хаарде есть на этот счет своя история, которой он неуклонно придерживается: иностранцы доверили Исландии свои капиталы, и Исландия грамотно распорядилась ими, но потом, 15 сентября 2008 г., компания *Lehman Brothers* рухнула, и иностранцы запаниковали и потребовали вернуть свои капиталы. Исландию погубила не собственная опрометчивость, а глобальное цунами. У этой истории есть одно «но»: она не объясняет, почему цунами накрыло именно Исландию, а не, скажем, Тонгу.

Но я прибыл сюда не спорить. Я хотел понять. «Мне очень хочется задать вам один вопрос», — говорю я.

— Да?

— Это правда, что вы говорили людям: пора завязывать с банками и отправляться ловить рыбу?

Здорово сказано, думалось мне. Кратко, верно и в точку. Честно говоря, я это слышал от управляющего хедж-фондом в Нью-Йорке. Премьер-министр устремляет на меня намеренно строгий взгляд. «Это сильно преувеличено», — отвечает он.

— Мне казалось, в этом есть смысл, — нерешительно говорю я.

— Я никогда не говорил этого! — отрезает он.

Очевидно, я затронул его болезненное место — непонятно только какое. Переживает, что подобным высказыванием выставил себя дураком? Или по-прежнему считает ремесло рыбака не столь достойным, как ремесло банкира?

НАКОНЕЦ Я ВОЗВРАЩАЮСЬ В ОТЕЛЬ и обнаруживаю — впервые за четверо суток, — что под соседней дверью нет пустых бутылок из-под шампанского. Исландская пара, которая, как мне раньше казалось, оттягивалась по полной, собрала пожитки и укатила домой. Четыре ночи я терпел вопли этих орков за стеной, а теперь стало тихо. Можно удобно устроиться на кровати и почитать статью «Экономическая теория общедоступного ресурса. Рыболовство» (The Economic Theory of a Common-Property Resource: The Fishery). Так или иначе, источником благосостояния Исландии является рыбный промысел, и если вы хотите понять, что исландцы сотворили со своими деньгами, надо в первую очередь понять, как они пришли в этот бизнес.

Эта блестящая статья была написана Скоттом Гордоном, экономистом из Университета Индианы, еще в 1954 г. В ней описывается тяжелое положение рыбака — и делается попытка объяснить, «почему рыбаки не богаты, хотя морские

рыбные ресурсы — самые богатые и неисчерпаемые из доступных человеку». Проблема состоит в том, что, поскольку рыба является общим достоянием, она на самом деле — ничья. Любой может выловить столько, сколько захочет, вот и ловят в таких количествах, что рыболовство становится невыгодным — причем для всех. «Каждый рыбак в душе надеется на “счастливый улов”, — пишет Гордон. — По многочисленным свидетельствам тех, кто хорошо знает рыболовов, они азартные игроки и неисправимые оптимисты».

Другими словами, рыбаки похожи на американских инвестиционных банкиров. Из-за своей чрезмерной самоуверенности они и себя обедняют, и рыболовные угодья истощают. Простое ограничение улова не решит проблему, а лишь усилит конкуренцию и сократит прибыли. Задача состоит не в том, чтобы вынудить рыбаков потратиться на лишние сети и судна покрупнее, а в том, чтобы обеспечить максимальный улов при минимальных усилиях. Для этого требуется вмешательство государства.

Понимание сути этого вопроса и помогло одной из беднейших стран Европы на 1900 г. стать одной из богатейших в 2000 г. Большие перемены в Исландии начались в начале 1970-х, после двух лет исключительно низких уловов рыбы. Второй год подряд лучшие рыбаки возвращались без обычного улова трески и пикши, и исландское правительство приняло радикальные меры: рыба была приватизирована. Каждый рыболов получил квоту, рассчитанную на основе его прежних уловов. Первоклассным рыбакам выдавали документ, подтверждающий право на ловлю, скажем, 1% от совокупного санкционированного улова в акватории Исландии в данном сезоне. До наступления сезона ученые

из Института морских исследований определяли общее количество трески или пикши, вылавливание которого не нанесет вреда благополучию рыбной популяции в долгосрочной перспективе. Количество разрешенной к вылову рыбы год от года менялось. Однако личный процент годового улова был фиксированным, и документ давал это право на неограниченный срок.

Предоставлялась и другая возможность: не хотите сами ловить — продайте квоту тому, кто хочет. Таким образом квоты переходили в руки тех, кому были больше всего нужны, самым лучшим рыбакам, умеющим добывать рыбу из морских глубин с максимальной эффективностью. Кроме того, под свою квоту можно было сделать заем в банке, и банк с готовностью оценивал в долларах вашу долю трески, выловленной при отсутствии конкуренции из самого богатого района трескового промысла на земле. Рыба была не только приватизирована, но и секьюритизирована.

ЭТО БЫЛО ЧУДОВИЩНО несправедливо: общественный ресурс — вся рыба в морских водах Исландии — был попросту передан горстке исландских любимцев фортуны. В одночасье Исландия обрела первых миллиардеров, и все они были рыбаками. Но с точки зрения социальной политики это был гениальный ход: в один миг рыба из неустойчивого источника существования превратилась в реальный, устойчивый источник богатства. Меньшее число людей меньшими усилиями вылавливали примерно столько рыбы, сколько было необходимо для оптимального долгосрочного поддержания исландских рыболовных угодий. Новое богатство преобразовало Исландию — и превратило ее из тихой заводи, которой она

была 1100 лет, в страну, давшую миру Бьорк. Если Исландия стала славиться музыкантами, то лишь потому, что у исландцев появилось время для занятия музыкой и многими другими вещами. Исландской молодежи, например, оплачивают образование за рубежом и поощряют самостоятельное всестороннее развитие. С тех пор как политика государства в области рыбного хозяйства преобразовала Исландию, страна, в сущности, стала машиной для переработки трески в докторов философии.

Но это, естественно, создает новую проблему: обладатели ученого звания не хотят зарабатывать на жизнь рыболовством. Им нужно заниматься чем-то другим.

И это «что-то», по всей видимости, не связано с работой в другой важной отрасли Исландии — энергетике. Водопады и кипящая лава обеспечивают огромное количество дешевой энергии, но, в отличие от нефти, это не то, что можно выгодно экспортировать. Обузданная исландская энергия остается внутри Исландии, и если в понятии обузданной энергии есть нечто поэтическое, то в отношении исландцев к этой проблеме есть нечто прозаическое. Они задались вопросом: можем ли мы производить нечто энергоемкое, за что люди будут платить? Ответ: алюминий.

Заметьте, никто не спрашивал, что исландцы хотят делать или на что они лучше всего годятся. Никто даже не задумывался, есть ли у исландцев природные способности к выплавке алюминия или нет. Alcoa, самая крупная в стране компания по производству алюминия, столкнулась с двумя типичными для Исландии проблемами, когда в 2004 г. приступила к сооружению гигантского плавильного завода. Первая касалась так называемого «невидимого народца» — или,

попросту говоря, эльфов, в которых искренне верит изрядное число исландцев, возвращенных на богатом фольклоре. По закону перед началом строительства завода компании Alcoa полагалось вызвать государственного эксперта для обследования строительной площадки и подтверждения отсутствия эльфов на ней и под ней. Как сообщил мне представитель Alcoa, ситуация для компании была щекотливой, поскольку, с одной стороны, им пришлось выложить немалые деньги за то, что площадка была признана свободной от эльфов, а с другой, как он выразился, «мы не желали позиционировать себя как компания, признавшая существование “невидимого народца”». Вторая, более серьезная проблема была связана с характерной чертой исландских мужчин — склонностью брать на себя повышенные по сравнению с другими нациями риски в отношении техники безопасности в алюминиевой промышленности. «На производстве, — говорит представитель Alcoa, — нужны люди, которые выполняют правила и подчиняются приказам начальства. Их героизм нам ни к чему. Мы не хотим, чтобы они делали то, что не входит в их обязанности, потому что иначе предприятие может взлететь на воздух». А исландские мужчины как раз склонны делать то, что не входит в их обязанности.

Отвлечемся на минуту от исландской экономики и переключим внимание на один поистине странный факт, который никак нельзя не заметить: люди здесь достигли такой степени саморазвития, что на имеющихся рабочих местах не могут найти себе достойного применения. Эти прекрасно образованные интеллектуалы, все без исключения знающие себе цену, в основном могут зарабатывать на жизнь в одной из двух неподходящих для них отраслей: траловое

рыболовство и производство алюминия. Естественно, в Исландии есть и занятия, которые могут привлечь рафинированных, образованных людей. Подтверждение отсутствия эльфов, например. («Это требует как минимум полгода — и может быть очень сложным».) Но это капля в море для страны, способной перерабатывать треску в диссертации. На заре XXI в. исландцы по-прежнему ждали, что в недрах их экономики родится задача, достойная их отточенного ума, и тогда они примутся за ее решение.

И тут на сцене появляется инвестиционный банкинг.

В ПЯТЫЙ РАЗ ЗА ЭТИ дни я замечаю некоторую напряженность, если за одним столом сидят исландцы обоего пола. Налицо всеобщая мужская тенденция не говорить с женщинами — или, скорее, не привлекать их к беседе, — если нет явного сексуального интереса. Но проблема не в этом. Наблюдать за общением мужчин и женщин в Исландии — все равно что наблюдать за малышами, делающими первые шаги. Они играют не вместе, а параллельно; они пересекаются куда менее органично, чем мужчины и женщины в других развитых странах, а это говорит о многом. И дело вовсе не в поправке прав женщин. Теоретически их права отвечают современным мировым стандартам: качественное общественное здравоохранение, широкое участие в трудовой деятельности, равноправие. Чего исландкам не хватает — по крайней мере с точки зрения туриста, наблюдающего за ними все 10 дней пребывания в стране, — так это настоящих взаимоотношений с исландскими мужчинами. Партия независимости состоит практически из одних мужчин, а среди социал-демократов в основном женщины. (Когда 1 февраля 2009 г. осыпанный

оскорблениями Гейр Хаарде наконец оставил свой пост, ему на смену пришла представительница Социал-демократической партии Йоханна Сигурдардоттир, и Исландия получила не только женщину-премьера, но и первого в истории современного мира открытого гомосексуала во главе государства: она в официальном браке с другой женщиной.) Здесь все знают всех, но когда я прошу исландцев направить меня к компетентному человеку, мужчины всегда отсылают меня к мужчинам, а женщины — к женщинам. Именно мужчина, например, предложил, чтобы я поговорил со Штефауном Альфссоном.

ХУДОЩАВЫЙ, С ГОЛОДНЫМ ВЗГЛЯДОМ, на лице настоящая, а не дизайнерская щетина — все это делает Альфссона больше похожим на капитана траулера, чем на финансиста. Он начал ходить в море с 16 лет, а между путинами посещал рыболовную школу. Потрясающе рано, в 23 года, он стал капитаном рыболовного траулера и по отзывам был искусным рыболовом, т. е. у него был талант вылавливания своей квоты трески и пикши за минимальное время. И тем не менее в январе 2005 г. в возрасте 30 лет он оставил рыбную ловлю и поступил на работу в валютный отдел банка Landsbanki. Почти два года он спекулировал на финансовых рынках, пока не наступил октябрь 2008 г. с его великим кровопусканием, и Альфссона уволили вместе с другими исландцами, называвшими себя «трейдерами». По его словам, работа в банке сводилась к перепродаже национальной валюты другим людям — как правило, собратьям-рыбакам. Он занимался, как он полагал, беспроигрышной спекуляцией: брал кредит в иенах под 3%, покупал на них исландские кроны и инвестировал их под 16%.

«Думаю, рыбака проще научить торговать валютой, — говорит он, — чем банковского работника ловить рыбу».

Потом он объяснил, почему рыбная ловля не так проста, как мне кажется. Для начала, она связана с риском — особенно, если ею занимаются исландские мужчины. «Кому нужны изнеженные мальчишки в команде? — говорит он с намеком на известные своим безумством способы исландских капитанов ловить рыбу. — Как-то я набрал команду из русских, — рассказывает он. — Не скажу, что они ленивы, но ритм у русских никогда не меняется». Во время шторма русские прекращают лов, потому что это очень опасно. «Исландцы же ловят рыбу в любых условиях, — говорит Штефаун. — Мы говорим: "Лови, пока ловится". Мы любим рисковать. Если окажешься за бортом, мало шансов спастись. Мне 33 года, а уже двое моих друзей погибли в море».

Чтобы стать капитаном, он учился несколько лет, но назначение пришло по счастливой случайности. Когда ему было 23 года (в то время он был первым помощником капитана на рыболовном судне), капитан уволился. Владелец судна начал искать ему замену и нашел немолодого пенсионера, который был своего рода легендой в истории исландского рыболовства. У него было замечательное имя: Снорри Снорассон. «Я два раза выходил с ним в море, — говорит Штефаун. — Никогда в жизни я не спал так мало, потому что очень хотел поучиться у него. Ночами я спал по два-три часа, а остальное время сидел с ним, и мы разговаривали. Я глубоко уважаю этого человека — невозможно перечислить все, чему он меня научил. Район плавания траулера. Оптимальный угол наклона сети. Как действовать на море. Что делать, если день оказался неудачным? Как ловить на такой-то глубине? Если

не получается, что делать — изменить глубину или уйти в другое место? В итоге оказывается, что многое зависит от чутья. За это время я получил гораздо больше знаний, чем в школе. Потому что как можно научиться рыбачить в школе?»

Эту потрясающую науку он прекрасно помнит и по сей день, и его глаза затуманиваются от воспоминаний.

— Вы целых *семь* лет изучали тонкости рыболовного ремесла, прежде чем удостоились чести поучиться у этого великого капитана? — уточнил я.

— Да.

— А потом вы месяцами благоговейно внимали словам великого мастера и только тогда почувствовали уверенность в своих силах?

— Да.

— Тогда почему вы решили, что сможете стать банкиром и спекулировать на финансовых рынках без единого дня обучения?

— Очень хороший вопрос, — отвечает он. Подумав с минуту, он говорит: — В первый раз за этот вечер не нахожу ответа.

Я его понимаю, поскольку и сам зачастую искренне верю в правильность того, что делаю, даже если это не так.

— В чем конкретно заключалась ваша работа? — спрашиваю я, чтобы «снять его с крючка»: «поймать — освободить» — таково современное представление о гуманной политике в Исландии.

— Я начинал... — тут он засмеялся, — консультантом по хеджированию валютных рисков компаний. Но при моей азартной натуре меня больше привлекали обыкновенные спекулятивные операции, и я увлекся этим делом.

Многие из его клиентов были рыбаками или рыболовными компаниями, и жизнь научила их, как и самого Альфсона, рисковать, иначе останешься без рыбы.

— Клиенты проявляли интерес к «хеджированию» только тогда, когда это сулило деньги, — говорит он и начинает истерично смеяться.

— Но вам хоть *нравилось* заниматься банковским бизнесом? — спрашиваю я.

— Я никогда не испытывал почтения к банкирам, — отвечает он, еще не отдышавшись от смеха. — Одна из моих любимых фраз на сегодняшний день: *никогда не доверяй банкиру*.

СЕЙЧАС, ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД, думается, что в последние пять лет жители Исландии могли бы задать себе некоторые очевидные вопросы. Например: «С чего вдруг Исландия стала занимать видное место в глобальной финансовой системе?» Или: «Почему крупным странам, создавшим современную банковскую систему, вдруг понадобилось, чтобы исландские банки встали между вкладчиками и заемщиками и стали решать, кто получит капитал, а кто нет?» И: «Если исландцам от природы присущи эти невероятные способности к финансовому бизнесу, то как им удавалось так искусно скрывать их в течение 1100 лет?» На худой конец, в стране, где все знают друг друга если не лично, то через родственников, логично было бы предположить, что, когда Штефаун Альфссон переступил порог Landsbanki, не менее десятка человек могли бы сказать: «Штефаун, но ты же рыбак!» Однако никто ничего такого не сказал. И, что совсем уж удивительно, до сих пор не говорят. «Если бы я вернулся в банк, — изрекает исландский

ловец трески без тени улыбки, — то занялся бы обслуживанием состоятельных клиентов».

ЕЩЕ В 2001 Г., КОГДА ИНТЕРНЕТ-БУМ пошел на спад, журнал Массачусетского технологического института *Quarterly Journal of Economics* опубликовал интересную статью под названием «Мальчишки остаются мальчишками. Половая принадлежность, самоуверенность и вложения в обыкновенные акции». Авторы, Брэд Барбер и Терренс Один, получили доступ к информации о торговле свыше 35 000 семейств на бирже и использовали эти данные для сопоставления привычек мужчин и женщин. Краткие выводы таковы: мужчины торгуют чаще женщин и при этом наивно полагаются на собственное умение разбираться в финансовых вопросах. Холостые мужчины торгуют менее благоразумно, чем женатые, а женатые — менее благоразумно, чем незамужние женщины: чем меньше женщин участвует в рыночных сделках, тем меньше рациональности в этом процессе.

Одна из отличительных особенностей катастрофы в Исландии (и на Уолл-стрит) — ничтожно малая причастность к ней женщин. Женщины в банках работали, но только не на должностях, связанных с принятием риска. Насколько я знаю, во время исландского бума лишь одна дама занимала руководящую должность в исландском банке. Ее зовут Кристин Петурсдоттир, и к 2005 г. она доросла до заместителя генерального директора лондонского отделения банка Kaupthing. «В финансовой сфере доминируют мужчины, — замечает она. — Это поистине экстремальный бизнес — настоящий бассейн с акулами. Женщины просто презируют эту культуру». Тем не менее Петурсдоттир нравилась финансовая

деятельность. Ее лишь не устраивал стиль работы исландских мужчин, поэтому в 2006 г. она уволилась. «Мне говорили, что я сошла с ума», — замечает она, но ей хотелось создать компанию по оказанию финансовых услуг, где руководителями будут исключительно женщины. Чтобы, как она выразилась, «привнести в мир финансов женские ценности».

Между прочим, сегодня ее фирма является одной из немногих прибыльных финансовых организаций, оставшихся в Исландии. После обвала фондовой биржи деньги хлынули потоком. Так, незадолго до нашей встречи она рано утром услышала громкий стук в парадную дверь и открыла ее. Перед ней стоял невысокий старик. «Мне так надоела вся эта система, — сказал он. — Я хочу доверить свои деньги женщинам».

С этой мыслью я в последний день пребывания в Исландии вошел в Музей саги. Созданный для прославления саг, великих исландских эпических сказаний XII–XIII вв., музей с его диорамами и фигурами в натуральную величину скорее производит впечатление современного телевизионного реалити-шоу. Зрителю кажется, что это вовсе не силиконовые статуи, а реальные древние исландцы или актеры в одежде древних исландцев. Из динамиков летят крики и жуткие вопли: католическому епископу по имени Йон Арасон отрубает голову, еретичку по имени сестра Катрин сжигают на костре, а в сцене битвы обливающийся кровью викинг пронзает мечом сердце поверженного врага. Ради поставленной цели — достижения достоверности — денег не пожалели. Переходя от одной кровавой сцены к другой, я поймал себя на том, что оглядываюсь, дабы убедиться в отсутствии крадущегося за мной викинга с боевым топором. Эффект

был настолько сильным, что я уже не вполне понимал, где я, и когда в конце экспозиции увидел на скамейке неподвижно сидящую за книгой японку, мне захотелось тронуть ее за плечо и убедиться в том, что она живая.

По всей видимости, исландцы дорожат памятью об этом прошлом — истории борьбы и героизма. Решительности и огромной силы. И пусть мы видим здесь немало женщин, но тем не менее это в значительной степени история мужчин.

Осуществляя масштабные заимствования для создания ложного благополучия, вы импортируете будущее в настоящее. Однако это уже не настоящее будущее, а его гротескный силиконовый вариант. Леверидж дает возможность купить процветание, которого вы фактически не заслужили. Интересный факт: будущее, на краткий миг импортированное исландским мужем в настоящее, поразительно напоминает прославляемое им прошлое. Готов поспорить, что увидевшие фальшивое будущее исландки теперь смогут сказать гораздо больше о настоящем будущем.

ГЛАВА II

ЭТО ОНИ ИЗОБРЕЛИ МАТЕМАТИКУ

Час на самолете, два на такси, три на дряхлом пароме, а потом еще четыре часа бешеной езды по вершинам отвесных скал на автобусах с водителями-греками, непрерывно болтавшими по мобильникам, — и вот я у главного входа крупнейшего мужского монастыря. Узкая коса, вдающаяся в Эгейское море, кажется краем земли — местом, где царит безмолвие. Время близилось к вечеру, и монахи либо молились, либо дремали, и только один дежурил в будке, чтобы приветствовать посетителей. Он провел нас — меня и семь греческих паломников — в прекрасно отреставрированную старинную опочивальню, где два других внимательных монаха предложили нам ликер «узо» и выпечку и вручили ключи от келий. Чего-то явно не хватало, и тогда я понял: никто не попросил у меня кредитную карту. Монастырь был не только богатым, но и бесплатным. Один из монахов сообщил, что ближайшим мероприятием будет церковная служба — вечерня. Следующим мероприятием, как выяснится позже, практически всегда бывает церковная служба. На территории монастыря находится 37 часовен, и я подумал, что найти место службы будет так же нелегко, как Вальдо, героя онлайн-игры.

— В какой церкви? — спросил я монаха.

— Просто идите за монахами, когда они проснутся, — ответил он. Затем он внимательно осмотрел меня с головы до ног. У него была невероятно длинная черная растрепанная борода, на нем — длинные черные одежды и клобук, в руках — четки. На мне были белые кроссовки, светлые хаки и сиреневая рубашка фирмы Brooks Brothers, в руках — пластиковый пакет из прачечной отеля с надписью гигантскими буквами: EAGLES PALACE HOTEL. «Зачем вы приехали?» — спросил он.

Это был хороший вопрос. Не ради церкви; я приехал ради денег. Гигантский вал дешевых кредитов, который прокатился по планете в 2002–2007 гг., породил новый вид путешествий: туры с целью изучения причин финансового краха. Кредит означал не просто деньги — это было искушение. Целые общества получили шанс проявить такие черты характера, которым они не могли дать волю в обычных условиях. Целым странам было сказано: «Свет погас, теперь можете делать что хотите — никто никогда об этом не узнает». Хотели они разного. Американцы хотели иметь большие дома, намного больше, чем могли позволить себе, и позволять сильным эксплуатировать слабых. Исландцы хотели бросить рыбную ловлю и стать инвестиционными банкирами, а также позволить своим альфа-самцам не сдерживать ранее подавляемую манию величия. Немцы хотели стать немцами в еще большей степени; ирландцы хотели перестать быть ирландцами. Каждое из этих обществ по-своему отреагировало на затронувшее их всех событие. Реакция греков, однако, была особенно своеобразной: в этом мог убедиться любой, кто провел там несколько дней в беседах с руководящими

лицами страны. А для того, чтобы убедиться в своеобразии реакции, необходимо было побывать в этом монастыре.

Я приехал сюда не просто так. Но было совершенно ясно, если рассказать о моих целях монаху, он даст мне от ворот поворот. И поэтому я солгал. «Говорят, это одно из самых святых мест на земле», — сказал я.

Я прибыл в Афины несколькими днями раньше, ровно за неделю до очередного запланированного бунта и спустя несколько дней после того, как немецкие политики предложили греческому правительству для погашения долгов продать свои острова и, возможно, присовокупить к сделке какие-нибудь древние руины. Новый премьер-министр Греции социалист Георгиос Папандреу был даже вынужден отрицать, что намеревался продавать некоторые острова. Рейтинговое агентство Moody's только что понизило кредитный рейтинг Греции до уровня, при котором все греческие правительственные облигации превратились в хлам — и, следовательно, стали ненужными многочисленным держателям. В результате выброс греческих облигаций на рынок не стал большим событием в краткосрочной перспективе, потому что Международный валютный фонд и Европейский центральный банк договорились между собой предоставить Греции — стране с населением около 11 млн человек, что на два миллиона меньше Большого Лос-Анджелеса, — до \$145 млрд. Вскоре Греция была изгнана со свободных финансовых рынков и перешла под опеку других государств.

Это были хорошие новости. Долгосрочная же картина была куда безрадостнее. Греческие счетоводы как раз подсчитали, что помимо непогашенного (и постоянно растущего) государственного долга в размере \$400 млрд правительство

задолжало еще не менее \$800 млрд в виде пенсий. Сложите эти суммы и получите около \$1,2 трлн, или более четверти миллиона долларов на каждого работающего грека. На фоне долгов на \$1,2 трлн помощь в размере \$145 млрд была скорее красивым жестом, чем решением проблемы. Такова была официальная статистика, в действительности же все, безусловно, обстояло намного хуже. «Когда наши люди вникли в суть дела, они не могли поверить своим глазам, — рассказал мне ответственный работник МВФ по возвращении из первой греческой миссии МВФ. — Учет финансов у них сводился к тому, что они знали лишь согласованную сумму расходов, но никто не следил за реальными тратами. Это даже нельзя назвать развивающейся экономикой. Это страна третьего мира».

Как оказалось, оставшиеся в темноте наедине с кучей заемных средств греки пожелали превратить свое правительство в пиньяту, наполненную фантастическими суммами, и дать по возможности большему числу граждан приобщиться к этим деньгам. Только за последние 12 лет фонд заработной платы государственного сектора греческой экономики удвоился в реальном выражении — без учета взяток чиновников. Средняя зарплата в госсекторе почти в три раза превышает среднюю зарплату в частном секторе. Годовой доход государственной железной дороги составляет €100 млн, а на зарплаты тратится €400 млн, не говоря уже о прочих расходах в сумме €300 млн. Средний годовой заработок железнодорожника — €65 000. Двадцать лет назад успешный бизнесмен по имени Стефанос Манос, позже ставший министром финансов, заявил, что было бы дешевле перевозить всех пассажиров греческой железной дороги на такси, и это

по-прежнему так. «Наша железнодорожная компания — полный банкрот, — сообщил мне Манос. — Тем не менее в Греции нет ни одной частной компании с таким уровнем средней зарплаты». Греческая система государственных школ начисто лишена эффективности: будучи одной из худших в Европе, она тем не менее нанимает вчетверо больше учителей на одного ученика, чем финская, одна из лучших европейских систем образования. Греки, отдающие своих детей в государственные школы, осознают, что для получения полноценных знаний им придется нанимать частных репетиторов. В стране есть три государственных военно-промышленные компании: их совокупная задолженность достигает миллиарды евро, а убытки постоянно растут. Пенсионный возраст в Греции, считающийся «высоким», составляет 55 лет для мужчин и 50 лет для женщин. В настоящее время в результате попыток государства проанализировать природу щедрых пенсий выяснилось, что более 600 профессий в Греции каким-то образом подпали в категорию тяжелых: парикмахеры, дикторы на радио, официанты, музыканты и т. д. и т. п. Государственная система здравоохранения Греции тратит на медицинские поставки гораздо больше, чем в среднем по Европе. При этом, как мне признались несколько человек, довольно распространено такое явление, как вынос медсестрами и врачами бумажных полотенец и памперсов, а также всего прочего, что удастся спереть из кладовых.

Почти не важно, где кончается расточительство и начинается воровство, ибо одно прикрывает другое. Общепринято полагать, например, что работающий на правительство — взяточник по определению. Пациенты, которые обращаются в государственные клиники, считают необходимым

дать взятку врачу, дабы получить адекватное лечение. Когда министры, которые всю жизнь находились на государственной службе, уходят с поста, они могут позволить себе многомиллионные особняки и два-три загородных дома.

Как ни странно, греческих финансистов упрекнуть не в чем. Они так и остались старыми сонными коммерчезали по уши в кредитах и не выплачивали себе огромных сумм. Самая большая проблема банков заключалась в том, что они одолжили правительству примерно €30 млрд, которые попросту разворовали или растратили. В Греции не банки потопили экономику, а страна — банки.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО ПОСЛЕ прибытия я пошел на встречу с греческим министром финансов Георгосом Папаконстантину, который по долгу службы должен был разгрести этот чудовищный бардак. Афины каким-то образом умудряются быть ослепительно белыми и одновременно грязными. Красивейшие свежеекрашенные дома в неоклассическом стиле изуродованы свежими граффити. Естественно, повсюду встречаются древние руины, которые, впрочем, создают ощущение полной отстраненности от всего остального. Прямо Лос-Анджелес с прошлым.

У темного, узкого входа в министерство финансов дежурит небольшая группа охранников, однако они даже не соизволили проверить, почему сработал металлоискатель. В приемной шесть дам — все на ногах — составляют график работы министра. Они оставляют впечатление безумной

деловитости, беспокойства и чрезмерной загруженности... а он все-таки опаздывает. В целом кабинет говорит о том, что даже в лучшие времена он не отличался особым великолепием. Потертая мебель, на полу — линолеум. Больше всего поражает количество сотрудников. Министр Папаконстантину («Зовите меня просто Георгос») закончил в 1980-е гг. Нью-Йоркский университет и Лондонскую школу экономики, затем 10 лет проработал в Париже в ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития). Он открыт, дружелюбен, свеж лицом и чисто выбрит и, как многие из верхушки нового греческого правительства, больше похож не на грека, а на англичанина — даже чуть ли не американца.

Когда Папаконстантину пришел сюда в октябре 2009 г., греческое правительство оценивало дефицит бюджета 2009 г. в 3,7%. Через две недели этот показатель пересмотрели и повысили до 12,5%, а в действительности он составлял почти 14%. Министру предстояло понять самому и объяснить мировому сообществу, почему это произошло. «Уже на второй день работы мне пришлось провести собрание, чтобы обсудить бюджет, — говорит он. — Я пригласил всех сотрудников Главного бюджетно-контрольного управления, и мы приступили к процессу, который сулил немало открытий». Каждый день они обнаруживали какую-нибудь невообразимую оплошность. Годовая задолженность по пенсиям на миллиард долларов каким-то образом оставалась неучтенной, и все притворялись, что ее не существует, хотя правительство выплачивало ее. Оказалось, что дыра в пенсионном плане самозанятых лиц была размером не €300 млн, как они предполагали, а €1,1 млрд. И подобных дыр было немало. «Каждый раз в конце дня я спрашивал: “Ну что, ребята,

закончили?” И они отвечали: “Да”. А на следующее утро в глубине кабинета робко поднималась рука: “Вообще-то, министр, тут не хватает еще €100–200 млн”».

Так продолжалось неделю. Помимо всего прочего выплыло великое множество дутых программ по созданию рабочих мест, которые не были учтены в бухгалтерской отчетности. «Министерство сельского хозяйства создало для оцифровки фотографий греческих государственных земель неучтенное подразделение со штатом 270 человек, — говорит мне министр финансов. — Беда в том, что никто из этих 270 человек не имел опыта работы с цифровой фотографией. Среди сотрудников встречались, например, парик-что запланированный дефицит в € / млрд фактически превысил €30 млрд. На закономерный вопрос о том, как такое могло произойти, сыскался быстрый ответ: раньше никто не утруждался точным подсчетом. «У нас не было Бюджетного управления конгресса, — объясняет министр финансов. — Как не было и независимой службы статистики». Правящая партия попросту берет цифры с потолка, исходя из собственных интересов.

С цифрами на руках министр финансов отправился на плановое ежемесячное совещание с министрами финансов европейских стран. Ему, как новому человеку, предоставили слово. «Когда я назвал цифры, они рты разинули от удивления, — признался он. — Как могло такое случиться? Я хотел сказать: *вы, мол, ребята, должны были сами догадаться, что цифры дутые*. К сожалению, на моем столе

была табличка с надписью “ГРЕЦИЯ”, а не “НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ГРЕЦИИ». После совещания к нему подошел голландец и поинтересовался: «Георгос, мы знаем, что это не ваша вина, но разве никого за это не посадят?»

Заканчивая рассказ, министр финансов подчеркивает, что дело не только в том, что правительство скрывало от народа реальные расходы. «Нельзя все свести к некорректному представлению статистики, — говорит он. — В 2009 г. налоговая служба распалась, потому что это был год выборов».

— Что?

Он улыбается.

— Первое, что делает правительство в год выборов, это набирает с улицы налоговых инспекторов.

— Вы шутите.

Теперь уже он смеется. Ясно, что я кажусь ему наивным.

РАСХОДЫ НА СОДЕРЖАНИЕ ГРЕЧЕСКОГО правительства — это лишь половина провального уравнения: существует также проблема государственных доходов. Редактор одной из крупных греческих газет мимоходом заметил, что его корреспонденты поддерживали отношения с источниками информации в налоговых органах страны. Это делалось не для разоблачения фактов налогового мошенничества — настолько распространенного явления в Греции, что ради него бумагу мараТЬ не стоило, — а для поиска наркобаронов, а также лиц, нелегально переправляющих людей через границу, и прочих других темных личностей. Так вот, горстка налоговых инспекторов была возмущена непрекращающейся коррупцией в этой сфере; позднее выяснилось, что двое из них захотели встретиться со мной. Здесь, правда, возникла одна

проблема: по неким причинам, которые оба отказались обсуждать, они на дух друг друга не выносили. Как мне неоднократно признавались сами греки, это весьма типично для их соотечественников.

Вечером после встречи с министром финансов я выпил кофе с одним налоговым инспектором в одном отеле, потом прошелся по улице и выпил пива с другим инспектором в другом отеле. Их уже понизили в должности за информирование о крупных взятках коллег, которые утвердили фальсифицированные налоговые декларации. Их также сняли со статусной оперативной работы и перевели на непрестижную работу в отдел обработки документации, лишив доступа к информации о налоговых преступлениях. Оба инспектора немного нервничали; ни один не хотел, чтобы кому-либо стало известно о нашем разговоре, поскольку они боялись потерять работу в налоговой инспекции. Поэтому назовем их Налоговый инспектор № 1 и Налоговый инспектор № 2.

Налоговый инспектор № 1: слегка за 60, деловой костюм, напряженный, но старается скрыть нервозность под внешним спокойствием. Явился с блокнотом, в котором изложил идеи о том, как навести порядок в греческой налоговой службе. Он считал само собой разумеющимся, что я должен знать о том, что в Греции налоги платят только те, кто не сумел этого избежать, — сотрудники компаний, у которых налоги удерживаются из зарплаты. Огромную часть экономики составляют самозанятые лица — и все они, от врачей до хозяев киосков, где продается *International Herald Tribune*, мошенничали (одна из главных причин, почему среди европейских стран в Греции самый большой процент не работающих по найму). «Это стало национальной чертой, — сказал

он. — Греки так и не научились платить налоги. Они их никогда не платили, потому что за это не наказывают. Ни одного человека *ни разу* не наказали. Это расценивается не более чем нарушение кавалером правил этикета: например, когда он не открывает даме дверь».

Размах налогового мошенничества в Греции достиг поистине невероятных размеров: примерно две трети врачей указали в налоговых декларациях, что их годовой доход был ниже €12 000 (до этой суммы доходы налогом не облагаются) — а это означало, что даже пластические хирурги, зарабатывающие миллионы в год, вообще не платили налогов. Причем дело было не в отсутствии соответствующего закона — по закону обман государства на сумму свыше €150 000 грозит тюремным заключением, — а в его применении. «Если бы этот закон соблюдался, — говорит он, — все врачи в Греции сидели бы в тюрьме». Я засмеялся, и он недоуменно посмотрел на меня: «Я говорю совершенно серьезно». Одна из причин невозбуждения дел — помимо того, что в глазах общества судебное преследование рассматривалось бы как произвол, ибо так поступают все, — заключается в том, что на рассмотрение налоговых исков в греческих судах уходит до 15 лет. «Если кто-то не хочет платить и его поймали на этом, он просто обращается в суд», — сообщает он. По его словам, примерно 30–40% греческих хозяйствующих субъектов, подлежащих обложению подоходным налогом, официально не зарегистрированы. Для сравнения: в Европе данный показатель в среднем составляет 18%.

Самый простой способ налогового жульничества заключается в том, что клиентов настоятельно просят платить за услуги наличными и при этом не дают чека. Самый простой

способ отмывания денег — покупка недвижимости. В Греции — единственной из европейских стран — нет единого государственного земельного кадастра, что создает благоприятные условия для процветания черного рынка. «Найти парня, который приобрел землю, можно лишь в том случае, если известен точный адрес оформления покупки, — объясняет инспектор. — Но даже тогда дело осложняется тем, что все написано от руки, а почерк разобрать трудно». «Но, — говорю я, — если какой-то пластический хирург получает миллион наличными, покупает участок на греческом острове и строит себе виллу, должны быть и другие документы — скажем, разрешение на строительство». «Люди, выдающие разрешение на строительство, не отчитываются перед казначейством», — отвечает налоговый инспектор. А в тех нередких случаях, когда налогового мошенника изобличают, он может просто подкупить сборщика налогов, и на этом все закончится. «Конечно, в Греции есть законы против коррупции среди налоговиков, — поясняет инспектор, — но если вас поймали, то до предъявления иска может пройти семь–восемь лет. Так что реально никто с этим не связывается».

Систематическое сокрытие доходов привело к тому, что правительству пришлось все больше полагаться на налоги, от которых сложнее уклоняться: налоги на недвижимость и продажи. Налог на недвижимость рассчитывается по формуле, что исключает участие налогового инспектора и дает, так сказать, «объективную стоимость» каждого дома. Экономический бум, наблюдаемый в Греции в последнее десятилетие, привел к тому, что реальные цены на переходящую из рук в руки недвижимость стали гораздо выше компьютерных оценок. Поскольку формула учитывает рост

реальных цен продажи, расчетная сумма налога также должна постепенно повышаться. Типичный гражданин Греции находит следующую лазейку: он декларирует не реальную, а заниженную сумму сделки, которая, как правило, «случайно» совпадает с низкой оценкой, полученной по формуле. Если дом покупается в кредит, то покупатель берет его исходя из объективной стоимости, а разницу доплачивает наличными или берет кредит на черном рынке. В результате «объективные цены» на землю оказываются абсурдно заниженными по сравнению с реальными. Поразительно, но многие верят, что все 300 членов греческого парламента выдают объективную цену своего жилья, рассчитанную с помощью компьютера, за реальную стоимость. Получается, как мне сказали налоговый инспектор и местный агент по продаже недвижимости, что «все до единого члены греческого парламента лгут, чтобы не платить налоги».

Далее он описал прекрасную в своем роде систему, которая имитировала системы налогообложения экономически развитых стран — и предусматривала огромный штат сборщиков налогов. Фактически же она позволяла всей стране мошенничать с налогами. Собираясь уходить, он отметил, что в этом роскошном туристическом отеле официантка не дала нам чек за кофе. «Для этого есть причина, — сказал он. — Даже такой отель не платит положенных налогов с продаж».

Я прошел вниз по улице и обнаружил, что в баре другого роскошного туристического отеля меня ждет второй инспектор. Налоговый инспектор № 2: небрежные манеры и одежда, любитель пива, и жутко боится, что другие могут узнать о нашей беседе. Он тоже принес толстую папку с документами,

только в ней собраны реальные примеры налогового мошенничества компаний, а не физических лиц. Он принялся перечислять примеры («только то, чему я сам был свидетелем»), начав со строительной компании в Афинах, которая возвела семь гигантских жилых домов и продала почти тысячу кондоминиумов в самом центре города. Согласно добросовестным расчетам, корпоративный налог составил €15 млн, но фирма не заплатила ничего. Вообще ноль. Чтобы уклониться от налогов, она сделала следующее. Во-первых, в налоговой декларации она никогда не называла себя корпорацией; во-вторых, наняла одну из дюжины компаний, которые занимаются исключительно тем, что составляют липовые документы на несуществующие расходы. Когда же налоговый инспектор заметил надувательство, ему предложили взятку. Инспектор доложил об этом начальству, после чего обнаружил, что за ним следит частный детектив и его телефонные разговоры прослушиваются. Кончилось тем, что строительная компания выплатила €2000. «И тогда меня сняли с расследования налоговых преступлений, — сказал налоговый инспектор, — потому что я делал эту работу добросовестно».

Тут он вернулся к своей толстой папке с бесчисленными примерами и показал еще одну страницу. Все эти страницы содержали аналогичные истории, и каждую из них он собирался изложить мне. Но тут я его остановил. Я понял, что, если дать ему продолжить, мы там всю ночь проторчим. Масштаб мошенничества — и объем вложенной туда энергии — потрясал воображение. В Афинах я несколько раз испытывал новое для журналиста чувство: полное отсутствие интереса к очевидной сенсации. Я общался с теми, кто знал внутренние механизмы греческого парламента: известный

банкир, налоговый инспектор, заместитель министра финансов, бывший член парламента. Я открывал блокнот и начинал записывать рассказы, которые они выплескивали на меня. Скандал за скандалом. Через 20 минут мне это надоедало. Их попросту было слишком много: их хватало не на книгу, а на целую библиотеку.

Греческое государство было не только порочным, но и разлагающим. Если постичь механизм его работы, можно понять и феномен, который иначе казался бессмысленным: грекам трудно хорошо отзываться друг о друге. По отдельности греки оставляют о себе дивное впечатление: они веселы, дружелюбны, умны и общительны. Проведя более 20 интервью, я решил: «Какие чудесные люди!» Они не любят хвалить других: в Греции вы очень редко услышите, как один грек открыто восхищается другим за его спиной. Любой успех воспринимается с подозрением. Каждый совершенно уверен, что другие либо не платят налогов, либо подкупают чиновников, либо берут взятки, либо занижают стоимость недвижимости. И это полное отсутствие веры друг в друга имеет обратную связь. Эпидемия лжи, жульничества и воровства создает невыносимые условия для гражданского общества, а его разрушение, в свою очередь, способствует дальнейшему распространению лжи, жульничества и воровства. Не доверяя друг другу, они доверяют лишь самим себе и своим семьям.

У греческой экономики коллективистская структура, но по существу страна демонстрирует полную противоположность коллективизму. Ее реальная сущность: каждый за себя. И в эту систему инвесторы вложили сотни миллиардов долларов. А кредитный бум довел страну до грани, до полного морального упадка.

НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ О ВАТОПЕДСКОМ монастыре помимо того, что в абсолютно коррумпированном обществе его почему-то отождествляют с душой коррупции, я отправился на север Греции в поисках горстки монахов, которые нашли новые, более совершенные методы работы в рамках греческой экономики. Первый этап путешествия был довольно легким: самолет до второго по величине греческого города Салоники, далее автомобиль, с бешеной скоростью летящий по узким дорогам, и ночь в неожиданно превосходном для такого захолустья отеле под названием Eagles Palace, который изобилует болгарскими туристами. Единственная сотрудница отеля, оказавшаяся самой предупредительной из всех, которых мне довелось встретить на своем пути (спросите Ольгу), вручила мне стопку книг и позавидовала моей возможности попасть в монастырь. Ватопедский монастырь, наряду с 19 другими, был построен в X в. на полуострове Гора Афон, имеющем размеры 60 км в длину и 10 км в ширину и расположенном в северо-восточной части Греции. Сейчас Афон отгорожен от материка длинным забором, так что добраться туда можно только по воде, что делает полуостров неким подобием острова. Женщинам на этот остров хода нет — не допускаются даже животные женского пола, за исключением кошек. Официальная история приписывает этот запрет желанию церкви почитать Богородицу; неофициальная версия состоит в том, что монахи пристают к посетительницам. Запрет действует уже 1000 лет.

Этим и объясняются пронзительные крики, которыми утром сопровождается отплытие от причала ветхого парома, битком набитого монахами и паломниками. Десятки женщин собираются там, чтобы покричать во всю мощь своих легких,

но делают это столь добродушно, что мне не понять, сокрушаются они или радуются по поводу невозможности сопровождать своих мужчин. Как сообщила мне Ольга, часть пути в Ватопед придется преодолеть пешком, и люди, которых она провожает на святую гору, обычно не берут с собой такие принадлежности современного мира, как чемодан на колесах. Тогда я взял лишь пластиковый пакет из Eagles Palace с запасным бельем, зубной щеткой и пузырьком снотворного средства.

Паром три часа пыхтит вдоль скалистого, заросшего лесами, но более ничем не примечательного побережья. По пути он останавливается у монастырей, чтобы высадить монахов, паломников и гастарбайтеров. При виде первого из них у меня захватывает дух. Состоящий из множества построек монастырь являет собой потрясающее зрелище: создается впечатление, что некто взял Ассизи, Тоди или другой старинный городок из холмистой центральной Италии и перенес его в эту глухомань. Если заранее не знаешь, что тебя ждет на горе Афон (которую восточная православная церковь уже более 1000 лет считает самым святым местом на земле и которая большую часть этого времени имела символическую связь с византийскими императорами), то эти монастыри вызывают потрясение. Они не имеют ничего общего со скромностью и явно соперничают друг с другом своей грандиозностью, замысловатостью и богатым украшением. В былые времена они постоянно подвергались набегам пиратов, и это вполне понятно: для пирата не грабить — все равно что лицо потерять.

В мире существует множество мест, где можно обойтись без знания греческого, и одно из них — Афины. Но совсем

другое дело паром на Афон. Меня выручает один молодой человек, который говорит по-английски. На мой неискушенный взгляд, он выглядит как обычный монах: длинная темная ряса, длинная темная косматая борода, печать неприветливости на лице, которая при общении исчезает. Он замечает, что я смотрю в карту с миниатюрными изображениями монастырей и пытаюсь определить, где же мне, черт побери, сходить. Тогда он представляется. Его зовут Цезарь; он румын, сын сотрудника тайного отдела полиции по борьбе со шпионажем в кошмарные времена режима Николае Чаушеску. Ему удалось сохранить чувство юмора, и это кажется мне настоящим чудом. Цезарь объясняет мою ошибку: никакой он не монах, а обычный румынский священник на отдыхе. Он приехал из Бухареста с двумя огромными чемоданами на колесиках с целью провести летний отпуск в одном из монастырей. Три месяца на хлебе и воде без женщин в обозримом пространстве — вот его представление об отдыхе. Ему мало мира без горы Афон.

Цезарь чертит небольшую схему, которая должна помочь мне добраться до Ватопеда, и дает общее представление о местности. Сам факт отсутствия у меня бороды уже свидетельствует о том, что я мирянин, поясняет он, а уж моя сиреневая рубашка Brooks Brothers и вовсе в глаза бросается. «Но они привыкли к посетителям, — сказал он, — так что проблем не должно быть». После некоторой паузы он спрашивает: «Но какова ваша религия?»

— У меня ее нет.

— Но вы верите в Бога?

— Нет.

Он немного подумал.

— В таком случае, я почти уверен, что вас не впустят.

Наступает пауза. «С другой стороны, а будет ли вам от этого хуже?» — хмыкает он.

Через час я схожу с парома, в руках только пакет из Eagles Palace и небольшая схема Цезаря, а он по-прежнему повторяет шутку собственного сочинения: «Будет ли вам от этого хуже?» — и с каждым разом смеется все громче.

Монах, встретивший меня у ворот Ватопедского монастыря, бросает взгляд на мой пакет и просит заполнить бланк. Час спустя я с видом человека, вознамерившегося устроиться в своей удивительно комфортабельной келье, вливаюсь в поток бородатых монахов, который проносит меня через двери церкви. Опасаясь, как бы меня не вышвырнули из монастыря еще до того, как я разберусь что к чему, я старательно пытаюсь вести себя как все. Я следую за монахами в церковь, зажигаю свечи и втискиваю их в крошечную песочницу, беспрестанно крещусь, посылаю иконам воздушные поцелуи. Кажется, никто не проявляет ни малейшего интереса к иностранцу в сиреневой рубашке Brooks Brothers, хотя во время службы толстый молодой монах, немного похожий на Джека Блэка, смотрит на меня с таким видом, как будто я нарушил какое-то критически важное наставление.

В остальном все было великолепно, я пережил незабываемые моменты и рекомендовал бы совершить такое путешествие всем, кто интересуется историей X в. Под тщательно отполированными золотыми канделябрами в окружении недавно отреставрированных икон монахи пели, монахи читали нараспев, монахи исчезали за экранами перегородки, произнося странные заклинания, монахи потряхивали неким подобием бубенцов, монахи проплывали мимо, размахивая

кадилами и оставляя за собой дым и древний аромат ладана. Все говорилось, пелось и читалось нараспев на библейском греческом языке (похоже, речь шла об Иисусе Христе), но я все равно понимающе кивал. Я вставал, когда они вставали, и садился, когда они садились, так что мы часами то вставали, то садились, что мне напомнило детей на тренажере «кузнечик». Эффект действия усиливали потрясающие растрепанные бороды монахов. Если за бородой не ухаживать, она будет у всех расти по-разному. Существуют различные типы: безнадежно рыхлая масса пушка, совок Усамы бен Ладена/ассирийского царя, птичье гнездо Карла Маркса. Многие монахи были удивительным образом похожи на Самого интересного мужчину в мире из рекламы пива Dos Equis. («Только одна его борода повидала пива больше, чем туловище индивида поменьше».)

Ходят слухи, что ватопедские монахи знают о вас гораздо больше, чем вы думаете, и интуитивно понимают то, чего не знают. Одна дама, возглавляющая крупную греческую судостроительную компанию, поведала мне за ужином в Афинах о том, как она незадолго до этого оказалась в самолете рядом с отцом Ефремом, настоятелем Ватопедского монастыря (в бизнес-классе). «Я испытала *очень* странное ощущение, — призналась она. — Ничего не зная обо мне, он обо всем догадался. О моем браке. О моем отношении к работе. Мне показалось, что он знает обо мне всё». Находясь в церкви, я усомнился в их божественных силах — в разгар государственного скандала они позволили писателю, пусть даже он официально не представился, приехать, поселиться в их монастыре и везде совать свой нос, не задавая ему вопросов.

Но на выходе из церкви меня все-таки останавливают: до-родный монах с бородой с проседью и темной кожей цвета маслин преграждает мне путь. Он представляется отцом Арсениосом.

НА ПРОТЯЖЕНИИ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ 1980–1990 гг. греческие процентные ставки превышали немецкие на целых 10%, так как шансы греков погасить кредит расценивались гораздо ниже. В Греции отсутствовал потребительский кредит: у греков не было кредитных карт. Ипотечных кредитов у греков тоже практически не было. Естественно, Греции хотелось, чтобы финансовые рынки воспринимали ее так же, как цивилизованную североевропейскую страну. В конце 1990-х гг. греки увидели для себя шанс: избавиться от собственной валюты и перейти на евро. Однако сначала было необходимо обеспечить соответствие определенным требованиям на национальном уровне, дабы доказать способность стать добропорядочным европейским государством и не наделать долгов, которые в конечном итоге придется выплачивать другим странам еврозоны. В частности, необходимо было показать, что дефицит бюджета в Греции не превышает 3% от валового внутреннего продукта, а уровень инфляции сопоставим с показателями Германии. В 2000 г. путем лихорадочных манипуляций со статистикой Греция достигла требуемых показателей. Для снижения дефицита бюджета греческое правительство исключило из учета все виды расходов (пенсионные, оборонные). Для снижения инфляции правительство заморозило цены на электроэнергию и воду и другие финансируемые правительством ресурсы, а также сократило налоги на бензин, алкоголь и табак. Специалисты по статистике

делали такие подтасовки, как изъятие (дорогостоящих) помидоров из индекса потребительских цен в день измерения уровня инфляции. «Мы приехали, чтобы увидеть того человека, который создал все эти цифры, — поведал мне бывший аналитик с Уолл-стрит, специализировавшийся на экономике европейских стран. — Мы не могли удержаться от смеха. Он признался, как заменял лимоны апельсинами. И таких манипуляций с индексом было множество».

Кстати говоря, еще тогда некоторые эксперты указывали на противоречивый характер греческих показателей. В 1998 г. Миранда Ксафа, бывшая сотрудница МВФ, ставшая экономическим советником при бывшем премьер-министре Греции Константиносе Мицотакисе, а затем аналитиком Salomon Brothers, отметила, что суммарный дефицит греческого бюджета за предыдущие 15 лет составляет лишь половину долга Греции. Иными словами, сумма, которую греческое правительство взяло в долг для финансирования своих операций, вдвое превышала заявленный дефицит. «В Salomon тогдашнего главу Греческой национальной службы статистики называли Волшебником, — рассказывает Ксафа, — за его способность мановением волшебной палочки устранять инфляцию, дефицит и задолженность».

В 2001 г. Греция вступила в Европейский валютный союз, сменила драхму на евро и получила европейскую (читай: немецкую) гарантию своих долговых обязательств. Греки получили возможность делать долгосрочные заимствования практически под такой же процент, что и немцы, — 5% вместо 18%. Теоретически для пребывания в еврозоне они должны были поддерживать дефицит бюджета на уровне, не превышающем 3% ВВП; на практике же они попросту подгоняли

отчетность под требуемые показатели. В том же 2001 г. на сцене появилась компания Goldman Sachs, занимавшаяся внешне законными, а на деле возмутительными сделками, целью которых было скрыть истинные масштабы задолженности греческого правительства. Как сообщалось, за эти сделки Goldman Sachs, который в действительности предоставил Греции кредит в размере \$1 млрд, урвал себе \$300 млн в качестве вознаграждения. Занимая и произвольно растрачивая средства, Греция действовала по принципу, заложенному в основу механизма отмывания низкокачественных кредитов американских заемщиков, да и роль американского инвестиционного банкира в этом механизме была той же. Инвестиционные банкиры также научили чиновников в греческом правительстве секьюритизировать будущие поступления от государственной лотереи, дорожные сборы, посадочные сборы в аэропорту и даже средства, предоставленные стране Евросоюзом. Любой ожидаемый поток доходов продавался за наличные и растрачивался. Как понятно любому здравомыслящему человеку, греки могли скрывать реальное финансовое положение лишь до тех пор, пока: а) кредиторы верили, что кредит Греции фактически подкреплен гарантией Евросоюза (читай: Германии) и б) за пределами Греции никто особо не задумывался над этим. В самой же Греции никто не был заинтересован в разоблачении, поскольку все были замешаны в этой афере.

Ситуация изменилась 4 октября 2009 г., когда в Греции сменилось правительство. Скандал подкосил правительство во главе с премьер-министром Костасом Караманлисом, и последний был с треском смещен, что, впрочем, неудивительно. Удивляет другое. В конце 2008 г. из новостей стало известно,

что Ватопед каким-то образом приобрел сравнительно ничемное озеро и обменял его на куда более ценный участок государственной земли. Как монахам удалось это проверить, неизвестно — прошел слух, что они дали огромную взятку какому-то государственному чиновнику. Однако никаких следов взятки не обнаружили. Тем не менее последовавший негативный резонанс не давал греческим политикам покоя весь следующий год. Скандал, связанный с Ватопедским монастырем, оставил неизгладимый след в общественной памяти. «Мы никогда не видели такой активности на выборах, как после этого скандала, — сообщил мне редактор одной из ведущих греческих газет. — Если бы не Ватопед, Караманлис и сейчас был бы премьером, и все оставалось бы по-прежнему». Димитри Контоминас, миллиардер, основатель греческой страховой компании и, между прочим, владелец телекомпании, которая сделала ватопедский скандал достоянием общественности, напрямик заявил: «Ватопедские монахи привели Георгиоса Папандреу к власти».

Новая партия (якобы социалистическая ПАСОК), пришедшая на смену старой (якобы консервативной Новой демократии), обнаружила, что в казне недостает такого количества денег, что решила: другого выхода, кроме как рассказать все начистоту, у нее нет. Премьер-министр объявил, что дефицит бюджета Греции был сильно занижен — и что для получения точных цифр потребуется некоторое время. Пенсионные фонды, глобальные облигационные фонды, равно как и прочие покупатели греческих облигаций, видевшие банкротство ряда крупных американских и британских банков и знавшие о шатком положении многих европейских банков, запаниковали. Новые, более высокие процентные

ставки, по которым была вынуждена платить Греция, фактически обанкротили страну, нуждающуюся в крупных займах для осуществления экономической деятельности. В Грецию прибыли представители МВФ, которые провели тщательную проверку финансовой отчетности, и в результате Греция лишилась последнего крошечного остатка доверия. «Как, черт побери, член еврозоны позволил себе указать дефицит бюджета на уровне 3% ВВП, в то время как он составлял 15%? — вопрошает чиновник из МВФ. — Как вообще можно было допустить такое?»

В настоящее время глобальная финансовая система задается вопросом: объявит ли Греция дефолт по своим долговым обязательствам. Иногда кажется, что это единственно важный вопрос, ибо если Греция не вернет \$400 млрд долга, то рухнут европейские банки, которые предоставили ей эти деньги, а вслед за ними и другие страны, балансирующие на грани банкротства (Испания, Португалия). Но дело в том, что вопрос о выплате Грецией долгов, по сути, связан с тем, изменится ли Греция в сторону цивилизованности, а это произойдет только в том случае, если сами греки захотят измениться. Мне беспрестанно твердили, что греки трепетно относятся к «справедливости» и не терпят несправедливости. Собственно говоря, это не такая уж сугубо греческая отличительная черта — весь вопрос в том, что именно греки считают несправедливым. Явно не коррупционность своей политической системы. И не уклонение от уплаты налогов или небольшие взятки на государственной службе. Отнюдь: их раздражают лишь те, кто не входит в их круг, явно отличается от них и не руководствуется такими мотивами, как узкие и откровенно корыстные интересы, но умеет пользоваться

коррупцированностью их системы. На сцене появляются монахи.

Одним из первых шагов нового министра финансов был иск против Ватопедского монастыря с требованием вернуть государственную собственность и возместить ущерб. Одно из первых решений нового парламента положило начало повторному расследованию по делу Ватопеда, призванному раскрыть хитрость, на которую пустились монахи для заключения столь выгодной сделки. Единственным чиновником, подозреваемым в пособничестве монахам, был помощник бывшего премьер-министра Гианнис Ангелу — у него отняли паспорт, и на свободе он находится только благодаря залогу в размере €400 000.

В обществе, совершившем едва ли не полное нравственное падение, монахи по неведомой причине стали единственной мишенью всеобщего нравственного осуждения. Все благонамеренные граждане яростно осуждают их вместе с пособниками, хотя никто точно не знает, как было дело и чем они руководствовались.

ОТЦУ АРСЕНИОСУ НА ВИД под 60 — хотя бороды старят лет на 20. Для монаха он весьма знаменит: в Афинах его знает каждый. Вхож в кулуары, перфекционист номер два, финансовый директор, настоящий мозг всего дела. «Если бы Арсениосу поручили государственный портфель недвижимости, — поделился со мной известный греческий агент по продаже недвижимости, — наша страна превратилась бы в Дубай. До кризиса». Те, кто дружелюбно настроен к этим монахам, считают отца Арсениоса доверенным советчиком, благодаря которому и существует чудодейственное аббатство отца

Ефрема. В глазах недругов он для отца Ефрема играет ту же роль, что пресловутый Джефф Скиллинг для Кеннета Лэя.

Я сообщаю о том, кто я и чем занимаюсь — а также о своих недавних беседах с политиками в Афинах. Он искренне улыбается: он мне рад! «Раньше, бывало, все политики наезжали сюда, — говорит он, — но после скандала перестали. Они боятся, что нас увидят вместе!»

Он провожает меня в трапезную и усаживает за почетный стол паломников, который расположен рядом со столом, предназначенным для высоких монашеских чинов. Во главе стола — отец Ефрем, неподалеку, на расстоянии слышимости, — Арсениос.

Большая часть монастырской еды выращивается в самой обители недалеко от трапезной. В серебряных чашах грубой работы лежат луковицы, зеленые бобы, огурцы, помидоры и свекла. В другой чаше — хлеб, испеченный монахами из собственноручно выращенной пшеницы. Здесь же кувшин с водой и десерт: нечто текучее, напоминающее апельсиновый шербет, и свежие соты с темным медом. Вот, собственно, и все. Будь это ресторан в Беркли, все бы самодовольно упивались счастливой возможностью вкушать пищу, выращенную на месте; здесь же еда кажется скудной. Монахи питаются, аки фотомодели перед съемкой. Четыре дня в неделю — по два раза в день и три дня — по одному: 11 трапез, и все похоже на эту. Возникает естественный вопрос: почему среди монахов встречаются тучные? Большинство — человек 100 из 110 живущих в обители — выглядят сообразно режиму питания: их даже худыми нельзя назвать — *кожа да кости*. Но грузность некоторых, включая двух старших священнослужителей, никак не вяжется

с 11 порциями сырого лука и огурцов, даже вкупе с изрядной дозой сотового меда.

После ужина монахи возвращаются в церковь, чтобы читать нараспев, петь, креститься и воскуривать ладан до часу ночи. Арсениос уводит меня на прогулку. Мы идем мимо византийских часовен и поднимаемся по византийским лестницам, пока не оказываемся в длинном византийском коридоре. Мы останавливаемся у старинной свежевывкрашенной двери и заходим в его кабинет. На столе стоят два компьютера; за ними — новехонький факс/принтер; довершает картину мобильный телефон и упаковка витамина С фирмы Costco. Стены и пол блестят как новые. В шкафах видны бесконечные ряды папок на трех кольцах. Если бы не единственная икона над столом, кабинет можно было бы принять за бизнес-офис образца 2010 г. К тому же если сравнить этот кабинет с кабинетом министра финансов Греции и спросить, какой из них принадлежит монаху, ответ был бы неверный.

«Сегодня острее ощущается духовная жажда, — говорит он в ответ на мой вопрос: почему его монастырь привлекает столько важных деловых людей и политиков. — Лет 20–30 назад они учили, что наука решит все проблемы. При всем множестве материальных благ они не находят удовлетворения. Люди устали от материальных удовольствий. От материального мира. И они осознают, что настоящий успех не зависит от подобных вещей». Затем он заказывает по телефону напитки и десерт. Тут же появляется серебряный поднос с пирожными и бокалами с мятным ликером.

Мы беседовали три часа. Я задавал простые вопросы. Как приходят к монашеству? Как вы обходитесь без женщин? Как люди, которые по 10 часов в день проводят в церкви,

находят время на империи недвижимости? Откуда у вас мятный ликер? Каждый раз он выдавал пространные, минут на 20, притчи, в которых крылся простой ответ. (Например: «Полагаю, есть много более прекрасных вещей, чем секс».) У него была привычка при разговоре размахивать руками и прыгать, улыбаться и смеяться: если отец Арсениос чувствует себя в чем-то неправым, он обладает редким умением это скрывать. Подобно многим другим посетителям Ватопеда, как мне думается, я не вполне понимал, зачем сюда явился. Я хотел понять, не была ли обитель прикрытием для коммерческой империи (не была) и не хитрят ли монахи (вряд ли). Но меня интересовало и другое: как горстка странного вида мужиков, удалившихся от материального мира, так ловко приспособилась к существованию в нем? Как так случилось, что именно монахи дали лучший по Греции пример для изучения в Гарвардской школе бизнеса?

Проходит два часа, и только тогда я решаюсь задать ему эти вопросы. К моему удивлению, он воспринимает их всерьез. Он указывает на табличку, прикрепленную над шкафом, и переводит с греческого: «Умный принимает, дурак стоит на своем».

Он рассказывает, что привез ее из Министерства туризма, когда был там по делам. «Это секрет успеха где угодно, не только в монастыре», — говорит он и почти слово в слово цитирует первое правило импровизационной комедии, или, коли на то пошло, любого успешного предприятия. Принимайте все, что вам перепадает, и развивайте. Только «Да... и», но никак не «Нет... но». «Дураку мешает гордыня, — рассуждает он. — Все должно быть по *его* желанию. То же самое можно сказать о человеке, который либо заблуждается, либо

делает что-то не так: он всегда пытается найти себе оправдание. Человек, который живет яркой духовной жизнью, скромнен. Он принимает все, что говорят ему другие, — критику, идеи — и изучает их».

Потом я замечаю, что из окон балкона открывается вид на Эгейское море. Монахам не дозволено купаться в нем, но я не стал спрашивать почему. Впрочем, это совершенно в их духе: построить дом на пляже и запретить ходить на пляж. Я также замечаю, что лишь я один ел пирожные и пил ликер. В голове мелькает мысль, что меня, быть может, подвергли своего рода испытанию — испытанию соблазном, а я его не выдержал.

«Все до единого члены правительства ополчились на нас, — говорит он, — но нас не в чем упрекнуть. Мы работаем для других. Греческие газеты называют нас корпорацией. Но позвольте вас спросить, Майкл, разве бывают компании с тысячелетней историей?»

В этот момент внезапно появляется отец Ефрем. Полноватый, с розовыми щеками и седой бородой, он скорее напоминает Санта-Клауса. В глазах мелькает искорка. За несколько месяцев до нашей встречи его вызывали в греческий парламент для дачи показаний. Один из присутствующих заметил, что правительство Греции с необычайной быстротой провернуло обмен ватопедского озера на коммерческую собственность Министерства сельского хозяйства. Он спросил Ефрема, как ему это удалось.

— А вы не верите в чудеса? — спросил его Ефрем.

— Уже начинаю, — ответил член парламента.

Когда нас представляют друг другу, Ефрем сжимает мою руку и очень долго не отпускает ее. Мне даже кажется, что он

сейчас спросит, что я хочу в подарок на Рождество. Однако он задает вопрос о моем вероисповедании. «Член епископальной церкви», — выпаливаю я. Он кивает и, видимо, думает: могло быть и хуже; вероятно, так оно и есть. «Вы женаты?» — спрашивает он. «Да». — «Дети есть?» Я киваю (он, видимо, думает: *это хорошо*). Интересуется, как их зовут...

ВТОРОЕ ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ дела Ватопеда в полном разгаре, и неизвестно, чем оно обернется. Но основные факты не оспариваются; предстоит ответить на главный вопрос: каковы мотивы монахов и помогавших им должностных лиц? В конце 1980-х гг. Ватопедская обитель являла собой сплошные развалины — груда камней и бегающие по ним крысы. Фрески потемнели. Иконы были в плачевном состоянии. Среди древних камней жила дюжина монахов, но они были разрознены и не организованы. Выражаясь церковным языком, они служили идиоритмически — иными словами, искали духовного удовлетворения поодиночке. Руководителя не было, как не было и общей цели. Проще говоря, к своему монастырю они относились примерно так же, как греческие граждане к своему государству.

Все изменилось в начале 1990-х гг., когда группа молодых энергичных монахов из греков-киприотов прибыла во главе с отцом Ефремом из другой части Афона и решила воссоздать монастырь — превосходный природный актив, который, будучи бесхозным, пришел в упадок. Вознамерившись вернуть Ватопеду его былую славу, Ефрем принялся активно искать средства. Он донимал Евросоюз просьбами помочь через фонды культуры. Он знакомился с богатыми греческими бизнесменами, желающими заслужить прощение Господне.

Он заводил дружбу с влиятельными греческими политиками. И все это он делал с невероятной напористостью. Например, когда при посещении Ватопеда известный испанский певец проявил к нему заметный интерес, он ловко использовал это обстоятельство, поведав испанским чиновникам о вопиющей несправедливости, совершенной бандой каталонских наемников в XIV в.: поспорившись с византийским императором, они разграбили Ватопед и нанесли ему большой урон. И монастырь получил от чиновников \$240 000.

Ясно, что частично стратегия Ефрема была нацелена на возвращение Ватопеду его положения времен Византийской империи, когда он был монастырем мирового значения. Это также отличало его от страны, в которой он находился. Несмотря на вступление в Европейский союз, Греция осталась закрытой экономикой. Невозможно назвать один главный источник проблем в стране, но одним из них, безусловно, является обособленность Греции. Греки обходятся своими силами даже там, где другие могли бы сделать это более эффективно: они попросту не принимают участия в выгодном сотрудничестве с другими странами. Ватопедский монастырь явился поразительным исключением: он развивал отношения с внешним миром. Широко известно, что до скандала принц Чарльз три года подряд приезжал летом в монастырь и жил там по неделе.

Знакомство с богатыми и влиятельными людьми сыграло существенную роль в получении правительственных субсидий и компенсаций за разграбление Ватопеда, а также в осуществлении третьей составляющей стратегии нового руководства: приобретения недвижимости. Но самый мудрый поступок отца Ефрема заключался в том, что ему удалось

раскопать один древний документ. В монастыре была старая башня, где хранились византийские рукописи, к которым десятилетиями никто не прикасался. В течение нескольких веков византийские императоры и другие правители жаловали Ватопеду разные земли, расположенные в основном на территории современной Греции и Турции. Еще до появления Ефрема греческое правительство отобрало большую часть этой недвижимости, но сохранился один правовой титул на озеро в северной части Греции, дарованное в XIV в. императором Иоанном V Палеологом.

Ко времени обнаружения правового титула в хранилищах Ватопеда озеро по указу греческого правительства было объявлено природным заповедником. Позднее, в 1998 г., это решение было неожиданно отменено. Вскоре после этого монахам предоставили полное право собственности на озеро.

Вернувшись в Афины, я разыскал Петера Дукаса, чиновника из Министерства финансов, к которому обращались монахи из Ватопеда. Сейчас Дукас оказался в центре двух парламентских расследований. Как ни странно, но он единственный из правительства выразил желание открыто рассказать о случившемся. (Он родился не в Афинах, а в Спарте — но это, наверное, другая история.) В отличие от большинства членов греческого правительства, Дукас не всегда состоял на государственной службе. Этот парень нажил состояние, работая в частном секторе как в Греции, так и за рубежом, а в 2004 г. по просьбе премьер-министра занял пост в Министерстве финансов. В то время ему было 52 года, и большую часть своей карьеры он проработал банкиром в Citigroup в Нью-Йорке. Это был высокий блондин, шумный, резкий и веселый. Собственно, Дукас и был тем человеком,

которому Греция обязана появлением долгосрочных правительственных обязательств. Еще в то время, когда ставки были низкими и никто не считал кредитование греческого правительства рискованным, он уговорил свое руководство выпустить 40- и 50-летние облигации. Впоследствии греческие газеты бранили его (ДУКАС ЗАКЛАДЫВАЕТ БУДУЩЕЕ НАШИХ ДЕТЕЙ), но это был весьма разумный шаг. Сегодня долгосрочные облигации на сумму \$18 млрд торгуются по 50 центов за доллар — это означает, что греческое правительство могло бы выкупить их на открытом рынке. «Я принес торговую прибыль на \$9 млрд, — смеется Дукас. — Мне полагается премия!»

Вскоре после вступления в должность в кабинет Дукаса в Министерстве финансов без предварительной записи явились два монаха. Один из них был отцом Ефремом, о котором Дукас кое-что слышал; второй, который был Дукасу незнаком и, судя по всему, являлся инициатором сего предприятия, назвался отцом Арсениосом. Они заявили, что озеро является собственностью монастыря, и предложили Министерству финансов выкупить его за наличные. «Кто-то дал им полное право на владение озером, — говорит Дукас. — И теперь они хотели обратить эту собственность в деньги. Они пришли ко мне и сказали: “Вы можете выкупить его?”» Дукас понял, что они хорошо подготовились к встрече. «Перед тем как прийти, они узнают о вас *многие подробности*: кто ваша жена, родители, каковы ваши религиозные убеждения, — сообщил он. — Первым делом они спросили меня, не хочу ли я исповедаться». Дукас решил, что открывать монахам свои тайны будет неразумно. И денег за озеро тоже не дал — ибо не вполне понимал, как они получили право

собственности. «По-видимому, они думали, что я могу свободно распоряжаться всеми этими деньгами, — предполагает Дукас. — Я сказал им: “Послушайте, вопреки общепринятому мнению, в Министерстве финансов денег нет”. На что они сказали: “Хорошо, если вы не можете выкупить озеро, почему бы не отдать нам часть ваших земель?”»

Это была очень умная задумка: обменять озеро, не приносящее дохода, на доходную государственную собственность. Каким-то образом монахи убедили чиновников, что земля вокруг озера стоила гораздо больше €55 млн (оценка независимого оценщика, которая была проведена позже), и на этом основании запросили государственную собственность на €1 млрд. Дукас отказался давать им какую бы то ни было часть активов стоимостью примерно €250 млрд, находившихся в распоряжении Министерства финансов. (Он якобы отрезал: «Ни за что на свете я этого не сделаю».) Тогда священнослужители обратили взоры к другим ценным землям — сельскохозяйственным угодьям и лесам, находящимся в ведении Министерства сельского хозяйства. Дукас вспоминает: «Звонит министр сельского хозяйства: “Мы отдаем им все эти земли, но этого недостаточно. Почему бы и вам не подбросить им кое-какие участки?”» Дукас отказался, и тогда ему снова позвонили — на этот раз из кабинета премьер-министра. Но он все равно сказал «нет». Далее он получает документ, где говорится, что он отдает монахам государственные земли, и ему нужно лишь подписать эту бумагу. «Я сказал: “Хрен я вам это подпишу”».

И действительно не подписал — во всяком случае в первоначальном виде. Но на него надавила администрация премьер-министра; монахи, как показалось Дукасу, имели

определенное влияние на главу администрации премьер-министра. Этот человек, Гианнис Ангелу, познакомился с монахами несколькими годами раньше, когда у него обнаружили неизлечимое заболевание. Монахи молились за него, и вместо того чтобы умереть, он чудесным образом выздоровел. Но он исповедался им.

К этому моменту Дукас считал монахов не обычными ловкачами, а самыми здравомыслящими бизнесменами из всех, с кем ему приходилось иметь дело. «Я сказал им, что они должны управлять Министерством финансов, — говорит он. — Они не стали спорить». В конце концов, под давлением начальства Дукас подписал оба документа. Первый подтверждал неоспоримость права собственности монастыря на озеро; второй разрешал обмен на землю. Монахи не получили в собственность земли Министерства финансов, но, согласившись принять озеро на баланс министерства, Дукас санкционировал их сделку с министром сельского хозяйства. В обмен на озеро монастырь получил 73 различных вида государственного имущества, включая гимнастический комплекс, построенный для Олимпийских игр 2004 г. и теперь брошенный, как и многие другие олимпийские объекты. Именно так и обстояло дело, заключил Дукас. «Мы ведь думаем, что они святые люди, — говорит он. — Может, они хотят создать сиротский приют».

Как оказалось, они хотели создать империю коммерческой недвижимости. Они начали с того, что убедили греческое правительство сделать для них исключение: перевести многие объекты собственности из некоммерческой категории в коммерческую. Помимо земель, полученных в результате обмена, — которые, как впоследствии оценили в греческом

парламенте, стоили €1 млрд — монахам исключительно для их собственных целей предоставили 100%-ное финансирование для покупки коммерческих зданий в Афинах и застройки приобретенных ими земель. Бывший олимпийский гимнастический комплекс должен был стать современной частной больницей — с которой у монахов было определенное взаимовыгодное сотрудничество. Затем при содействии греческого банкира монахами был разработан план некой организации под названием Ватопедский фонд недвижимости. Предполагалось, что вкладчики фонда будут выкупать у монахов объекты, переданные им правительством. А монахи будут использовать эти средства на реставрацию обители и возвращение ей былой славы.

На давней дарственной на озеро, которому была грош цена, два священнослужителя сделали состояние, которое, по мнению различных греческих газет, оценивалось от десятков миллионов до многих миллиардов долларов. В действительности же никто не знал истинного размера финансовых активов монахов; более того, первое парламентское расследование подверглось критике за неспособность наложить руку на все имущество монастыря. Исходя из предположения, что узнать истинное состояние богачей лучше всего у других богачей, а не, скажем, у журналистов, я провел выборочный опрос нескольких состоятельных греков, разбогатевших на недвижимости или финансовых операциях. Они оценили недвижимые и финансовые активы монахов в сумму выше \$1 млрд, но ниже \$2 млрд — так они выросли с нулевого уровня при новом руководстве. Причем бизнес начался на пустом месте: продавать было нечего — кроме прощения.

Монахи пробыли в церкви до часу ночи. Обычно, пояснил отец Арсениос, они встают в 4.00 и начинают все сначала. По воскресеньям полагается послабление: они начинают в 6.00. Прибавьте еще восемь часов ежедневной работы в огороде, или мытья посуды, или изготовления мятного ликера, и вы поймете: рай для одних может показаться адом для других. Руководители предприятия, отцы Ефрем и Арсениос, отступают от этого сурового режима примерно пять дней в месяц, в остальное же время ведут одинаковый со всеми образ жизни. «Большинство греков считают, что настоятель — весьма предприимчивый делец, — в порыве откровения говорит мне отец Матфей из Висконсина. — Все в Греции убеждены, что у настоятеля и отца Арсениоса есть тайные счета в банках. Если подумать, то это полный бред. Что им делать с этими деньгами? Они не ездят на недельку на Карибы. Настоятель живет в келье. Это хорошая келья. Но он все же монах. И *очень не любит* уезжать из монастыря».

Мысль о том, что мне предстоит явиться в церковь в 6.00, не дает мне уснуть, и уже в 5.00 я на ногах. Абсолютная тишина: так редко доводится вообще ничего не слышать, что лишь через какой-то момент времени начинаешь ощущать отсутствие звуков. Купола, трубы, башни и греческие кресты резко выделяются на фоне серого неба. Как и пара празднично застывших гигантских кранов — поскольку активы монастыря заморожены, его восстановление приостановлено. В 5.15 из церкви доносятся первые звуки, как если бы кто-то передвигает иконостас — тяжелый физический труд закулисной подготовки к представлению. В 5.30 монах хватается за веревку и звонит в церковный колокол. Снова становится тихо, но через несколько мгновений из длинного

общежития монахов раздаются сигналы электронных будильников. Через 20 минут монахи по одному или парами выходят из келий и по булыжной мостовой устремляются к церкви. Все это похоже на начало фабричного дня в небольшом городке. Не хватает лишь судков с обедом.

Три часа спустя по дороге в Афины у меня звонит телефон. Это отец Матфей. Он хочет попросить меня об услуге. *Только не это, думаю я, они меня раскусили, и он собирается уговаривать меня не писать о некоторых вещах.* В общем-то, они действительно поняли мои намерения, только он звонил не за этим. К слову сказать, министр финансов настаивал на проверке своих цитат, а вот монахи дали добро писать о чем угодно, что само по себе поразительно — в свете грозящих им судебных процессов. «Мы читаем материалы одного консультанта на американском фондовом рынке, — говорит монах. — Его зовут Роберт Чапмен...» (Никогда не слышал о нем. Он оказался автором информационного бюллетеня о глобальных финансах.) Собратьев по обители, сказал отец Матфей, интересуется, что я думаю о Роберте Чапмене и стоит ли его слушать...

ЗА ДЕНЬ ДО МОЕГО ОТЪЕЗДА из Греции в парламенте страны обсуждали и выносили на голосование законопроект о повышении пенсионного возраста и сокращении государственных пенсий и других привилегий госсектора. («Я полностью поддерживаю идею сократить число бюджетников, — говорил мне эксперт из МВФ. — Но как сокращать число, которого не знаешь?») Премьер-министр Папандреу представил этот законопроект, как и все остальное с момента обнаружения дыры в балансе, не как собственную идею,

а как безоговорочное требование МВФ. Судя по всему, это делалось с целью заставить греков, которые никогда не пойдут на жертвы из внутренних побуждений, прислушаться к призывам извне. То есть они фактически уже не хотят сохранять приличия.

Тысячи и тысячи госслужащих вышли на улицы в знак протеста против законопроекта. Вот как выглядит греческая версия «Чаепития»: налоговики-взяточники; учителя государственных школ, которые ничему не учат; высокооплачиваемые работники обанкротившихся государственных железных дорог, на которых поезда никогда не приходят вовремя; работники государственных больниц, берущие взятки за приобретение медицинских товаров по завышенным ценам. Вот они, а вот мы: страна людей, которые винят кого угодно, но только не себя. Греческие бюджетники объединяются в отряды по типу армейских взводов. В середине «взвода» — два-три ряда молодых людей, вооруженных дубинками в виде флагштоков. С поясов свисают лыжные очки и противогазы, позволяющие не покидать поле боя при неизбежном применении слезоточивого газа. «Заместитель премьер-министра сказал нам, что они жаждут как минимум одной смерти, — сообщил мне один из известных бывших министров Греции. — Они хотят крови». Когда двумя месяцами раньше, 5 мая, начались марши протеста, толпа дала понять, на что способна. Увидев работающих в отделении Marfin Bank сотрудников, юнцы забросали их бутылками с зажигательной смесью и плеснули бензина, перекрыв выход. Большинство сотрудников Marfin Bank выбрались через крышу, но во время пожара погибли три человека, включая молодую женщину на четвертом месяце беременности. Пока

они умирали, греки на улицах кричали, что так им и надо — нечего было выходить на работу. Эти события происходили на глазах у греческих полицейских, но они никого не арестовали.

Как и в другие дни, участники протеста буквально парализуют страну. Авиадиспетчеры устраивают забастовку и закрывают аэропорт. В порту Пирей толпа не дает пассажирам круизного лайнера сойти на берег за покупками. В разгар туристического сезона они блокируют свою страну, так отчаянно нуждающуюся в притоке иностранной валюты. Любому сотруднику частных предприятий, не поддержавшему забастовку солидарности и вышедшему на работу, грозит опасность. Все магазины и рестораны в Афинах закрыты; закрыт также Акрополь.

Группа лидеров собирается посреди широкого бульвара в нескольких метрах от уничтоженного огнем отделения банка. Поджигать банк при данных обстоятельствах было верхом жестокости. Если бы в мире царила справедливость, греческие банкиры вышли бы на улицы с протестом против представлений обычного греческого гражданина о нравственности. Мраморное крыльцо Marfin Bank превратилось в печальное место поклонения: мягкие игрушки для неродившегося ребенка, несколько фотографий монахов, табличка с высказыванием древнего оратора Исократа: «Демократия уничтожает сама себя, потому что злоупотребляет правом на свободу и равенство. Потому что учит граждан воспринимать наглость как право, беззаконие как свободу, оскорбительную речь как равенство, а анархию как прогресс». На другой стороне улицы выстроилась фаланга полицейских с сомкнутыми, как у спартанцев, щитами. За ними здание

парламента, внутри которого предположительно разгорелись яростные дебаты, хотя происходящее там остается тайной за семью печатями, поскольку греческие журналисты тоже бастуют. Толпа начинает скандировать и двигаться в сторону находящейся в явном меньшинстве полиции: полицейские застывают в полной боеготовности. Наступает один из тех моментов, когда ждать можно чего угодно. По сути, вопрос лишь в том, откуда ждать подвоха.

Такое же ощущение складывается и на финансовых рынках. Вопрос, на который все ждут ответа: объявит ли Греция дефолт? Существует точка зрения, согласно которой у греков нет выбора: те меры, которые принимает правительство для снижения расходов и увеличения доходов, ведут к оттоку из страны остатков производительной экономики. В Болгарии налоги ниже, в Румынии работники менее привередливы. Но есть и другой, более интересный вопрос: даже если эти люди теоретически смогут выплатить долги, жить по средствам и вернуть добрую репутацию в Евросоюзе, есть ли у них для этого внутренние ресурсы? Или они настолько потеряли способность ощущать связь с миром за пределами своих мирков, что готовы просто отказаться от обязательств? На первый взгляд, объявить дефолт по долговым обязательствам и самоустраниться было бы безумием: все греческие банки мгновенно обанкротятся, страна не сможет платить за многие импортируемые товары первой необходимости (например, нефть), и правительство будет наказано на долгие годы высокими процентными ставками, если ему позволят снова брать кредиты. Но эта страна ведет себя не как коллектив; ей не хватает монашеского чутья. Она ведет себя как скопище разобщенных частиц, каждая из которых

привыкла преследовать собственные интересы в ущерб общему благу. Разумеется, правительство решительно настроено, по крайней мере попытаться восстановить гражданскую сферу в Греции. Единственный вопрос: а подлежит ли она восстановлению?

ГЛАВА III

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ ИРЛАНДИИ

Когда я летел в Дублин в начале ноября 2010 г., ирландское правительство занималось тем, что помогало ирландскому народу смириться с потерей. Прошло два года с тех пор, как горстка ирландских политиков и банкиров решила предоставить гарантию по долгам крупнейших ирландских банков, но люди только сейчас начали осознавать, чем это может обернуться для них. Суммы были умопомрачительные. Один банк, Anglo Irish, который двумя годами ранее, по утверждению ирландского правительства, страдал «проблемой ликвидности», признался, что понес убытки в €34 млрд. Чтобы американцу было понятнее, что для ирландца значат «€34 млрд», надо умножить эту сумму на 100, т. е. \$3,4 трлн. Заметим, речь идет только об *одном банке*. Поскольку общая сумма кредитов, предоставленных Anglo Irish Bank по большей части ирландским застройщикам, составляла €72 млрд, банк потерял почти половину с каждого вложенного евро.

Состояние дел двух других крупнейших ирландских банков — Bank of Ireland и особенно Allied Irish Banks (AIB) — осталось грязным маленьким секретом Ирландии. Эти банки возникли раньше самой Ирландии (Bank of Ireland

были основан в 1783 г., а Allied Irish появился в результате слияния трех банков в 1800-х гг.), а теперь они обанкротились. Ирландское правительство владело большей частью этих старейших банков, однако обнародовало о них меньше информации, чем об Anglo Irish. Поскольку они предоставляли крупные кредиты не только ирландским застройщикам, но и ирландским покупателям жилья, их убытки были явно огромными и уж точно не меньше, чем у их молодого конкурента Anglo Irish. В эпоху, когда капиталисты из кожи вон лезли, чтобы разрушить капитализм, ирландские банкиры установили своеобразный рекорд по разрушению одного. Тео Фанос, чей лондонский хедж-фонд, у которого были капиталовложения в Ирландии, заявил, что «Anglo Irish был, вероятно, самым худшим банком в мире. Даже хуже, чем исландские банки».

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ ИРЛАНДИИ имеет некоторое сходство с исландским крахом. Например, его тоже породили мужи из тех, кто игнорирует предложение супруги остановить авто и спросить дорогу. Но если исландец использовал иностранную валюту для завоевания других стран — известных компаний Британии, лучших банков Скандинавии, то ирландец использовал иностранную валюту для завоевания Ирландии. Оставшись в темной комнате наедине с кучей денег, ирландцы решили, что их лучше всего потратить на покупку Ирландии. *Друг у друга.* Ирландский экономист Морган Келли, точнее всего предсказавший убытки ирландских банков, примерно оценил их убытки, связанные с недвижимостью, в €106 млрд. (Представьте себе \$10,6 трлн.) При существующем темпе поступления средств в ирландскую казну одни лишь убытки

ирландских банков будут «съедать» каждый пенс собранных в Ирландии налогов в течение следующих четырех лет.

Как следствие этих огромных убытков, практически в одночасье рухнула вся экономика Ирландии. Теперь, летя в Дублин, вы впервые за 15 лет двигаетесь против потока. Ирландцы снова покидают свою страну, как и толпы рабочих-мигрантов. В конце 2006 г. уровень безработицы слегка превышал 4%, сейчас же он составляет 14% и растет темпами, которые не наблюдались с середины 1980-х. Всего лишь несколько лет назад Ирландия могла брать кредиты по ставкам ниже немецких; теперь же, если ей вообще дадут кредит, процентная ставка будет на 6% выше, чем для Германии, — еще один отголосок далекого прошлого. В настоящее время дефицит ирландского бюджета (заметим, что в 2007 г. в стране был профицит бюджета) составляет 32% ВВП — самый высокий показатель за всю историю существования еврозоны. По оценкам фирм, специализирующихся на кредитном анализе, в настоящее время Ирландия является третьей среди стран мира с наибольшей вероятностью дефолта. Возможно, для глобального инвестора вложения в Ирландии сопряжены с меньшим риском, чем в Венесуэле, но точно с большим, чем в Ираке. В любом случае она явно относится к третьему миру.

Тем не менее, когда я туда прибыл, создавалось впечатление, что ирландские политики несмотря ни на что прочно сидят на своих местах. В Исландии лояльно настроенную по отношению к бизнесу консервативную партию быстро лишили власти, и женщины вытеснили альфа-самцов из банков и правительства. В Греции коррумпированную, лояльную к бизнесу, придерживающуюся принципа «каждый грек

сам за себя» консервативную партию тоже прогнали, и новое правительство делает попытки привить гражданам чувство общей цели или хотя бы убедить их перестать мошенничать с налогами. (Новый премьер-министр Греции не просто честный человек — он вообще мало похож на грека.) Ирландия была первой европейской страной, на глазах которой рушилась вся банковская система, а дружественная бизнесу консервативная партия Фианна файл (*ирл.* Fianna Fáil; произносится «фина фойл») оставалась у власти вплоть до февраля 2011 г. Здесь не было ни движения «Чаепитие», ни Гленна Бека, ни сколько-нибудь серьезных протестов. Единственным явным изменением в политической линии страны стало повышение роли иностранцев. Новый регулятор банковской системы по происхождению англичанин с Бермуд. Ирландское правительство и ирландские банки кишат американскими инвестиционными банкирами и австралийскими консультантами по менеджменту, а также безликими чиновниками из Евросоюза, которых в министерстве финансов называют просто «немцами». Проойдитесь вечером по улицам и увидите сквозь окна ресторанов важного вида господ в костюмах, которые ужинают в одиночку и за столом просматривают важного вида бумаги. Сегодня Дублин некоторым странным образом напоминает оккупированный город — ни дать ни взять Ханой образца 1950 г. «Проблема в том, что в нашей Ирландии нам больше не разрешают работать с ирландцами», — поделился со мной один ирландский застройщик. Он с трудом избежал долгов в сотни миллионов евро, которые никогда не смог бы погасить.

Регресс Ирландии вызывает особое недоумение в контексте недавнего неожиданного прогресса этой страны: даже

теперь ни у кого нет полной уверенности в том, почему ирландцам удалось достичь таких успехов. В 1845–1852 гг. Ирландия пережила самую крупную единовременную убыль населения в мировой истории: от нации численностью 8 млн осталось лишь 1,5 млн. Еще 1 млн ирландцев умерли от голода или его последствий. За то десятилетие одна из самых густонаселенных стран Европы превратилась в одну из наименее населенных. Образование Ирландского Свободного государства в 1922 г. могло бы дать надежду на экономическое возрождение, так как у страны появился собственный центральный банк, собственная экономическая политика, однако вплоть до конца 1980-х гг. ирландцам не удалось оправдать ожидания экономистов — догнать соседние страны по уровню жизни населения. Не далее как в 1980-е гг. из 3,2 млн жителей страны 1 млн жили за чертой бедности.

ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО С ТЕХ пор в Ирландии, не имеет прецедентов в экономической истории. К началу нового тысячелетия уровень бедности в стране был ниже 6%, и, по оценкам Bank of Ireland, Ирландия была признана второй богатейшей страной в мире. Как это произошло? В конце 1990-х подающий надежды молодой ирландец нанимался на работу в банк Bear Stearns и уезжал в Нью-Йорк или Лондон. Через пять лет он возвращался *с ощущением*, что беден. В течение доброй половины последнего десятилетия было легче заработать на ирландской недвижимости, чем на американских инвестиционных банковских услугах. Как *это* произошло? Впервые в истории люди и деньги устремились в Ирландию, а не наоборот. Наиболее драматичным образом это обернулось для Польши. Польское правительство не ведет

официальной статистики по миграции своей рабочей силы, но, по приблизительным оценкам Министерства иностранных дел, с момента вступления Польши в Европейский Союз миллион поляков покинули страну в поисках заработка за рубежом — и в разгар этого процесса, в 2006 г., четверть миллиона из них работали в Ирландии. Заметим, что для получения аналогичного демографического эффекта в масштабе Соединенных Штатов пришлось бы вручить зеленые карты 17,5 млн мексиканцев.

КАК ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ? На этот счет есть множество теорий: устранение торговых барьеров, решение о предоставлении бесплатного государственного высшего образования, введенная в 1980-х низкая ставка корпоративного налога, которая сделала Ирландию «налоговым раем» для иноземных компаний. Наверное, самое курьезное объяснение предложили два демографа из Гарварда — Дэвид Блум и Дэвид Кэннинг — в статье 2003 г., озаглавленной «Контрацепция и кельтский тигр». Блум и Кэннинг утверждали, что главной причиной ирландского бума был резкий рост соотношения ирландского населения в трудоспособном возрасте и населения в нетрудоспособном возрасте, который был вызван резким падением рождаемости. Последнее обстоятельство, в свою очередь, явилось следствием решения Ирландии узаконить регулирование рождаемости в 1979 г. Таким образом, существует обратная зависимость между добросовестным исполнением папских указов и способностью ирландского народа выбраться из нищеты: медленная смерть ирландской католической церкви породила экономическое чудо.

Гарвардские демографы признались, что их теория лишь отчасти объясняет произошедшее в Ирландии. И в основе успеха ирландцев кроется некая до сих пор не разгаданная тайна. «Он явился подобно сверхъестественному животному, материализовавшемуся на лесной просеке, — пишет выдающийся ирландский историк Р. Фостер, — и экономисты никак не могут установить точную причину этого явления». Не знающих причин своего внезапного успеха ирландцев, вероятно, можно простить за то, что у них не было четкого представления о том, какого успеха им следовало добиваться. Они совершили переход от чрезвычайной бедности к чрезвычайному богатству без промежуточного, среднего варианта. Когда в начале третьего тысячелетия финансовые рынки начали предлагать практически неограниченный кредит всем желающим — когда страны впустили в темную комнату с кучей денег и спросили, как они хотят ими распорядиться, — ирландцы уже пребывали в чрезвычайно возбужденном душевном состоянии. Они прожили добрую часть десятилетия так, словно их поддерживала некая волшебная сила.

Через несколько месяцев после того, как чары развеялись, обслуживающий персонал кратковременной автостоянки в дублинском аэропорту заметил, что дневная выручка упала. Стоянка вроде бы была забита, и они вначале не могли понять, в чем дело, а потом заметили, что многие автомобили постоянно стоят на своих местах. Они позвонили в дублинскую полицию, и там установили, что автомобили принадлежат польским строителям, которые купили их на кредиты, взятые в крупных ирландских банках. Рабочие-мигранты бросили автомобили и уехали домой. Спустя несколько месяцев Bank of Ireland командировал в Польшу

трех представителей с намерением взыскать долги, но миссия потерпела неудачу. Искомые поляки как сквозь землю провалились. Их будто никогда и не было вовсе — если бы не их автомобили на стоянке.

МОРГАН КЕЛЛИ, ПРОФЕССОР экономики из Университетского колледжа в Дублине, до недавнего времени считал, что предаваться размышлениям об экономике, находящейся под самым носом, не его дело. На его счету был ряд научных статей на темы, которые даже ученые-экономисты считали заумными, например «Воздействие малого ледникового периода на экономику» (The Economic Impact of the Little Ice Age). «Я лишь случайно наткнулся на эту катастрофу, — говорит он. — Я никогда не интересовался ирландской экономикой. Ирландская экономика мала и скучна». Келли наблюдал бешеный рост цен на жилье и слушал, как молодые ирландские финансисты, которым он совсем недавно преподавал экономику, пытались объяснить, почему этот бум их не волновал. И его встревожил их оптимизм. «Где-то в середине 2006 г. все эти наши бывшие студенты, ныне работавшие в банках, начали появляться на телевидении! — говорит он. — Они все поголовно стали банковскими экономистами, славными парнями и все такое прочее. И все говорили одно и то же: “Мягкая посадка нам обеспечена”».

Такое заявление поразило его своей очевидной абсурдностью: у пузырей на рынке недвижимости никогда не бывает мягкого конца. Пузырь раздувается лишь на эфемерных ожиданиях людей. В тот момент, когда люди перестанут верить, что цены на жилье будут расти вечно, они заметят, насколько ужасными стали долговременные инвестиции

в недвижимость, и побегут, и тогда рынок *рухнет*. Жилищным бумагам свойственно заканчиваться крахом, а Моргану Келли, судя по всему, свойственно подозревать, что если его бывших студентов снимают на ирландском телевидении в роли финансовых экспертов, то происходит что-то не то. «Я просто начал рыться в Интернете», — сказал он.

Келли науглил следующую информацию: более пятой части рабочей силы Ирландии была занята строительством домов. Ирландская строительная промышленность раздулась чуть ли не до четверти ВВП — тогда как в нормальной экономике этот показатель, как правило, составляет менее 10%. Для сравнения: Ирландия строила в год в два раза меньше домов, чем Соединенное Королевство, в котором проживает в 15 раз больше народу. Он выяснил, что с 1994 г. средняя стоимость дублинского жилья выросла более чем на 500%. Кое-где в Дублине арендная плата упала ниже 1% от покупной цены, а это означает, что вы могли снять дом стоимостью \$1 млн меньше чем за \$833 в месяц. Доходность от инвестиций в ирландскую землю была абсурдно низкой: не было никакого смысла направлять капитал в Ирландию для дальнейшей застройки. Такие цены на жилье предполагали, что Ирландия развивалась столь высокими темпами, что через 25 лет она стала бы в три раза богаче Соединенных Штатов. (По словам Келли, «коэффициент “цена/прибыль” был выше, чем у Google».) Откуда бы взяться такому росту? С 2000 г. ирландский экспорт застопорился, и главной отраслью экономики стало строительство жилых домов, офисных зданий и гостиниц. «Конкуренции никто не боялся, — говорит Келли. — Отныне мы намеревались богатеть за счет строительства домов друг для друга».

Бесконечный поток дешевых иноземных денег развил у ирландского народа новую черту. «Мы люди жесткие и пессимистичные, — признается Келли. — Мы смотрим на вещи без оптимизма». Тем не менее начиная с 2000 г. многие вели себя так, будто каждый день будет солнечнее предыдущего. Ирландцы открыли для себя оптимизм.

Их жилищный бум чем-то напоминал семейную ложь: он устойчиво существовал, пока не вызывал вопросов, и не вызывал вопросов, пока казался устойчивым. В конце концов, как только стоимость ирландской недвижимости перестала влиять на арендную плату, уже не было такой цены на недвижимость, которую нельзя было бы оправдать. Так, сумма €35 млн, которую ирландский предприниматель Денис О'Брайен заплатил за внушительный особняк на Шрусберри-роуд в Дублине, казалась огромной до тех пор, пока жена застройщика Шона Данна не заплатила €58 млн за нуждающийся в ремонте дом площадью 370 м², расположенный на той же улице. Но стоило начать сравнивать подъем цен с бумом недвижимости в иных странах и в иное время, как разговор менял направление и вам не удавалось высказать мысль до конца. Сравнения, которые в первую очередь пришли на ум Моргану Келли, касались жилищных пузырей в Нидерландах в 1970-х гг. (после открытия месторождений природного газа в Голландии) и Финляндии в 1980-х (после открытия прибрежных нефтяных месторождений), но по сути дело было не в примерах: сама мысль о том, что Ирландия не уникальна в этом отношении, вызывала настороженность. «Есть железный закон рынка жилья, — писал он. — Чем сильнее вырастут цены на дома по сравнению с доходами и арендными ставками, тем сильнее они впоследствии упадут».

Когда Келли посетили все эти мысли, он задумался над тем, как ему поступить. «Это выходит за рамки моей повседневной работы, — говорит он. — Я работал над демографией Средних веков». Ко времени нашего знакомства у Келли сложилось враждебное и отчужденное отношение ко всему деловому и политическому истеблишменту Ирландии, но при встрече он не показался мне ни озлобленным, ни отстраненным, и не было в нем никакого налета официальности. Он не из публичных мужей. Он работает в кабинете, построенном еще в те времена, когда в ирландских заведениях были полы из линолеума и люминесцентные лампы в окружении металлических стеллажей, что делало их похожими скорее на промышленное предприятие, нежели на школу, готовящую к поступлению в ВУЗ для изучения недвижимости и финансов. Видно, что такой антураж Келли по душе. В нем есть озорство, внезапность и явное — хотя в Ирландии это слово употребляют с осторожностью — здравомыслие. Похоже, он не из тех, кто забывает о себе ради других, но в то же время ему явно комфортнее говорить и думать на любые темы, кроме личных. Он проработал годы в магистратуре и получил докторскую степень в Йельском университете, но при этом сохранил почти детскую любознательность. «Я сам это пережил: как будто плывешь на корабле и видишь огромный айсберг, — рассказывает он. — И ты идешь к капитану и говоришь: “Впереди айсберг”».

СВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАПИТАНУ корабля он облек в форму первой за свою жизнь статьи в газету. Вывод звучал так: «Не исключено, что цены [на ирландскую недвижимость] могут упасть — относительно доходов — на 40–50%». По его

прогнозу, самая дорогая недвижимость могла упасть на целых 66%. Эту первую статью он послал в малотиражную газету *Irish Times*. «С моей стороны это был порыв, — признается он. — Я даже не уверен, что сам в то время верил в то, что говорил. Я ведь всегда придерживался точки зрения, что будущее предсказать невозможно». Однако случилось так, что Келли реально предсказал будущее, причем с поразительной точностью, но чтобы поверить его словам, нужно было признать, что Ирландия не являла собой странное исключение в истории финансов человечества. «Статья не вызвала интереса, — говорит Келли. — Реакцией было всеобщее изумление. Говорили ерунду типа: *интересно, что еще придумают эти шизанутые умники*».

А еще шизанутые умники указали на очевидную связь между ценами на ирландскую недвижимость и ирландскими банками. Как ни крути, а строительство в основном финансировалось ирландскими банками. Если рынок недвижимости рухнет, именно банки будут нести убытки. «В конце концов, я понял, что происходило, — говорит Келли. — Средний размер и количество новых ипотечных кредитов достигли пика летом 2006 г. Но затем стандарты ипотечного кредитования начали заметно падать». Банки продолжали давать кредиты, на возвращение которых было мало надежды, а люди, занимающие деньги на покупку жилья, становились все подозрительнее. «Дело в том, — говорит Келли, — что у многих поджилки затряслись». В таких условиях последствия неминуемых перемен в настроении рынка для ирландских банков — и экономики в целом — были бы катастрофическими. Убытки банков привели бы к резкому сокращению объемов кредитования по-настоящему полезных предприятий.

Ирландские граждане, которые задолжали своим банкам, резко сократили бы свои траты. А хуже всего, наверное, было бы прекращение строительства новых домов, которое составляет костяк всей экономики.

Келли написал вторую газетную статью, в которой в основных чертах предсказал крах ирландских банков. Он подчеркнул, что за последние 10 лет банки и экономика Ирландии претерпели существенные изменения. В 1997 г. ирландские банки финансировались исключительно за счет ирландских депозитов. К 2005 г. они уже получали деньги преимущественно из заграничных источников. Те немцы, которые хранили свои небольшие сбережения в ирландских банках (и дали им возможность кредитовать Ирландию), могли в любой момент забрать их обратно одним щелчком компьютерной мыши. С 2000 г. объем кредитования строительства и недвижимости ирландскими банками вырос с 8% (европейская норма) до 28%. В руки ирландских строителей коммерческих объектов переключалась сумма €100 млрд — практически равная совокупным банковским депозитам Ирландии. К 2007 г. ирландские банки предоставляли только одним застройщикам на 40% больше кредитов, чем *всему ирландскому населению* семью годами раньше. «Вы, наверное, думаете, что Центральный банк Ирландии забил тревогу в связи с тем, что ирландские банки предоставили спекулянтам €100 млрд для их игрищ, будучи в полной уверенности, что налогоплательщики покроют большую часть потерь, — писал Келли, — но вы ошибаетесь».

НА ЭТОТ РАЗ КЕЛЛИ отправил свою статью в газету с бóльшим тиражом — *Irish Independent*. Редактор *Independent* отписал

ему, что считает содержание статьи оскорбительным и потому публиковать ее не намерен. Тогда Келли обратился в редакцию воскресной газеты *Sunday Business Post*, но здесь редактор попросту положил статью под сукно. Журналисты, следуя примеру банкиров, свели воедино понятие «оптимистичный взгляд на цены недвижимости» и такие понятия, как «любовь к родине» и «преданность гоночной команде Team Ireland». («Все они употребляют одну и ту же фразу: “Кто не с нами, тот против нас”», — говорит известный ирландский банковский аналитик из Дублина.) В итоге Келли снова предложил статью *Irish Times*, где она была опубликована в сентябре 2007 г.

Засим последовала краткая и, по мнению Келли, бессмысленная перепалка. Пиарщик Университетского колледжа в Дублине позвонил декану факультета экономики и попросил его найти ученого, который в пух и прах раскритикует статью Келли. (Декан отказался.) Мэтт Моран, ответственный сотрудник Anglo Irish Bank, позвонил и наорал на него. «Он долго распространялся о том, что “застройщики, которые занимают у нас деньги, так невероятно богаты, что берут у нас кредит исключительно, чтобы сделать нам одолжение”. Он собирался спорить со мной, но дело закончилось совместным обедом. Это же Ирландия». Кроме того, Келли завалили тревожными сообщениями представители финансовых кругов из Лондона, но этих он вообще не принимал всерьез. «Создается впечатление, что на финансовых рынках полным-полно аналитиков, которые целыми днями только и делают, что пугают друг друга письмами по электронке». Он так и не выяснил, оказала ли его небольшая газетная статья сколь-нибудь существенное влияние на умы авторитетных людей.

Через год, 29 сентября 2008 г., Морган Келли к всеобщему удивлению стал объектом пристального интереса. За одну-единственную торговую сессию акции трех главных ирландских банков — Anglo Irish, AIB и Bank of Ireland — упали на 20–50%, и началось бегство вкладчиков из ирландских банков. Ирландское правительство намеревалось гарантировать все обязательства шести крупнейших банков Ирландии. Наиболее правдоподобное объяснение происходящему дал Морган Келли: ирландская экономика превратилась в гигантскую пирамиду, и страна фактически обанкротилась. Однако оно настолько противоречило версии, преподносимой ирландскими чиновниками и начальством ключевых банков, — банки, дескать, всего лишь испытывают трудности с «ликвидностью», и финансовое положение Anglo Irish остается «в общем и целом стабильным» — что две эти точки зрения оказались абсолютно несовместимыми. По поручению правительства американский банк Merrill Lynch спешно состряпал аналитический отчет, в котором было отмечено, что «все ирландские банки прибыльны и хорошо капитализированы». Разница между официальной трактовкой событий и версией Келли была слишком разительной. Оставалось верить либо одной, либо другой, но кто бы до сентября 2008 г. стал верить парню, который, замкнувшись в кабинете, тратил жизнь на описание воздействия малого ледникового периода на английское население? «Я сунулся на телевидение, — говорит Келли. — Ноги моей больше там не будет».

НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КОЛЛЕГИ с интересом наблюдали за трансформацией Келли, который из серьезного ученого превратился сначала в забавного психа, потом — в прозорливого

гуру, вызывающего беспокойство точностью предсказаний. Одного из них звали Колм Маккарти; во время ирландского экономического спада в конце 1980-х этот человек сыграл заметную роль в резком сокращении расходов правительства и поэтому не понаслышке знал о взаимосвязи финансов и общественного мнения. По мнению Маккарти, преобладающая версия событий, к которой склонялся среднестатистический житель Ирландии, — равно как его восприимчивость к версии Келли — изменилась приблизительно в 10 вечера 2 октября 2008 г. В тот вечер национальное телевидение показало интервью с регулятором банковской системы Ирландии Патриком Нири, всю жизнь — а ему шел седьмой десяток лет — проработавшем в Центральном банке. Если интервьюер производил впечатление человека, одолевшего собрание сочинений Моргана Келли, то регулятор банковской системы Ирландии имел вид человека, вытасченного из убежища, куда ему ужасно хотелось вернуться. Этот индивид с подвижными маленькими усиками механически мямлил ответы на вопросы, которые ему не задавали, и в то же время игнорировал те, что ему задавали.

Банковская система основана на вере: она существует до тех пор, пока люди в нее верят. Банкротство Lehman Brothers, объявленное двумя неделями раньше, бросило тень сомнения на другие банки. Банки Ирландии не были готовы развеять сомнения — они существовали на слепой вере. Теперь ирландский народ наконец увидел того, кому полагалось защищать их интересы: безумного дядюшку выпустили из семейного подвала. И вот его показывают по телевизору, а он упорно твердит, что проблемы ирландских банков не имеют ничего общего с выданными ими кредитами...

в то время как любой, у кого есть глаза, видит в пустующих небоскребах и незаселенных жилых массивах свидетельство того, что банковские кредиты не просто безнадежны, а безумно безнадежны. «А случилось вот что: каждый ирландец знал, что где-то в Ирландии есть мудрый старичок, который отвечает за деньги, и вот настал тот час, когда они впервые увидели его, — рассказывает Маккарти. — А увидевши, сказали: *“Кто это, черт его деру???”* Вот этот старый хрен отвечает за наши деньги???” Вот тогда-то все и запаниковали».

УТРОМ В ТОТ ДЕНЬ, когда ирландский парламент планировал представить новый, суровый бюджет, я занял место в парламенте на галерее для публики. Рядом со мной сидела Джоан Бертон, которая в то время была уполномоченным представителем Лейбористской партии по финансовым вопросам и весьма вероятным кандидатом на пост министра финансов Ирландии (заметим, что следующему министру было уготовано сомнительное наследство в виде полнейшего беспорядка). Внизу многие места членов парламента пусты, но горстка политиков, включая Бертон, обсуждают — уже два года без передыху — все тот же вопрос: финансовый кризис страны.

Первое, что бросается в глаза наблюдающему за работой ирландского парламента: политики проговаривают все дважды — на английском и на гэльском языках. Поскольку в Ирландии нет человека, который бы не говорил по-английски, зато есть множество людей, не говорящих по-гэльски, такая процедура кажется противоестественной и попусту отнимающей время. Я спрашиваю нескольких ирландских политиков, говорят ли они на гэльском, и все они

со смущенным видом дают один и тот же уклончивый ответ: «Вполне сносно». Политики Ирландии говорят по-гэльски так же, как героини сериала «Настоящие домохозяйки округа Ориндж» говорят по-французски. Вопрос «Зачем тогда вообще с ним заморачиваться?» означал бы, что вы не улавливаете сути. Куда ни повернись, везде английское соперничает с желанием, подчас отчаянным, выразить национальную индивидуальность. В том, что ирландцы упорно подчеркивают ирландскую самобытность — кичатся тем, что преданы своей родине как никакая другая нация в мире, — есть элемент бахвальства, причем явного и неприкрытого. Тон задают ирландские богачи, которые выкрикивают патриотические лозунги, но официально устроились за рубежом, чтобы не платить налоги в Ирландии. Их поддерживают представители различных эмиграционных волн, которыми была насыщена история Ирландия. Отношение ирландцев к своей стране подобно отношению любовников, страсть которых распаляется подозрением, что рано или поздно они расстанутся. Их ура-патриотизм — это судно, нагруженное их сомнениями.

В ТОТ ДЕНЬ, ПОМИМО обсуждения бюджета, Дойлу (*ирл.* Dáil), как ирландцы называют нижнюю палату парламента, предстояло вынести на голосование спорный вопрос о назначении выборов депутатов для заполнения четырех пустующих мест в парламенте. У правящей партии Фианна файл было совсем незначительное большинство (два места), и, поскольку все поголовно считали их виновниками финансовой катастрофы, их рейтинг популярности не превышал 15%. При немедленном проведении выборов их бы сместили — идея сама

по себе радикальная, ибо они правили Ирландией практически с момента образования самостоятельного государства в 1922 г. Но им удавалось противостоять призыву заполнить пустующие кандидатские места вплоть до их свержения в феврале 2011 г.

Звонок приглашает к голосованию, и ирландские политики устремляются внутрь. За несколько минут до начала голосования двери палаты закроют и к ним приставят охрану. Кто опоздал, тот не проголосовал. Зал заседаний отгорожен от галереи для посетителей стеклянной перегородкой, и я спрашиваю гида почему. «Это не для того, чтобы помешать публике швырять предметы в членов правительства», — говорит она, затем дает объяснения. Несколько лет назад один ирландский политик опоздал, и двери уже закрыли. Он побежал на галерею для публики, прыгнул оттуда на галерею для прессы, расположенную тремя метрами ниже, и оттуда спустился на веревке в зал заседаний. Ему позволили проголосовать, но затем поставили стеклянную перегородку. К наличию лазейки отнеслись неодобрительно, но воздали должное депутату за его сообразительность. По ее утверждению, это типично ирландский подход.

Первым занял свое место Берти Ахерн, премьер-министр с июня 1997 г. по май 2008 г. и политический преступник № 1. Ахерн известен как врожденной проицательностью, так и глупейшими высказываниями, цитировать которые — истинное удовольствие. Тони Блэр считал, что Ахерн прекрасно проявил себя в роли посредника на мирных переговорах по Северной Ирландии, хотя, пытаясь объяснить причины финансового кризиса, тот сказал буквально следующее: «Lehman Brothers — это международный инвестиционный

банк. Их яйца* опутали весь мир». В последние дни пребывания на посту премьера Ахерн отрицал, что брал взятки от застройщиков, по крайней мере от всех, но дело в том, что объяснить все то, что он натворил за время пребывания на своем посту, можно лишь взятками от застройщиков. Похоже, Берти Ахерн тоже верил в чудо ирландской недвижимости. Помнится, после публикации статьи Моргана Келли, в которой он предсказывал крах ирландских банков, Ахерн лихо ответил на заданный в связи с этим вопрос: «Наблюдение со стороны, да еще с нытьем и стонами, равносильно упущенной возможности. Так и до самоубийства недалеко».

Теперь Ахерн — обычный ирландский «заднескамеечник», неуклюже сутулый, с лицом, испещренным лопнувшими сосудами. Чтобы заполнить свободное время, он стал подрабатывать ведущим спортивной колонки в воскресном таблоиде Руперта Мердока *News of the World*, что в мировой журналистике расценивается как самая неуважаемая деятельность**. Звезда Ахерна, какова бы она ни была, закатилась. Когда ирландский земельный бум совершил резкий переход от чуда к катастрофе, такое же резкое изменение претерпел и статус многих влиятельных людей, как, вероятно, и их самовосприятие. Один ирландский биржевой брокер рассказал мне, что многие бывшие банкиры, в том числе его клиенты, «даже физически изменились». Как-то в ресторане он встретил бывшего генерального директора Allied Irish Banks Юджина Шихи, которого посетители забросали вопросами. Раньше Шихи был

* Он перепутал близкие по звучанию слова testicles (яички) и tentacles (щупальца). — *Прим. пер.*

** Газета *News of the World* была закрыта 10 июля 2011 г. после скандала с прослушиванием телефонов.

спокойным, выдержанным и его авторитет был неоспорим. «Если бы вы увидели этого парня сейчас, — поведал мой приятель-брокер, — вам бы захотелось купить ему чашку чая».

Ирландский жилищный пузырь во многом отличался от американского аналога. Начнем с того, что он не был замаскирован. Здесь не было множества новых сложных финансовых инструментов, которые выходят за пределы понимания простых смертных. И здесь не было столько цинизма. Нельзя сказать, что многие ирландские финансисты или риелторы остались с состоянием. В Америке банки разорились, а те, кто крупно сыграл на понижение, разбогатели; в Ирландии такие игроки разорились вместе с банками. Ирландская общественность считает Шона Фицпатрика, выходца из рабочего класса, который стал банкиром и практически на пустом месте создал Anglo Irish Bank, главным виновником злключения Ирландии — сегодня он не только банкрот, но и человек, который не смеет появляться на публике. Стоит упомянуть его имя, и люди, далекие от банковской системы, с возмущением расскажут вам о том, как он тайно брал кредиты на миллионы евро в собственном банке. При этом они не говорят, как он потратил эти деньги — а он их вложил в облигации Anglo Irish! Когда банк потерпел крах, Фицпатрик числился в списке кредиторов как купивший (в апреле 2008 г.!) у Anglo Irish субординированные облигации с плавающей процентной ставкой на сумму €5 млн.

Высшие должностные лица всех трех крупнейших банков действовали одинаково: они скупали акции собственных компаний вплоть до самого краха и продолжали платить дивиденды, как если бы капиталов у них было достаточно. Практически все крупные ирландские застройщики,

которые вели себя неосторожно, подписывали личные гарантии по кредитам. Многие полагают, что они наверняка где-то прячут кучи денег, но, по имеющимся сведениям, это не так. Ирландский совет по недвижимости насчитал с момента наступления краха 29 самоубийств среди застройщиков — и это в стране, где о самоубийствах часто не сообщают и не ведут им счет. «Я говорил этим ребятам: “Всегда убирайте деньги со стола”. Но мало кто из них убирал деньги со стола», — рассказывает Дермонт Дезмонд, ирландский миллиардер, который нажил состояние на компьютерных программах в начале 1990-х гг. и потому считается богачом «старых времен».

Если ирландские нувориши и создали пирамиду, то такую, в которую сами верили. Равно как и довольно большое число простых ирландских граждан, купивших дома за баснословные суммы. В Ирландии самая высокая в мире доля частного домовладения: 87%. В этой стране не практикуется ипотека без права регресса: человеку, которому не по карману платить за свой дом, не разрешается просто отдать банку ключи и уйти восвояси. Он лично несет ответственность за занятые деньги. По всей Ирландии люди слишком сильно привязаны к своим домам или банковским кредитам. Ирландцы расскажут вам: к прискорбию, они были так долго лишены права собственности, что владение собственным домом означает для них не только возможность не платить арендную плату, но и видимость свободы. В погоне за свободой ирландцы построили собственные узилища. А их лидеры помогли им в этом.

АККУРАТ ПЕРЕД ЗВОНКОМ, возвещающим об окончании заседания, в палате появляются два человека, которые убедили

ирландцев в том, что они отвечают не только за собственные губительные решения финансовых вопросов, но и за решения, принятые их банками: премьер-министр Брайан Коуэн и министр финансов Брайан Ленихан. Как и лидер оппозиции — третий по старшинству в их же партии, — оба они дети политиков, которые умерли на своем посту: политика — семейное дело в Ирландии. Коуэну также довелось побывать министром финансов в период с 2004 г. до середины 2008 г., когда и произошли самые скверные события. Он не похож на Лидера мужчин. Двигается медленно, неуклюже, полное лицо лишено мимики, а его обычное выражение — смущение. Однажды утром несколькими неделями раньше он выступал на национальном радио, и тренированный ирландский слух уловил, что он был пьян. У меня слух не столь восприимчивый, и мне показалось, что он был слегка подшофе, но публика не была настроена давать ему поблажку. (Четыре не связанных друг с другом ирландца, которым это было достоверно известно, сообщили мне, что Коуэн отправил банковскую гарантию на €440 млрд в Европейский центробанк факсом из пивнушки.) Действительно, если бы потребовалось нарисовать портрет человека, максимально похожего на пьяницу, то было бы трудно найти лучшего натурщика, чем ирландский премьер. Брайан Ленихан, который следует по тяжеловесным пятам Коуэна, по сравнению с ним выглядит как десятиборец на пике спортивной карьеры.

В этот день парламент принимает невообразимое, но предсказуемое решение: не выносить на голосование вопрос о заполнении трех из четырех свободных мест. На этом заседание заканчивается, и я провожу час с Джоан Бертон. Среди основных партий Ирландии Лейбористская партия

является наиболее ярким выразителем особого мнения и критики в адрес ирландского капитализма. Будучи одним из 18 членов ирландской палаты представителей, проголосовавших против гарантирования погашения долга банков, Бертон сохраняет редкий по нынешним временам кредит доверия. И за час разговора о том о сем она успела поразить меня своей прямоотой, умом и общим позитивным настроением. Кстати сказать, ее роль в ирландской драме так же ясна, как роль Моргана Келли: она — визгливая мать, которую никто не слушает. Ее голос пародируют на национальном радио как плаксивый, с восклицательными интонациями — такие звуки действуют на нервы всем ирландцам. Сейчас, когда я спрашиваю, чем ее действия будут отличаться от действий, предпринимаемых ирландским правительством, она несколько затрудняется с ответом. Как и любой другой ирландский политик, она во власти сил, которые не поддаются контролю. Теперь, когда государство взяло на себя долги ирландских банков, любой намек на объявление дефолта лишь поднимет стоимость заимствования иностранных денег, без которых стране никак не обойтись. «Знаете ли вы, что ирландцы стали экспертами по облигациям? — говорит Бертон. — Теперь они говорят не “один процент”, а “сто базисных пунктов”! Они обогатили свой словарный запас!»

По мере того как выяснялись истинные размеры ирландских убытков, частные инвесторы проявляли все меньше желания класть, даже до следующего рабочего дня, деньги на депозиты в ирландские банки и совершенно потеряли интерес к покупке долгосрочных банковских облигаций. Европейский центробанк потихоньку заполнял образовавшуюся

пустоту: одним из наиболее тщательно отслеживаемым в Европе показателем был размер кредитов, предоставленных ЕЦБ крупным ирландским банкам. В конце 2007 г., пока рынки еще не потеряли доверия к ирландским банкам, те заимствовали €6,5 млрд. К сентябрю 2008 г. сумма подскочила до €45 млрд. В то время когда мы с Бертоном разговаривали, она уже превышала €86 млрд и недавно дошла до €97 млрд. То есть с ноября 2007 г. по октябрь 2010 г. ирландские банки заняли у ЕЦБ €97 млрд, которые ушли на погашение долга частным кредиторам. В сентябре 2010 г. наступил срок погашения последнего крупного долга ирландских банков перед держателями облигаций: €26 млрд. Когда же держателям облигаций выплатили все сполна, окно возможности захлопнулось для ирландского правительства. Отныне дефолт банков обернется неплатежом европейским государствам, а не частным инвесторам. Между прочим, именно поэтому в Дублине так много важного вида иностранцев, в одиночку ужинающих по вечерам. Они прибыли сюда, чтобы попытаться вернуть деньги.

О том, насколько ирландцы не хотят вызывать раздражение у иностранных кредиторов, говорит та решительность, с которой Бертоном отказывается рассматривать вопрос о дефолте. Она не несет никакой ответственности за частные долги банков, но тем не менее, когда мы неожиданно касаемся возможности просто выйти из игры, она уходит от разговора на эту тему. Собственно говоря, она просто встает и прощается. «Ах, мне пора, — говорит она. — Я должна встретиться с министром финансов и обсудить неприятные новости». Ленихан созвал закрытое совещание с членами оппозиции, чтобы самому сообщить лидерам о новом

драконовском бюджете Ирландии. Совещание проводится не в самом парламенте, где прессу можно держать на почтительном расстоянии, а в соседнем здании при большом скоплении журналистов. «Мы хотели, чтобы встреча прошла здесь, но он решил провести ее вне стен парламента, — сообщает Бертон. — Он сделал привычкой сообщать дурные новости в первую очередь нам, чтобы на выходе именно мы объявляли их представителям СМИ, — улыбается она. — Такой вот хитрец».

БРАЙАНА ЛЕНИХАНА МОЖНО назвать последним из имеющих власть ирландских политиков, чье появление на улицах Дублина не вызывает у народа взрыва негодования или насмешек. Он вступил в должность всего за несколько недель до кризиса и потому не считается его виновником. Будучи барристером, он, в отличие от финансистов и риелторов, доказал свою способность хорошо зарабатывать на жизнь без взяток со стороны застройщиков. Он вышел из семьи политиков с достойной репутацией, которые не использовали должности в целях обогащения. А в декабре 2009 г. у него диагностировали рак поджелудочной железы. Любой, кто мало-мальски знаком с ирландской католической семьей, знает, что, если член семьи попал в полосу неудач, он пользуется особыми привилегиями — правом делать все что угодно, в то время как остальные будут молча терпеть его выходки. С тех пор как распространилась новость о болезни Ленихана — через несколько дней после того, как он узнал о диагнозе, и до того, как сообщил о нем детям, — его страдания существенно облегчились. Опросы общественного мнения, которые показывают, что к министру финансов ирландцы относятся гораздо лучше,

чем к другим политикам партии Фианна файл, отражают всеобщее негласное признание его мужества*.

Брайан Ленихан, как заметила Джоан Бертон, еще и хитер. На часах уже около восьми вечера, когда я встречаюсь с ним в конференц-зале министерства финансов. Большую часть дня он доказывал ирландским политикам необходимость принятия самых жестких за всю историю Ирландии мер по сокращению расходов и увеличению налогов, не вдаваясь в детали относительно того, кто именно заплатит за убытки банков. (Он ждет, когда пройдут те единственные дополнительные выборы, которые санкционировал Дойл.) На лице появляется улыбка. «И почему все интересуются Ирландией? — спрашивает он с оттенком невинности. — Слишком уж большой интерес к нам нынче проявляют».

— Потому что вы интересны? — говорю я.

— О нет, — говорит он серьезно. — Вовсе не поэтому.

Он прилагает усилия к тому, чтобы крах ирландской экономики привлекал к себе как можно меньше внимания. Такая нелепая социальная ответственность — выправлять идиотскую ситуацию — стала существенной частью работы министра финансов Ирландии. Как раз в тот момент, когда безумный дядюшка вылез из подвала, пьяная тетушка на нетвердых ногах прошла через парадную дверь — и на глазах почтенного семейства и дорогих гостей они изрезали друг друга в ключья охотничьими ножами. А папочке теперь приходится убеждать очевидцев, что все произошедшее им только привиделось.

Тем не менее любому очевидцу сразу бросается в глаза, что в Ирландии недавно произошло нечто из ряда вон

* Ленихан скончался в июне 2011 г., через 7 месяцев после этого интервью.

выходящее. В полутора километрах от стола заседаний, где мы занимаем места, виднеется лунный ландшафт с огромными кратерами двухгодичной давности, из которых некогда должны были подняться офис-парки. Небоскребы с полной отделкой пустуют, на нижних этажах лужи. Вот каркас башни, с двух сторон обрамленный неподвижными кранами как скобками. Он предназначался для Anglo Irish Bank. А вот новый пустующий конференц-центр, строительство которого обошлось в €75 млн, но дело так и не дошло до подключения к дублинской системе канализации и водоснабжения. Есть еще городская свалка, за которую в 2006 г. застройщик заплатил €412 млн, а сейчас с учетом затрат на очистку ее стоимость выражается *отрицательной* величиной €30 млн. «Ирландия — весьма необычная страна, — говорит Уильям Ньюсом, у которого за плечами 40-летний опыт работы по оценке коммерческой недвижимости в компании Savills в Лондоне. — Там есть огромные площади незастроенной земли с разрешением на строительство и даже частично застроенных участков, реальная стоимость которых равна нулю». Ирландия застыла на пике безумия, чтобы все могли увидеть его. Пустует даже здание Starbucks, в центре которого предполагалось расположить мировой финансовый центр, соперничающий с лондонским, где коробка молока с низким содержанием жира стоит рядом с серебряным кувшином бариста. Точно так же министр финансов мог бы стоять рядом с Помпеями и утверждать, что вулкан, в общем-то, не заслуживает упоминания. *Немного лавы — и все!*

«ЭТО ВАМ НЕ ИСЛАНДИЯ, — пытается уверить он. — Мы не хедж-фонд с 300 000 фермеров и рыбаков. Ирландия никогда

не вернется к 1980–1990 гг. Теперь все происходит в гораздо меньших масштабах». Затем он раздражается монологом, суть которого сводится к следующему: трудности Ирландии разрешимы, и я держу ситуацию под контролем.

Однако еще в сентябре 2008 г. факты свидетельствовали о том, что это не так. Семнадцатого сентября финансовые рынки охватила паника. За два дня до этого обанкротился Lehman Brothers, и акции ирландских банков стремительно падали в цене, а крупные компании изымали из них вклады. В тот день поздним вечером Ленихан позвонил Дэвиду Макуильямсу, бывшему банковскому аналитику из UBS в Цюрихе и Лондоне, который вернулся домой в Дублин и стал писателем и медийной знаменитостью. Раньше Макуильямс громко выражал свое скептическое отношение к ирландскому жилищному буму. Двумя неделями раньше он участвовал в телепередаче вместе с Лениханом, и его удивило, что Ленихана совершенно не тревожит паника на финансовых рынках. Теперь же Ленихан хотел подъехать к Макуильямсу и посоветоваться о том, что делать с ирландскими банками.

Этот эпизод описан в книге Макуильямса «Гонка за деньгами» (Follow the Money), написанной в мило бестактной манере. Ленихан приезжает в дом к Макуильямсу, что в 45 минутах езды от Дублина, проходит через кухню и вытягивает из кармана косичку чеснока. «Он сходу заявил, что, если госчиновники узнают о его визите ко мне домой, разразится война», — пишет Макуильямс. Министр финансов пробыл там до двух ночи. Он находился в нервном напряжении: все время очищал и ел зубчики чеснока и приставал к Макуильямсу с вопросами. У Макуильямса осталось ощущение, что министр не вполне доверял рекомендациям

людей из своего окружения и что он был не только в тревоге, но и в замешательстве. Макуильямс рассказал мне, что он бы описал психическое состояние министерства финансов как «полный хаос».

Спустя неделю ирландское министерство финансов привлекло инвестиционных банкиров из Merrill Lynch для выработки рекомендаций. Кто-то мог бы сказать, что если вы в 2008 г. просите Merrill Lynch проконсультировать вас по финансовым вопросам, то всем ясно, что у вас неприятности — но это не вполне справедливо. В Merrill Lynch работал банковский аналитик, который проявлял исключительную заинтересованность к ирландским банкам. Его звали Филип Инграм. Этот несколько чудаковатый человек (в Кембриджском университете он готовился к карьере зоолога), которому еще не было и 30, сделал нечто оригинальное и весьма похвальное. Он пролил свет на то, как ирландские банки предоставляли кредиты под залог коммерческой недвижимости.

Рынок ипотеки коммерческой недвижимости обычно менее прозрачен, чем рынок жилищных кредитов. Между банкирами и застройщиками заключаются разовые сделки на условиях, известных лишь нескольким инсайдерам. Стороны любой кредитной сделки всегда утверждают, что она благоразумна, и банковскому аналитику ничего не остается кроме как поверить им на слово. Однако Инграм был настроен скептически по отношению к ирландским банкам. Он читал газетные статьи Моргана Келли и даже побывал в кабинете Келли в Университетском колледже. У Инграма открылись глаза на огромную разницу между словами и делами ирландских банков. Он перестал обращать внимание на то, что они говорили, и, пытаясь докопаться до сути, принялся

искать информированных инсайдеров на рынке коммерческой недвижимости. Он интервьюировал их на манер журналистов. Тринадцатого марта 2008 г., за полгода до краха ирландской пирамиды в области недвижимости, Инграм опубликовал доклад, в котором он просто дословно процитировал то, что участники рынка рассказали ему о кредитах, предоставленных различными банками коммерческим застройщикам. В Ирландии ирландские банки давали более рискованные кредиты, чем в Британии, но даже в Британии, как показал доклад, они были самыми безумными кредиторами: в этой категории Anglo Irish, Bank of Ireland и AIB занимали соответственно первое, второе и третье место.

В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЧАСОВ аналитический отчет Merrill Lynch был самым крутым чтивом на лондонских финансовых рынках, пока Merrill Lynch не дала ему обратный ход. Merrill была главным андеррайтером облигаций банка Anglo Irish и корпоративным брокером AIB: они заработали громадные суммы на росте ирландской банковской системы. Как только Фил Инграм нажал на кнопку «Отправить» и его доклад стал достоянием гласности, банки принялись звонить своим банкирам из Merrill Lynch, угрожая прекратить вести с ними дела. Тот же топ-менеджер из Anglo Irish Bank, который ранее по телефону наорал на Моргана Келли, позвонил аналитику Merrill и наорал на него еще сильнее. («Твоя работа — дерьмо собачье!») Начальники Инграма в Merrill Lynch затаскали его по совещаниям с корпоративными юристами, которые переписали его доклад, очистив от резкостей и порочащих цитат рыночных инсайдеров, немалая доля которых относилась к ирландским банкам. Непосредственного

начальника Инграма, парня по имени Эд Олчин, возглавляющего исследовательский отдел, заставили лично извиниться перед инвестиционными банкирами Merrill Lynch за причиненные неприятности. И с этого момента все, что писал Инграм об ирландских банках, переписывалось и выхолащивалось юристами Merrill Lynch. В конце 2008 г. его уволили.

Вряд ли инвестиционные банкиры Merrill Lynch не знали о крайне опрометчивом поведении ирландских банкиров на таком рисковом рынке. Но в докладной записке на шести страницах, представленной Брайану Ленихану (за которую ирландский налогоплательщик выложил Merrill Lynch €7 млн), они предусмотрели такие же оговорки, как если бы речь шла о них самих. «Все ирландские банки прибыльны и хорошо капитализированы», — писали эксперты Merrill Lynch и высказали предположение, что проблема крылась вовсе не в безнадежных кредитах, а в панике на рынке. В докладной записке Merrill Lynch предлагал ряд возможных мер, которые ирландское правительство могло бы предпринять в отношении бегства вкладчиков из ирландских банков. Она не дала четких рекомендаций относительно конкретного плана действий, но анализ проблем предполагал, что самое разумное решение — предоставить банкам гарантии. В конце концов, банки были «в общем и целом стабильны». Стоит дать обещание компенсировать все убытки, как рынки быстро успокоятся — и ирландские банки снова обретут отличную форму. А поскольку убытков не будет, обещание выполнять не придется.

О чем конкретно говорилось на ночном совещании 29 сентября 2008 г., как ни странно, окутано тайной. Правительство отказало участникам в просьбе вести записи

согласно Закону о свободе информации. Помимо премьер-министра и банковских регуляторов, за столом переговоров в министерстве финансов сидели лишь главы двух банков, которые в недалеком будущем потеряют лицо: AIB и Bank of Ireland. Они либо лгали Брайану Ленихану о масштабе своих убытков, либо сами не знали точных цифр. Либо и то и другое. «В то время все они твердили одно и то же: “У нас нет никаких низкокачественных кредитов”», — сообщил мне аналитик по ирландским банкам. Они имели в виду, что не давали кредитов американским низкокачественным заемщикам; при этом, однако, забыли упомянуть, что, поддавшись всеобщему безумию, сама Ирландия стала низкокачественным заемщиком. Рациональные в иных отношениях ирландские заемщики потеряли разум от возможности получить кредиты таких размеров для покупки ирландской недвижимости по вздутым ценам. Таково было самое странное последствие ирландского пузыря: народ, которому наконец удалось выбраться из векового рабства, отбросили назад, к временам рабства.

Отчет Merrill Lynch с заключением о том, что банки «в общем и целом стабильны», подкрепил объяснения, предоставленные банками министру финансов. Государственный банковский регулятор Патрик Нири повторил выводы Merrill. Морган Келли все еще ходил в «шизанутых умниках»; во всяком случае никого из тех, кто воспринимал его всерьез, на совещании не было. В тот день акции Anglo Irish упали на 46%, акции AIB — на 15%; высока была вероятность, что после открытия биржи на следующий день один из них или даже оба прекратят свою деятельность. В условиях всеобщей паники и невмешательства правительства другие банки пошли бы

ко дну вслед за Anglo Irish. Перед Лениханом стоял выбор: верить своему окружению или финансовым рынкам? Довверять клану или экспертам? Он решил держаться клана. Ирландия дала обещание. И оно погубило Ирландию.

УЖЕ ТОГДА РЕШЕНИЕ казалось несколько странным. Ирландским банкам, подобно крупным американским, удалось убедить множество людей, что они так тесно переплелись с экономикой, что их крах повлечет за собой многие другие беды. На деле же банки не были тесно связаны с экономикой, а если и были, то далеко не все. У Anglo Irish Bank было всего лишь шесть отделений, при этом не было банкоматов, как не было и органической взаимосвязи с ирландским бизнесом, кроме связи с застройщиками. Банк предоставлял людям деньги для покупки земли и строительства — вот и всё, что он делал. И делал он это на деньги, занятые у иностранцев. Банк по своей природе не был системным. Он стал таковым только тогда, когда его убытки легли на плечи каждого налогоплательщика.

В любом случае, если ирландцы хотели спасти свои банки, почему бы не дать гарантии хотя бы по депозитам? Существует большая разница между вкладчиками и держателями облигаций: вкладчиков можно потерять. Непосредственная опасность для банков заключалась в том, что собственники сбережений могли забрать свои деньги и тогда банки остались бы без средств. А вот инвесторам, владеющим облигациями ирландских банков на сумму €80 млрд, деваться было некуда. Они не могли забрать свои деньги у банков. И этих €80 млрд было как раз достаточно для покрытия возможных убытков ирландских банков. У таких частных

владельцев облигаций не было права на погашение долга ирландским правительством. Владельцы облигаций, собственно, и не ждали этого. Недавно я разговаривал с бывшим старшим трейдером по облигациям из Merrill Lynch, который на 29 сентября 2008 г. держал кучу облигаций одного из ирландских банков. Он уже пытался продать их обратно банку по цене 50 центов за доллар — иначе говоря, шел на огромные потери, лишь бы избавиться от них. Проснувшись утром 30 сентября, он обнаружил, что его облигации стоят 100 центов на доллар. Ирландское правительство предоставило гарантии для них! Он не мог поверить своей удаче.

По финансовым рынкам прошла волна облегчения. Частным инвесторам, вложения которых оказались под угрозой и которые даже не надеялись получить хоть что-нибудь, вдруг предложили полную компенсацию, и заплатил за это ирландский налогоплательщик.

Теперь, когда известно, что ирландские банки понесли крупнейшие в истории убытки, решение о возмещении выглядит не только странным, но и губительным. Горстка ирландских банкиров влезла в долги, которые они никогда не смогли бы выплатить: что-то около €100 млрд. Возможно, они не имели представления о том, что делали, но все равно делали это. Их долги носили частный характер, и они задолжали инвесторам по всему миру, но бремя выплат полностью легло на плечи ирландского народа, как если бы это были обязательства государства. Два года народ страдал от невыносимой ноши, почти не выражая протеста. Более того, с 29 сентября 2008 г. любые стратегические решения все сильнее затягивали петлю на шею ирландского народа. В январе 2009 г. ирландское правительство национализировало

банк Anglo Irish вместе с его убытками в €34 млрд (которые еще и росли). В конце 2009 г. было создано Национальное агентство по управлению активами, ирландский вариант американской Программы выкупа проблемных активов (Troubled Asset Relief Program — TARP), но, в отличие от правительства США, ирландское довело дело до конца и выкупило у ирландских банков никчемные активы на €80 млрд.

ИРЛАНДИЮ ПОГУБИЛО ОДНО-ЕДИНСТВЕННОЕ решение, но мой вопрос Ленихану на эту тему вызывает у него раздражение, как будто он считает ее неподходящей для обсуждения. По его словам, дело не столько в решении, сколько в том, что у него не было выбора. Правила ирландского финансового рынка созданы по английскому образцу, а согласно английскому законодательству владельцы облигаций пользуются теми же правами что и обычные вкладчики. То есть по закону полагалось спасти не только маленьких людей с банковскими вкладами, но и крупных инвесторов, владеющих облигациями ирландских банков.

Это вызывает у меня кое-какие ассоциации. Когда министр финансов США Хэнк Полсон понял, что банкротство Lehman Brothers расценивается не как смелый поступок и принципиальность, а как катастрофа, он тоже стал утверждать, что руководствовался законом, который не оставил ему выбора. В разгар кризиса, однако, Полсон и не думал ссылаться на закон; точно так же Ленихан вспомнил о законе, обязывающем его покрыть банковские долги частным кредиторам, лишь спустя какое-то время после осуществления этой меры. В обоих случаях объяснение было легалистическим: оно было верно в узком смысле, но неверно — в широком.

Ирландское правительство всегда, когда хотело, использовало возможности власти, чтобы возложить убытки даже на держателей старших облигаций. «Власти забыли, что у правительства есть определенные полномочия, — говорит Морган Келли. — Можно призывать народ на военную службу. Можно отправлять его на смерть. *Можно менять законодательство*».

В разгар событий, 30 сентября 2008 г., Ленихан привел тот же аргумент в пользу гарантий в отношении банковских долгов, что и Merrill Lynch: чтобы предотвратить «распространение заразы». Стоит сказать финансовым рынкам, что кредитование ирландского банка равносильно кредитованию ирландского правительства, — и инвесторы успокоятся. Ибо кто будет сомневаться в кредитоспособности ирландского правительства? Через несколько месяцев, когда возникли подозрения, что банковские убытки настолько велики, что могут привести к банкротству ирландского правительства, Ленихан предложил новое обоснование правительственного подарка частным инвесторам: держателями облигаций были ирландские сберегательные банки. До этого правительство гнуло линию, что им было неизвестно, кто владел банковскими облигациями. Теперь они говорили, что если ирландское правительство не возьмет убытки на себя, то пострадают ирландские индивидуальные вкладчики. Иными словами, ирландцы спасают ирландцев же. Но это было неправдой и спровоцировало гневный протест со стороны ирландских сберегательных банков, которые заявили, что не были владельцами облигаций и что осуждают правительство за щедрый подарок держателям этих облигаций. Блогеру, пишущему под псевдонимом Guido Fawkes

о финансовых расследованиях, каким-то образом удалось раздобыть список иностранных держателей облигаций, куда входили немецкие банки, французские банки, немецкие инвестиционные фонды, Goldman Sachs. (Да: даже ирландцы внесли свою лепту в Goldman.)

ТЕПЕРЬ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ Европы у мужчин, которые думали, что их должность называется «министр финансов», появилось ощущение, что они фактически являются продавцами государственных облигаций. Предельно ясно, что убытки ирландских банков разорили Ирландию, но ирландский министр финансов не желает об этом говорить. Вместо этого в разговоре со мной он несколько раз роняет фразу о том, что Ирландия «полностью профинансирована» до лета будущего года. Иначе говоря, у ирландского правительства в банке достаточно наличных, чтобы платить по счетам до июля следующего года. И только выйдя из кабинета, я осознаю, насколько тривиален этот вопрос. Сермяжная правда состоит в том, что с сентября 2008 г. Ирландия с каждым днем все больше оказывается во власти кредиторов. Чтобы остаться на плаву, ирландские банки, которые теперь принадлежат государству, взяли у Европейского центробанка краткосрочные кредиты на €85 млрд. Не позднее, чем через неделю, Европейский союз вынудит Ленихана пригласить в Ирландию представителей МВФ, передать МВФ управление ирландскими финансами и принять его пакет мер по борьбе с кризисом. Ирландская общественность пока не знает об этом, но уже ко времени нашей встречи с министром финансов стало ясно, что Европейский центробанк впредь не намерен кредитовать ирландские банки. И скоро Брайану Ленихану предстоит

давать парламенту четвертое объяснение причин, по которым нельзя допустить, чтобы частные инвесторы ирландских банков понесли убытки. «Нашей стране, которая так зависит от международных инвесторов, никак нельзя по собственной инициативе нарушить обещание в отношении держателей старших облигаций вопреки желаниям ЕЦБ», — скажет он.

Однако были времена, когда желания ЕЦБ не особо принимались во внимание в Ирландии. Например, до того, как ирландское правительство направило полученные от ЕЦБ средства на погашение долгов иностранным держателям облигаций, выпущенных ирландскими банками.

РАЗ В 10 ЛЕТ Я ПЫТАЮСЬ ездить на машине в стране с левосторонним движением, и каждый раз дело заканчивается тем, что я сбиваю десятки боковых зеркал с припаркованных автомобилей. Я отправился на поиски какого-нибудь местного жителя, который мог бы помочь мне с разъездами, и нашел парня, которого назову Айан Макрори. Оказалось, что этот ирландец не только водит машину, но и обладает кучей знаний и кое-чем еще. Например, у него есть армейская навигационная система, и он удивительно хорошо разбирается в вопросах непонятого и секретного толка. «Я немного занимаюсь обеспечением личной безопасности и делаю еще кое-что в этом роде», — отвечает он на мой вопрос о том, чем еще он занимается помимо того, что возит туда-сюда туристов, вознамерившихся изучить причины ирландского финансового краха, и больше не распространяется на эту тему. Позже, когда я упомяну имя некогда богатого ирландского застройщика, он небрежно, как о пустяке, говорит, что как-то «проник» в летний дом этого мужика и сделал

фотографии интерьера «для человека, который, как я знаю, подумывает о том, чтобы купить этот дом».

Айан, как оказалось, прекрасно понимает, какие детали в сельской Ирландии могут быть интересны мне или любому другому путешественнику. Например, он может сказать «Вон там виден довольно типичный “круг фей”», а затем дать интересные объяснения: местные фермеры верят, что в этих кругах из камней или грибов, которые вроде бы появляются на ирландских полях сами по себе, обитают сказочные существа. «Ирландцы действительно верят в фей?» — спрашиваю я его, а сам, как ни стараюсь, не могу разглядеть никакого типичного «круга фей», на который мне только что указал Айан. «Видите ли, если подойти и спросить прямо “Ты веришь в фей?”, то большинство ребят будет отрицать это, — отвечает он. — Но если попросить раскопать круг фей на его участке, он не будет делать этого. Как мне кажется, это все-таки вера». Так оно и есть. Это тактическая вера, которая объясняется тем, что обратное неверию значение не полностью отражает суть — то же самое относится и к прежней вере ирландцев в то, что цены на землю могут расти вечно.

По дороге из Дублина мы проезжаем мимо заброшенных строительных площадок и пустых кварталов. «Можем по пути остановиться у брошенных владений, — говорит Айан, когда мы оставляем позади пригородные районы Дублина. — Но если будем останавливаться у каждого, то никогда отсюда не выберемся». Мы проезжаем мимо мокрых зеленых полей, поделенных ирландскими картофелеводами на небольшие участки, и небольших деревушек, но даже населенные места кажутся безжизненными. Деревня в Ирландии по-прежнему остается местом, откуда бегут. Одной из причин, по мнению

стороннего наблюдателя, является климат. «Здесь дождь либо идет, либо собирается, и так всегда, — говорит Айан. — Я как-то возил по стране одного черного парня из Африки. Все время шел дождь. Он и говорит мне: “Не понимаю, почему люди живут здесь. Это все равно что жить под слоном”».

Живая изгородь вдоль шоссе, посаженная для того, чтобы из мокрых домов не было видно мокрой дороги, теперь скрывает мокрые дома, чтобы их не видели с мокрой дороги. Рекламный щит, по которому струятся капли, гласит «КАРТИНА ДЕРЕВНИ БУДУЩЕГО» и изображает деревню, которая никогда не будет построена. Выбрав наугад более или менее достроенную деревню, мы съезжаем с дороги. Это поселок за пределами пригородной зоны. Перед нами красуется указатель с претенциозным названием ГЛЯНН РИАДА. В поле стоят несколько десятков домов, прилепившихся друг к другу; картину дополняют бесхозные бетонные плиты, погребенные в сорняках. Сразу видно, в какой момент иссяк поток денег из ирландских банков и застройщик свернул свою палатку, а польские рабочие уехали домой. «Парни, которые закладывали этот фундамент, даже и не верили, что строительство будет закончено», — говорит Айан. Бетонная плита, как и построенные дома, испещрена глубокими трещинами, какие бывают в домах после землетрясения, но в этом случае причиной стала халатность. Внутри полы завалены мусором, из кухни выдрана арматура, по стенам паутиной расплзается плесень. Последний раз я видел подобный интерьер в Новом Орлеане после урагана «Катрина».

В 2009 г. Департамент окружающей среды Ирландии опубликовал свой первый отчет о ревизии нового жилого фонда после обследования 2846 жилых построек, многие

из которых были заброшены. Правительство выдало разрешение на строительство 180 000 объектов, из которых более 100 000 пустуют. Некоторые из занятых домов стоят без отделки. Фактически все строительство сейчас прекращено. В Ирландии не хватает людей, чтобы заселить новые дома. В Ирландии никогда не хватало людей, чтобы заселить новые дома. Спросите ирландских застройщиков, кого они считали потенциальными жильцами построек в сельской местности Ирландии, и они все как один смущенно хихикнут и предложат один и тот же набор кандидатов: поляки; иностранцы, желающие иметь второй дом; ирландские государственные служащие, которых целыми департаментами привезут в эту глубинку согласно широкомасштабной программе переселения, которую почему-то не выполнили; диаспора порядка 70 млн человек, имеющих ирландские корни. На вопрос, почему это жилье не привлекло особого внимания во время бума, ответить просто: даже при наличии ирландских корней люди, которые живут за пределами Ирландии, не интересуются покупкой домов в этой стране. «У нас нет международного рынка недвижимости, — говорит агент дублинского отделения компании Savills по имени Ронан О’Дрисколл. — Здесь нет иностранных покупателей. И никогда не было». Дублин — не Лондон, а сельская местность Ирландии — не Котсуолдские холмы. Этого никогда не было и никогда не будет.

ТО, КАК ЦЕЛЫЕ НАРОДЫ повели себя, когда получили свободный доступ к деньгам, открыло нам многие их стороны: их чаяния, их ограничения, их самоощущение. Их реакция на отъем денег тоже говорила о многом. В Греции деньги

заимствовало государство, и потому долги были долгами греческого народа, но народ не захотел взваливать это бремя на свои плечи. Греки тут же вышли на улицы с неистовыми протестами и тут же нашли виновников своих проблем за пределами Греции: монахов, турок, иностранных банкиров. Теперь греческие анархисты забрасывают электронными письмами немецких политиков и кидают бутылки с зажигательной смесью в своих полицейских. В Ирландии заимствования осуществлялись несколькими банками, и тем не менее народ как будто не только согласен погасить их, но при этом практически не жалуется. Еще не так давно, осенью 2008 г., после того как правительство пригрозило введением проверки потребности в медицинском обслуживании, пожилые люди вышли на улицы Дублина с маршем протеста. Спустя несколько дней после моего приезда студенты последовали их примеру, но в их протесте было больше театральной, чем общественного гнева; к тому же это был повод пропустить занятия. (Один из плакатов гласил: «ДОЛОЙ ВСЕ ЭТО!») После марша я остановил двух студентов и спросил, почему у всех были желтые полоски на лицах. Они какое-то время глядели друг на друга. «Да не знаю!» — сказал наконец один из них и разразился смехом.

А дальше... тишина. Прошло уже более трех лет с тех пор, как ирландское правительство свалило убытки ирландских банков на плечи ирландского народа, а за это время было лишь два заметных проявления общественного недовольства. В начале 2009 г. на первом после банкротства собрании акционеров AIB пожилой гражданин забросал тухлыми яйцами руководителей банка. И поздним сентябрьским вечером 2010 г. застройщик из Голуэя по имени Джо

Макнамара написал на своей бетономешалке антибанковские лозунги, залез в кабину, проехал по стране и остановил машину в воротах парламента, заблокировав тормоза. О пожилом метателе яиц уже успели забыть, а Макнамара все еще мелькает в новостях: он отказывается давать интервью. «Джо — частное лицо, — сказал мне его адвокат. — Он считает, что выполнил свою миссию. Внимание прессы ему ни к чему».

Раньше, до истории с парковкой бетономешалки у входа в парламент, он занимался строительством, но в небольших объемах. Он начал с сооружения фундаментов и, как многие торговцы из глубинки, получил кредит от Anglo Irish Bank. Так началась его карьера застройщика. Он переехал в г. Голлуэй, где поселился в дешевом новом микрорайоне рядом с площадкой для гольфа. Источник его бедственного финансового положения находился примерно в часе езды от города: это была курортная гостиница, которую он пытался построить в крошечной деревеньке Кил, где он вырос, на дальнем острове под названием Ахилл. «Ахилл, — произносит Айан, когда я прошу его отвезти меня туда, потом с минуту молчит, как будто хочет дать мне время еще раз подумать. — В это время года на Ахилле довольно уныло». Подумав еще минуту, он говорит: «Знаете, летом на Ахилле тоже довольно уныло».

Уже в сумерках мы катим по маленькому мосточку и оказываемся на острове. По обеим сторонам извилистой однополосной дороги насколько хватает глаз простираются торфяные болота. Такое ощущение, что это не «туристический объект», а «конец света». («Следующая остановка — Ньюфаундленд», — объявляет Айан.) Гостиница Achill Head Hotel, первое предприятие Джо, которым по-прежнему управляет

его бывшая жена, закрыта, и в окнах нет света. А там, точно посередине крошечной деревушки Кил, его малой родины, — источник всех финансовых трудностей Джо Макнамары: гигантская черная яма в окружении бульдозеров и строительных материалов. В 2005 г. он затеял строительство скромной одноэтажной гостиницы на 12 номеров. В апреле 2006 г., когда ирландский рынок недвижимости взорвался, он расширил свои планы и обратился за разрешением на строительство роскошного многоэтажного отеля. Именно в этот момент рыночная конъюнктура изменилась. «Мы ушли в июне 2006 г., — сказал мне Ронан О’Дрисколл, брокер из Savills. — Мы вернулись в сентябре, как раз тогда все и остановилось. И как это все сразу понимают, что настало время остановиться — что наступило безумие?»

Четыре года котлован замороженной стройки портил вид деревни. А в мае 2010 г. Anglo Irish Bank, который предоставил Макнамаре деньги на застройку, пригрозил ему принудительной ликвидацией. Ирландское законодательство о банкротстве не предусматривало феноменального провала — вероятно, по той причине, что разрабатывавшие его люди не имели представления о том, что такое феноменальный успех. Когда банк инициирует принудительную ликвидацию принадлежащего ирландцу предприятия-банкрота, он направляет письмо родственникам этого человека, в котором уведомляет их о его несостоятельности — и позоре. Уведомление о банкротстве публикуется в одной национальной и одной местной газете. В течение целых 12 лет ирландскому банкроту не разрешается брать кредит на сумму выше €650, владеть собственными активами на сумму выше €3100, а также выезжать за границу без официального разрешения.

В течение 12 лет часть его заработка может передаваться непосредственно кредиторам. «Здесь не так, как в Соединенных Штатах, где быть банкротом — все равно что носить на груди знак почета, — говорит Патрик Уайт, представитель Ирландского совета по вопросам недвижимости. — Здесь вам практически закрывают дорогу в коммерческую сферу».

В финансовой сфере существует старинное правило: если вы должны банку пять миллионов баксов, банк владеет вами, но если вы должны банку пять миллиардов баксов, то вы владеете банком — с недавних пор это относится и к Ирландии. Долги крупных ирландских застройщиков — а это любой, кто должен банку более €20 млн, — теперь подсчитываются за закрытыми дверями. В обмен на помощь правительству в управлении своими портфелями недвижимости или их ликвидации самые большие неудачники были избавлены от банкротства. Застройщики меньшего калибра, как Макнамара, оказались в гораздо худшем положении; похоже, никто не знает точного числа таких людей, но ясно, что их много. Национальное агентство по управлению активами Ирландии контролирует кредиты под коммерческую недвижимость примерно на €80 млрд. Ирландский эксперт по недвижимости по имени Питер Бэйкон, который был консультантом при создании агентства, недавно признался, что, когда сложил кредиты под ирландскую недвижимость относительно небольших размеров (менее €20 млн), они составили еще €80 млрд. Очень многие бывшие ирландские строители оказались в точно таком же положении, как Джо Макнамара. Очень многие ирландские домовладельцы оказались примерно в таком же положении.

Разница между Макнамарой и всеми остальными заключается в том, что он выразил недовольство, причем публично. Но потом, очевидно, искренне решил, что зря это сделал. Я выяснил номер телефона его бывшей жены и позвонил ей, но она только рассмеялась и потребовала отстать от нее. В конце концов, я добрался до самого Макнамары, раздобыв номер его сотового телефона. Однако он лишь пробормотал, что больше не хочет привлекать к себе внимание, и отключился. Только после того, как я написал в SMS-сообщении, что нахожусь на пути к его родному городку, он заволновался и ответил громогласным текстовым сообщением: «Что вы делаете в Киле????», причем не один раз. «Скажите, с какой целью вы едете в Кил????» Затем снова замолчал. «Натура ирландца такова, — говорит Айан, когда мы отъезжаем от черной ямы, которая разорила Джо Макнамару, — что вы можете очень долго напирать на него, но когда он все-таки раскалывается, то начинает вести себя как безумный». (Через месяц, после периода полного безмолвия, Макнамара вновь заявит о себе, прокричав с вершины строительного крана, что он еще раз проехал по стране и бросил машину перед зданием парламента.)

КАК РАССКАЗАЛИ МНЕ ИРЛАНДСКИЕ друзья, всех приезжающих в Америку ирландцев поражают две вещи: бескрайность страны и какое-то бескрайнее желание ее жителей говорить о своих личных проблемах. Всех приезжающих в Ирландию американцев тоже поражают две вещи: ее малые размеры и неразговорчивость жителей. Свои личные проблемы ирландец несет в свое убежище подобно белке, несущей в дупло орехи на зиму. Он мучает себя, а иногда и своих близких.

Но ему никогда не придет в голову в случае неудачи трезвонить об этом на весь мир. Знаменитое умение ирландцев не лезть за словом в карман служит отличным прикрытием для того, что они хотят скрыть от вас.

Насколько я понимаю, на 10 ноября 2010 г. число представителей ирландского населения, желающих устроить скандал по поводу происшедшего с ними, сводилось к одному: метателю яиц. На следующий день мы останавливаемся у его дома, скромного старого таунхауса на окраине Дублина. Веселый пожилой джентльмен в опрятном бордовом свитере и отутюженных брюках, открывший нам дверь, обладает, помимо других качеств, фантастически приятными манерами. Он способен изобразить приветливость при виде абсолютно незнакомых людей на пороге своего дома и дать им почувствовать, что им здесь рады. В небольшой аккуратной столовой Гэри Кеога на столе лежит книга, написанная его внуками и датированная маем 2009 г. Называется она «Отличные-яичные приключения дедушки» (Granddad's Eggcellent Adventure).

После оказания Брайаном Лениханом финансовой помощи банкам Кеог впервые за свою жизнь обратил внимание на поведение ирландских банкиров. Его собственные акции в AIB, некогда казавшиеся не менее надежными, чем наличные или золото, быстро обесценивались, а руководство банка не испытывало ни малейших угрызений совести. Больше всего его возмущало поведение председателя правления AIB Дермота Глисона и генерального директора Юджина Шихи. «Эти двое время от времени заявляли: “Наш банк надежен на все сто процентов”, — поясняет Кеог. — Как будто ничего не случилось!» Он начал наводить справки

об этих людях, которым всегда слепо доверял. То, что он узнал — высокая зарплата, бездумное разбазаривание корпоративных средств, — привело его в ярость. «Председатель правления за проведение 12 собраний платил себе 475 тысяч!» — кричал он не в силах сдержать эмоции.

То, что Кеог узнал, остается самой шокирующей стороной ирландской катастрофы: легкость, с которой почтенные финансовые учреждения отказывались от своих традиций и принципов. Anglo Irish, новичок в банковской отрасли, едва появившись на рынке, заявил, что нашел новый, более совершенный путь ведения дел. Банк Anglo удивительно быстро принимал решения: ирландский застройщик мог прийти к ним вечером с новой идеей и тем же вечером выйти оттуда с сотнями миллионов евро. В Anglo легко швырялись деньгами, предпочитая вести дела по-семейному: если человек им нравился, они не утруждали себя оценкой проекта.

Вместо того чтобы осудить безрассудство такого подхода, два старых ирландских банка стали копировать его. Ирландский бизнесмен по имени Денис О'Брайен присутствовал на заседании совета директоров Bank of Ireland в 2005 г., когда они обсуждали поразительный рост Anglo Irish. (Anglo Irish вознамерился обеспечить *двукратный* рост за два года.) «Помню, как пришел генеральный директор и сказал: «Наши темпы роста составят 30% в год», — рассказал мне О'Брайен. — Я спросил: «Как, черт побери, вы собираетесь это сделать? В банковском бизнесе годовой прирост в лучшем случае составляет 5–7%»».

А сделали они то, что делал Anglo Irish: выписывали чеки ирландским застройщикам, чтобы они покупали землю по любой цене. Банк AIB, который платил своим кредитным

менеджерам исходя из объема предоставленного ими финансирования, создал подразделение, прозванное АВА (*англ.* Anybody but Anglo — «Кто угодно, только не Anglo»). Занималось оно тем, что переманивало самых крупных застройщиков из клиентов Anglo, т. е. тех людей, которые впоследствии станут самыми скандальными банкротами в истории Ирландии. В октябре 2008 г. газета *Irish Times* назвала пять самых крупных сделок с недвижимостью в каждом из последних трех лет. Allied Irish кредитовал 10 из 15 сделок, а Anglo Irish лишь одну. Выступая на национальном ирландском радио, обанкротившийся застройщик Саймон Келли, который должен ряду ирландских банков €200 млн лично и является членом товарищества, имеющего задолженность €2 млрд, признался, что за всю его карьеру он лишь однажды расстроил банкира, и это было, когда он *погасил* кредит. Дело в том, что он погасил кредит Anglo Irish за счет средств, полученных от Allied Irish. Бывшие руководители Anglo Irish, у которых я взял интервью (неофициально, так как все они скрываются), отзываются о своих старших, более уважаемых подражателях с некоторым изумлением. «Да, мы потеряли контроль, — говорят они недвусмысленно. — Но те парни были не иначе как *чертовы придурки*».

Гэри Кеог размышлял о том, как изменилась Ирландия со времен его молодости, когда страна жила в крайней бедности. «Я тогда собирал крышки от бутылок, — говорит он. — Теперь же служба здравоохранения лишней раз не пошевелится, чтобы принять обратно костыли. Что уж там! Мы же стали такими богатыми». В отличие от большинства его знакомых, у Кеога не было долгов. «Мне было нечего терять, — говорит он. — Я никому ничего не задолжал. Вот поэтому

я и смог это сделать!» Кстати сказать, незадолго до этого он перенес тяжелую болезнь и потому жил с ощущением, что можно решиться на все что угодно, потому как хуже того, что пережил, уже не будет. «Я как раз получил новую почку и был очень доволен, — говорит он. — Только это, наверное, была почка Че Гевары». Он описывает свой тщательно продуманный замысел подобно политическому убийце, описывающему точное выполнение задания. «У меня было всего два яйца, — говорит он, — но, к счастью, оба протухли! Потому что я больше месяца хранил их в гараже!»

То памятное собрание акционеров AIB в марте 2009 г. было первым, на которое он явился. Он признается, что немного волновался: как бы план не сорвался. Волнение заставило его предусмотреть все: парковка в таком состоянии могла бы привести к беде, поэтому он поехал на автобусе; чтобы яйца по дороге не разбились, он сделал для них специальный контейнер; поскольку даже не знал, как выглядит конференц-зал, то пришел заранее и осмотрелся. «Я был у парадных дверей задолго до начала и первым делом произвел небольшую рекогносцировку, — рассказывает он. — Мне хотелось понять, как все будет происходить». Контейнер для яиц был слишком велик, чтобы незаметно протащить его в зал, поэтому он выкинул его. «Я разложил яйца по карманам пиджака», — говорит он. Чтобы яйца не выскользнули во время броска, он обернул каждое тонким листом целлофана. «Я расположился не слишком близко, но и не слишком далеко: в четвертом ряду на четвертом месте от прохода», — продолжает он. И стал ждать удобного момента.

Долго ждать не пришлось. Как только представители банка расселись по местам на возвышении, акционер встал

без приглашения с намерением задать вопрос. Глисон, председатель правления AIB, рявкнул: «Сядьте!»

— Он вел себя как диктатор! — возмущается Кеог, который воспринял это как оскорбление. Он поднялся и прокричал: «Я уже достаточно наслушался вашей ерунды! Ублюдок паршивый, вот ты кто!» И метнул тухлые яйца.

— Он решил, что в него стреляют, — говорит Кеог, слегка улыбаясь, — потому что первое яйцо попало в микрофон и раздалось громкое бух!

Яйцо расплющилось на плече Глисона. Второе яйцо он бросил в генерального директора, но промазал и попал в надпись «AIB» позади него.

Тут подскочили охранники. «Мне сказали, что меня арестуют и предъявят обвинение, но ничего такого не случилось», — говорит он. Еще бы: ведь если на то пошло, это была семейная разборка. Охранники хотели вывести его, но он ушел сам и уехал домой на ближайшем автобусе. «Все произошло в 10.10, — говорит он. — В 10.50 я уже был дома. В 11.10 зазвонил телефон. И я целый час выступал по радио». Тогда началось чистое безумие, которое, правда, длилось недолго. «Налетела пресса, и деваться им было некуда», — рассказывает он. Но это уже не имело особого значения — Кеога там все равно не было. Он исполнил свой план и не видел нужды в дальнейшей суете. В 6.00 он вылетел из дублинского аэропорта и отправился в давно задуманный круиз по Средиземному морю.

ГЛАВА IV

ТАЙНАЯ СТОРОНА НЕМЦЕВ

К о времени моего прибытия в Гамбург, а это было летом 2011 г., казалось, что судьба финансовой сферы зависит от немцев. Рейтинговое агентство Moody's было намерено понизить рейтинг государственного долга Португалии до уровня ниже инвестиционного, а агентство Standard & Poor's мрачно намекнуло, что следующей страной может оказаться Италия. Рейтинг Ирландии тоже чуть было не упал ниже инвестиционного уровня. Кроме того, с большой вероятностью можно было ожидать, что вновь избранные испанские местные органы власти воспользуются моментом и объявят, что бывшие испанские местные органы власти просчитались и долг перед иностранцами гораздо больше, чем предполагалось. В Греции положение было еще хуже. Из 126 стран, которым присваивался долговой рейтинг, Греция занимала 126-е место: согласно официальной точке зрения, греки были последней нацией на планете, способной погасить долги. Поскольку Германия являлась не только самым крупным кредитором многих неплатежеспособных европейских стран, но и их единственной серьезной надеждой на финансирование в будущем, именно немцам

предоставили право выступить моральным арбитром и решить, какое финансовое поведение можно считать допустимым, а какое нет. Как сказал мне один из руководителей Bundesbank, «Если мы говорим “нет”, то это означает “нет”. Без Германии ничего не происходит. Именно здесь решается судьба обанкротившихся стран». Всего лишь год назад, когда немецкие общественные деятели называли греков мошенниками, а немецкие газеты пестрели заголовками типа «ГРЕКИ-БАНКРОТЫ, ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ПРОДАТЬ СВОИ ОСТРОВА?», простые греки воспринимали это как вопиющее оскорбление. В июне 2011 г. греческое правительство начало продавать острова или во всяком случае составило перечень из нескольких тысяч объектов, подлежащих срочной продаже: площадки для гольфа, пляжи, аэропорты, сельскохозяйственные земли, дороги. Они надеялись продать их с аукциона и таким образом частично погасить долг. Можно с уверенностью сказать, что идея распродажи исходила не от греков.

Никому, кроме немцев, не придет в голову отправиться на выходные в Гамбург. Случилось так, что я приехал туда в преддверии немецкого праздника, и Гамбург был наводнен немецкими туристами. Когда я спросил у консьержа в отеле, что можно посмотреть в городе, он немного подумал и сказал: «Большинство людей просто идут в Репербан». Репербан — это гамбургский квартал красных фонарей, причем, как поведал один путеводитель, самый большой в мире, хотя непонятно, как они это определили. В итоге оказалось, что благодаря Репербану моя поездка оправдала надежды.

Наверное, из-за своего особого дара создавать трудности для других наций немцы оказываются в центре внимания

многочисленных научных работ, направленных на изучение их коллективного поведения. Среди огромного (и растущего) множества этих попыток, в том числе объемных трудов, выделяется маленькая книжка со смешным названием. Написанная в начале 1980-х гг. известным американским антропологом по имени Алан Дандес, книжка «Жизнь похожа на настел в курятнике» (Alan Dundes, *Life Is Like a Chicken Coop Ladder*) являет собой попытку описать немецкий характер с помощью историй, которые обычные немцы любят рассказывать друг другу. Специалист по фольклору, Дандес отмечает, что в немецком фольклоре «встречается необыкновенно много текстов со словами Scheisse (дерьмо), Dreck (помет), Mist (навоз), Arsch (задница). ... Возьмите народные песни, народные сказки, пословицы, загадки, народную речь — везде есть свидетельства давнишнего пристрастия немцев к этой стороне жизнедеятельности».

Он подкрепил свою теорию огромной массой доказательств. Например, у немцев есть популярный народный персонаж по имени *der Dukatenscheisser* (Гадящий Дукатами), которого обычно изображают с выпадающими из заднего прохода монетами. В Мюнхене находится первый в мире музей, посвященный исключительно туалетам. (Второй не так давно открылся в Нью-Дели.) Немецкое слово «дерьмо» выполняет огромное число странных лингвистических функций — к примеру, в немецком языке некогда существовало распространенное выражение нежности: «моя дерьмовочка». Первое, что попробовал напечатать Гутенберг после Библии, был график приема слабительного, который он назвал «Календарь очищения кишечника». А еще есть немислимое число немецких народных поговорок, связанных с задним проходом.

«Как для рыбы вода, так для дерьма задница!» — вот один из бесчисленного множества примеров.

Антрополог Дандес вызвал некоторое возмущение тем, что выискивал проявления этой единственной низменной национальной черты в самые ответственные моменты истории Германии. Как-то у сидевшего на толчке Мартина Лютера, отличавшегося жуткой склонностью к копрологическим скабрезностям («Я — созревшее дерьмо, а мир — гигантская задница» — одно из выражений Лютера), родилась идея, которая дала начало реформаторскому движению. Из писем Моцарта следует, что его ум, как выразился Дандес, «не имел себе равных в измышлении фигур речи на фекальные темы». У Гитлера любимым словом было Scheisskerl (засранец), и, судя по всему, он называл этим словом не только других, но и себя. После войны врачи Гитлера рассказывали офицерам разведки США, что их пациент удивительно много энергии тратил на изучение собственных фекалий, к тому же есть немало свидетельств того, что он любил заставлять женщин испражняться на него. Дандес предположил, что в основе уникальной способности Гитлера убеждать людей, возможно, лежало то, что он разделял с ними типичную немецкую черту: публичное отвращение к мерзости, которое маскировало личную одержимость ею. «Сочетание чистого и грязного: чистота снаружи — грязь внутри, или чистая форма и грязное содержание — весьма типичная черта немецкого национального характера», — писал он.

Дандес в основном ограничился исследованием низкой, массовой немецкой культуры. (Желающим изучить копрофилию в высокой немецкой культуре он рекомендовал другую книгу, написанную двумя немецкими учеными: «Зов

человеческой природы: Роль копрологии в современной немецкой литературе» (The Call of Human Nature: The Role of Scatology in Modern German Literature). Тем не менее его труд оставляет весьма сильное ощущение, что немцы, причем всякого звания, слегка отличаются от нас с вами — эту мысль он отразил во вступлении к своей книге в мягкой обложке. «Американка, которая вышла замуж за коллегу-немца, призналась мне, что после чтения этой книги стала гораздо лучше понимать мужа, — писал он. — До этого она ошибочно предполагала, что у него есть эдакий пунктик, поскольку он постоянно в мельчайших подробностях обсуждал с ней свой последний стул».

Гамбургский район красных фонарей привлек внимание Дандеса потому, что местные жители питали особую слабость к борьбе в грязи. Обнаженные женщины боролись на грязном ринге, а зрители защищали головы пластиковыми шапочками, как презервативами. «Таким образом, — писал Дандес, — зрители получали удовольствие от грязи и одновременно оставались чистыми!» Немцы желали быть возле дерьма, но не в нем. Как оказалось, это отличная иллюстрация их роли в современном финансовом кризисе.

НЕДЕЛЕЙ РАНЬШЕ Я ЕЗДИЛ в Берлин на встречу с заместителем министра финансов Германии, 44-летним профессиональным чиновником по имени Йорг Асмуссен. Сегодня у немецкого народа единственное среди крупных развитых стран министерство финансов, руководителям которого нет нужды тревожиться о том, что их экономика рухнет в тот момент, когда инвесторы перестанут покупать их облигации. Если в Греции безработица достигла рекордного уровня (по последним

данным, 16,2%), то в Германии она упала до самого низкого за последние 20 лет уровня (6,9%). Германии довелось пережить финансовый кризис без экономических последствий. При встрече со своими банкирами они надевали на голову презервативы и потому грязь к ним не прилипала. В итоге в последнее время финансовые рынки пытаются, хоть это им не удастся, угадать, что на уме у немцев: ясно, что они в состоянии погасить долги европейских сотоварищей, только вот захотят ли? Считать ли их европейцами или все же немцами? За последние полтора года любое высказывание или жест каждого немецкого чиновника, имеющий хоть какое-то отношение к такому решению, попадал в заголовки и вызывал движение на рынке. Следует отметить, что таковых было много, и большинство из них совпадало с немецким общественным мнением и отражало непонимание и возмущение по поводу того, что другие люди ведут себя так безответственно. В настоящее время Асмуссен является одной из фигур в Германии, с которых буквально глаз не сводят. Вместе со своим боссом Вольфгангом Шойбле он непременно принимает участие в каждой встрече между немецким правительством и представителями паразитирующих стран.

Здание министерства финансов, построенное в середине 1930-х гг., представляет собой памятник амбициям и вкусам нацистов. Безликое и похожее на останцы, оно настолько велико, что, если в поисках главного входа вы пойдете не в ту сторону, потеряете минут 20. Именно это и случилось со мной, и мне пришлось попотеть и попыхтеть, чтобы наверстать упущенное время. По пути я размышлял, что, наверное, такие же чувства испытывали нацисты из глубинки, которые бродили вокруг этих зловещих каменных

стен, пытаюсь понять, как туда войти. Наконец я узнаю этот двор: единственное отличие между его теперешним видом и изображениями на знаменитых старых фотографиях в том, что нет больше Гитлера, вышагивающего мимо входа, да статуи орла со свастикой. «Здание было построено для министерства авиации, которое возглавлял Геринг, — говорит ожидавший меня специалист по связям с общественностью министерства финансов, оказавшийся, как ни странно, французом. — Это сразу видно по веселенькой архитектуре». Он объясняет, что размеры строения потому так велики, что Герман Геринг собирался сажать на крышу самолеты».

Я опоздал минуты на три, а замминистра финансов прибыл на целых пять минут позже, что, как я потом узнаю, в Германии считается чуть ли не тяжким преступлением. За эту небольшую задержку он извиняется гораздо дольше, чем она того заслуживает. Он носит очки в тонкой оправе на манер немецких режиссеров. Он очень подтянут и лыс, но по собственной воле, нежели по воле обстоятельств. Насколько я знаю по опыту, очень подтянутые белые мужчины с бритыми головами своим видом как бы заявляют «Мне не нужны ни толстое тело, ни волосы» и в то же время намекают, что тот, кому это нужно, просто рохля. Замминистра финансов даже смеется так, как должны смеяться все очень подтянутые мужчины с бритыми головами, если они хотят выдержать роль до конца. Он не открывает рот, чтобы выпустить воздух, а сжимает губы и выпускает звук через нос. Ему, наверное, смех нужен не меньше, чем другим людям, только для смеха ему нужно меньше воздуха. Рабочий стол замминистра являет собой образчик самодисциплины. Его оживляют свидетельства активной деятельности, как то:

блокноты с отрывными страницами, стикеры, манильские папки, причем каждый предмет тщательно выровнен по отношению ко всем остальным и к краям стола. Каждый угол составляет ровно 90°. Но самая удивительная из необязательных деталей декора — это прикрепленная к стене над столом большая белая табличка. Надпись сделана на немецком, но легко переводится на исходный английский:

СЕКРЕТ УСПЕХА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В УМЕНИИ ПОНЯТЬ ТОЧКУ
ЗРЕНИЯ ДРУГОГО.

— Генри Форд

Это удивляет меня. Это совсем не то изречение, которого следует ожидать от очень подтянутого бритого мужчины. Оно чересчур *мягко*. Замминистра финансов Германии и дальше опровергает мои необоснованные догадки: он говорит ясно, даже беспечно, о вещах, которые большинство министров финансов полагают своим долгом скрывать. Он сам, без намеков с моей стороны, принимается рассказывать, что только что закончил читать последний неопубликованный доклад о ходе проведения реформ греческим правительством. «Они не осуществили обещанных мер, — просто говорит он. — Они не проводят согласованных реформ».

— Сотрудники МВФ сделали *именно такой* вывод? — спрашиваю я.

Он находит седьмую страницу доклада, где МВФ рекомендует не давать Греции следующего транша финансовой помощи, которая нужна греческому правительству для того, чтобы не допустить дефолта по облигациям. «У них огромные

проблемы со сбором налогов. Совершенствования требует не налоговое законодательство, а процесс *сбора*».

Иначе выражаясь, греки по-прежнему отказываются платить налоги. Но это лишь одно из нарушений договоренности со стороны Греции. «Их рынок труда не меняется в нужную сторону». Я прошу привести пример. Он реагирует мгновенно: «У них очень устойчивая традиция выплачивать тринадцатую или четырнадцатую зарплату. События последних 10 лет привели к тому, что в Греции платят по €70 000 за ту же работу [на государственной службе], за которую в Германии платят €55 000». Чтобы не идти вразрез с требованием сдерживать рост заработной платы за календарный год, греческое правительство просто приписывало служащим лишние месяцы работы. «Им нужно изменить отношение народа к правительству, — продолжает он. — Это не та задача, которую можно выполнить за три месяца». Изменить взаимоотношения между любым народом и правительством, продолжает он, дело не простое. Грекам нужно измениться в сторону цивилизованности. Он высказался со всей определенностью: если греческому и немецкому народам предстоит сосуществование в валютном союзе, грекам нужно измениться.

Вряд ли в ближайшем будущем произойдет значительный сдвиг в этом направлении. У греков не только огромные долги, но и по-прежнему высокий дефицит бюджета. Введенные в заблуждение искусственно сильной валютой, они не могут обратить дефицит в профицит, хотя и делают все, что от них требуют. Их цены в евро на экспортные статьи остаются высокими. Правительство Германии требует, чтобы греки сократили размер правительства, но это также замедлит

экономический рост и снизит налоговые поступления. Следовательно, должно произойти одно из двух: либо немцы согласятся на финансовую интеграцию Европы, и тогда между Германией и Грецией установятся такие же взаимоотношения, как, скажем, между Индианой и Миссисипи, и налоговые отчисления простых немцев будут поступать в общую копилку и оплачивать благоденствие простых греков, или же греки (и в конечном итоге, вероятно, все немцы) проведут «структурную реформу» — эвфемизм для волшебного и радикального преобразования в нацию, столь же результативную и плодотворную, как немцы. Первый вариант понравится грекам, но болезненно скажется на немцах. Второй понравится немцам, но болезненно (или даже убийственно) скажется на греках.

Единственный экономически целесообразный сценарий видится в том, что немцы при незначительной помощи быстро сокращающегося населения кредитоспособных европейских стран согласятся ту же затянуть ремни и больше трудиться, чтобы платить за всех остальных. Однако экономически целесообразный сценарий оказывается политически неприемлемым. Немецкий народ знает про евро как минимум один факт: до того, как они согласились отказаться от немецкой марки, немецкие лидеры недвусмысленно обещали им, что от них никогда не потребуют спасать от банкротства другие страны. Это правило было введено при создании Европейского центрального банка и было нарушено в 2010 г. С каждым днем общественное мнение все сильнее восстает против нарушения правила, причем до такой степени, что канцлер Ангела Меркель, которая чувствует настроение широких масс, даже не попытается

убедить немецкий народ, что помощь Греции может послужить Германии на руку.

Вот почему проблемы с финансированием в Европе оказываются не просто проблематичными, а неразрешимыми. Именно поэтому греки сейчас забрасывают Меркель электронными письмами, а отморозки в Берлине швыряют камни в окна греческого консульства. И именно поэтому европейские лидеры лишь отдалают час неизбежной расплаты, пытаясь каждые пару месяцев найти денежные средства, чтобы заткнуть растущие дыры в бюджетах Греции, Ирландии и Португалии, и молятся, чтобы не обнаружили еще более страшные дыры у Испании, Италии и даже Франции.

До сих пор главным источником этих денежных средств был находящийся во Франкфурте Европейский центробанк. Изначально предполагалось, что ЕЦБ будет функционировать в том же режиме, что и Bundesbank, но финансовый кризис внес свои поправки. ЕЦБ успел приобрести, с немедленной оплатой, греческие, ирландские и португальские государственные облигации где-то на \$80 млрд. Вдобавок он предоставил кредит на \$450 млрд разным европейским правительствам и европейским банкам под практически любое обеспечение, включая греческие государственные облигации. Но у ЕЦБ есть правило — и немцы считают его весьма важным, — согласно которому банк не имеет права принимать в качестве залога облигации, которые согласно рейтинговым агентствам США классифицируются как дефолтные. Если учесть, что у ЕЦБ некогда имелось правило, запрещающее покупать облигации на открытом рынке с немедленной оплатой, а также другое правило, запрещающее оказывать помощь правительствам для вывода страны из кризиса, было бы

немного странно, если бы они продолжали цепляться за эту формальность. Но это действительно так. Если Греция объявит дефолт по своим долгам, ЕЦБ не только потеряет кучу денег на греческих облигациях, но и будет обязан вернуть облигации европейским банкам, а те будут обязаны выложить свыше \$450 млрд наличными. Сам ЕЦБ может оказаться на грани банкротства, а это означает необходимость обращения за средствами к правительствам кредитоспособных стран — членов ЕС во главе с Германией. (Ответственный представитель Bundesbank сказал мне, что они уже продумали свои действия в случае обращения к ним с такой просьбой. «У нас есть 34 тонны золота, — сказал он. — Мы — единственная страна, не продавшая свои прежние запасы [оставшиеся с конца 1940-х]. Так что у нас предусмотрено определенное покрытие».)

Более серьезная проблема состоит в том, что греческий дефолт вполне может повлечь за собой дефолт других европейских стран и банков. В лучшем случае он породит панику и сумятицу на рынках суверенного и банковского долга, причем произойдет это в то время, когда многим банкам и как минимум двум крупным обремененным долгами странам Европы — Италии и Испании — паника и сумятица могут нанести непоправимый вред.

В основе этого полнейшего безобразия, с точки зрения министерства финансов Германии, лежит нежелание, или неспособность, греков изменить свое поведение. Именно это всегда предполагал валютный союз: целые народы должны изменить свой образ жизни. Единая европейская валюта была задумана как инструмент, призванный интегрировать Германию с Европой и не дать ей возможность доминировать

над другими странами, но вышло все наоборот. Так или иначе, теперь немцы определяют финансовую судьбу Европы. Если другие страны Европы намерены продолжать пользоваться благами, в значительной степени обеспечиваемыми немецкой валютой, то им нужно «онеметчиться». И поэтому, подчеркнем еще раз, люди разного племени, предпочитающие не думать о «немецкости», вынуждены делать это. В ходе беседы я частично нахожу ответ в самой личности Йорга Асмусена. Такой тип человека весьма узнаваем в Германии, но кажется абсолютно странным в Греции или, коли на то пошло, в Соединенных Штатах: высокоэрудированный, в высшей степени амбициозный государственный служащий, у которого нет других целей, кроме служения родине. В его блестящей биографии не хватает одной строки, которая присутствовала бы в резюме занимающих аналогичную должность мужчин практически в любой другой точке земного шара — строки, где сказано, что он оставляет государственную службу и переходит на работу в Goldman Sachs ради денег. Когда я спросил другого выдающегося немецкого чиновника, почему он не прервал работу на государственной службе и не заработал состояние в каком-нибудь банке, как поступил бы каждый американский чиновник, имеющий хоть какое-то отношение к финансам, выражение лица у него изменилось. «Я никогда бы этого не сделал, — сказал он. — Это было бы нелояльно!» Асмуссен, которого я спросил, почему он упускает возможность разбогатеть, ответил в том же духе.

Затем он переходит непосредственно к немецкому вопросу. Любопытно отметить одну деталь в связи с появлением в 2002–2008 гг. дешевых и доступных кредитов: разница, с которой страны восприняли эту возможность. Все

развитые страны оказались перед одним и тем же соблазном, но не найдется и двух стран, отреагировавших на него абсолютно одинаково. В большинстве европейских стран дешевые кредиты брали для покупки вещей, которые, положив руку на сердце, не могли себе позволить. По сути, большое число немцев использовало кредитный рейтинг Германии для удовлетворения своих материальных потребностей. Немцы были исключением. Имея шанс взять что-то даром, немецкий народ попросту проигнорировал предложение. «В Германии не было кредитного бума, — говорит Асмуссен. — Цены на недвижимость совершенно не менялись. Здесь не брали кредитов для потребительских целей. Потому что такое поведение в Германии считается абсолютно неприемлемым. Такова национальная черта немецкого народа. Она глубоко укоренилась в немецком характере. Наверное, это результат сохранения в коллективной памяти Великой депрессии и гиперинфляции 1920-х гг.». Не менее благоразумно поступало и правительство Германии, потому что, продолжал он, «между разными партиями существует консенсус относительно следующего: если вы не придерживаетесь принципа финансовой ответственности, у вас нет шанса на выборах, ибо таково отношение народа к этому вопросу».

В момент искуса Германия стала зеркальным отражением и Исландии, и Ирландии, и Греции, и Соединенных Штатов. Другие страны воспользовались иностранными деньгами как средством удовлетворения различных безумных потребностей. В Германии банкиры использовали собственные деньги для того, чтобы дать возможность иностранцам вести себя безумно.

В этом и кроется особенность немецкого вопроса. Будь немцы единственной среди крупных развитых стран нацией с высокими моральными принципами в финансовом отношении, они бы явили миру простой пример честности. Однако они сделали нечто необычное: во время бума немецкие банкиры приложили все усилия, чтобы замарать себя. Они кредитовали американских низкокачественных заемщиков, ирландских магнатов недвижимости, исландских банковских воротил, чтобы те проворачивали дела, которые ни один немец никогда бы себе не позволил. Убытки немцев пока не подсчитаны окончательно, но по последним данным они составляют \$21 млрд по исландским банкам, \$100 млрд по ирландским банкам, \$60 млрд по американским низкокачественным ипотечным облигациям. Кроме того, предстоит еще определить размер потерь по греческим облигациям. Кажется, единственная финансовая катастрофа за последнее десятилетие, которую избежали немецкие банкиры, это инвестирование в банк Берни Мэдоффа (здесь то обстоятельство, что немецкая финансовая система не имеет дел с евреями, вероятно, сыграло свою единственную положительную роль). Однако у себя на родине эти, судя по всему, свихнувшиеся банкиры вели себя сдержанно. Немецкий народ не позволил им вести себя иначе. Вот еще один пример чистоты снаружи и грязи внутри. Немецким банкам, у которых возникало желание немножко замараться, надо было уехать за границу.

Однако об этом заместитель министра финансов особо не распространяется, хотя и слегка удивляется, каким образом жилищный кризис во Флориде мог вызвать огромные финансовые убытки в Германии. Складывается ощущение, что его искренне поражает сама возможность происшедшего.

НЕМЕЦКИЙ ЭКОНОМИСТ ХЕНРИК Эндерлайн, преподаватель из Высшей школы управления Херти в Берлине, описал радикальные перемены, которые произошли в немецких банках начиная примерно с 2003 г. В работе, не законченной на момент написания данной книги, Эндерлайн указывает: «Многие наблюдатели считали, что немецкие банки будут меньше, чем другие страны, подвержены кризису. А вышло все наоборот. Немецкие банки в конечном итоге оказались среди наиболее пострадавших в континентальной Европе, хотя и находились в относительно благоприятных экономических условиях». Все полагали, что немецкие банкиры отличаются большей консервативностью и большей изолированностью от внешнего мира по сравнению, скажем, с французскими. А это было не так. «Раньше в немецкой банковской системе никогда не вводили никаких инноваций, — говорит Эндерлайн. — Вы отдавали деньги одной и той же компании, а компания платила вам проценты. Они перешли [буквально в одночасье] от этой практики к американскому образцу. Но не преуспели в этом».

То, что немцы делали с деньгами между 2003 и 2008 гг., было невозможно на территории Германии, поскольку здесь никто не захотел бы стать контрагентом во множестве бессмысленных сделок, которые провернули банки. Они потеряли крупные суммы во всем, к чему приложили руку, от американских низкокачественных кредитов до греческих правительственных облигаций. Действительно, одна из точек зрения на европейский долговой кризис — с точки зрения Греции — заключается в том, что он был детально спланирован правительством Германии по поручению немецких банков, которые стремились вернуть свои деньги, не привлекая внимание к своим истинным замыслам. Правительство

Германии дает деньги фонду спасения Европейского союза, чтобы тот смог дать деньги ирландскому правительству, чтобы ирландское правительство смогло дать деньги ирландским банкам, чтобы ирландские банки смогли погасить кредиты, взятые в немецких банках. «Они играют в бильярд, — говорит Эндерлайн. — Проще было бы дать немецкие деньги немецким банкам, а ирландским банкам позволить разориться». Вопрос, почему они этого не делают, остается открытым.

ДВАДЦАТИМИНУТНАЯ ПРОГУЛКА ОТ МИНИСТЕРСТВА финансов Германии до офиса председателя правления Commerzbank, одного из двух гигантских частных банков в Германии, отмечена официальными памятными местами: новый мемориал «Холокост», площадь которого в два с половиной раза превышает площадь американского посольства; возле него новая улица Ханна-Арендт-штрассе; указатели нового берлинского Музея еврейской культуры; Берлинский зоопарк, где после нескольких десятков лет отрицания, что никогда не относились дурно к евреям, власти недавно установили на Доме антилоп мемориальную доску в память об экспроприации в нацистские времена акций зоопарка, которым владели евреи. По пути вы также проходите мимо бункера Гитлера, но вы бы никогда не догадались, что он был здесь, поскольку над ним построили автостоянку, а маленькая пластинка, которая служит напоминанием о нем, хорошо замаскирована. Улицы Берлина оставляют ощущение замысловатой усыпальницы. Как будто история остановилась и распределила роли народам, а с немцев истребовала согласия вечно играть злодеев. В то же время чем меньше чувствуешь личную ответственность, тем легче выразить раскаяние в чем бы то ни было.

Вина выражается столь громко именно потому, что она уже перестала быть личной и потеряла остроту. Вряд ли кто-либо из оставшихся в живых несет ответственность за то, что здесь произошло: ответственность несут все. Но когда виноваты все, никто не виноват лично.

Во всяком случае, если бы какой-нибудь марсианин высадился на улице Берлина, ничего не зная о его истории, он мог бы задуматься: а что это за люди, которых называют «евреи», и как случилось, что они стали управлять этой страной? Но в Германии нет евреев, а если и есть, то мало. «Немцы совсем не видят евреев, — говорит Гари Смит, директор Американской академии в Берлине. — Для них евреи нереальны. Если они вспоминают о евреях, то лишь как о жертвах». Чем сильнее отдаляются немцы от своих жертв, тем истовее чтят их память. Естественно, никакой немец в здравом уме не захочет вдаваться в воспоминания обо всех ужасных преступлениях, которые совершил его предок, и вместе с тем есть свидетельства, включая мемориалы, в пользу того, что они и дальше будут развивать это направление. Один мой хороший приятель, еврей, семью которого выгнали из Германии в 1930-х гг., недавно ходил в немецкое консульство в Соединенных Штатах, чтобы подать заявление о выдаче паспорта. У него уже был один европейский паспорт, но его тревожила мысль о том, что Европейский союз может со временем распасться, и он на всякий случай хотел обеспечить себе доступ в Германию. Ответственный сотрудник консульства — ариец из отдела подбора актеров, одетый в жилет из коллекции «Звуки музыки», — вручил ему экземпляр памфлета, озаглавленного «Жизнь еврея в современной Германии» (*A Jew's Life in Modern Germany*).

— Не возражаете, если я сделаю снимок? — спросил он моего приятеля после оформления заявления на паспорт.

— Нет проблем, — ответил приятель.

— Можно сфотографировать вас на фоне флага? — спросил сотрудник.

Мой приятель уставился на немецкий флаг. «А это для чего?» — спросил он.

— Для нашего веб-сайта, — объяснил немецкий сотрудник, добавив, что правительство рассчитывало разместить это фото в Интернете и сопроводить надписью: *«Этот человек — потомок переживших Холокост, и он решил вернуться в Германию».*

COMMERZ BANK СТАЛ первым частным банком, который немецкое правительство спасло во время финансового кризиса вливанием \$25 млрд, но не это послужило причиной моего внимания к нему. Однажды вечером, прогуливаясь по Франкфурту с немецким финансистом, я заметил силуэт здания Commerzbank на фоне неба. В Германии есть закон, запрещающий строить здания выше 20 этажей, но Франкфурт допускает исключения. Небоскреб Коммерцбанк-Тауэр имеет 53 этажа и необычную форму: он напоминает гигантский трон. Верхняя часть здания, подлокотники трона, скорее декоративна, чем функциональна. Немецкий финансист, который был частым посетителем банка, отметил интересную деталь: стеклянную комнату наверху с видом на Франкфурт. Это мужской туалет. Сотрудники Commerzbank приводили его туда, чтобы показать, как на виду у всех он может надеться на Deutsche Bank.

Глава Commerzbank Клаус-Петер Мюллер работает в Берлине, в еще одном весьма примечательном для Германии

месте. Его офис располагается рядом с Бранденбургскими воротами. Раньше Берлинская стена проходила примерно через то место, где сейчас середина здания. Одна сторона здания некогда была зоной стрельбы на поражение для пограничников ГДР, а на фоне другой Рональд Рейган произносил свою знаменитую речь. («Г-н Горбачев, откройте эти ворота. Г-н Горбачев, снесите эту стену!») Глядя на него, никогда не скажешь, что так могло быть. «После разрушения стены нам предложили выкупить это здание, так как оно принадлежало нам до войны, — говорит Мюллер. — Но при условии, что мы вернем ему первоначальный вид. Все приходилось делать *вручную*». Он показывает на старинные по виду медные дверные ручки и окна. За последние пару десятков лет во всей Германии постепенно, камень за камнем, отреставрировали центры городов, полностью разрушенные во время Второй мировой войны. Правительство Германии согласилось выделить огромную сумму на восстановление Берлинского городского дворца, старинного королевского дворца, который сровняли с землей в 1950-х гг. по указанию восточногерманских властей, с тем чтобы он выглядел точно так же, как на довоенных фотографиях. Если эта тенденция сохранится, то когда-нибудь Германия совсем не будет напоминать внешне об ужасных событиях прошлого, обо всем *ужасном*, что там произошло. «Не спрашивайте меня, во что это обошлось», — говорит глава банка и смеется.

Затем он дает мне тот же обзор немецких банков, который я услышу от полдюжины других рассказчиков. В Германии, в отличие от Америки, банки в основном не частные. Большинство банков либо полностью субсидируются государством, либо представляют собой небольшие

сберегательные кооперативы. Основанные в 1870-е гг. Commerzbank, Dresdner Bank и Deutsche Bank являются единственными крупными частными банками Германии. В 2009 г. Commerzbank купил Dresdner. Оказалось, что оба банка обременены проблемными активами, поэтому объединенный банк нуждался в государственной помощи. «Мы не та нация, которая торгует за свой счет», — говорит Мюллер, который довольно быстро доходит до сути банковский проблем Германии. Немецкие банки никогда не помышляли о рискованных делах. Банковское дело, осуществляемое на немецкий манер, олицетворяет не столько свободное предпринимательство, сколько коммунальное предприятие. «С какой стати платить 20 млн 32-летнему трейдеру? — задает Мюллер риторический вопрос. — Он пользуется офисными площадями, информационными технологиями, визитной карточкой с именем перwokлассной компании. Если я заберу у него визитку, парню, возможно, останется только торговать хот-догами». Этот человек представляет собой эквивалент главы таких банков, как Bank of America или Citigroup. И он решительно возражает против утверждения, что банкиры должны зарабатывать огромные суммы.

Вдобавок он рассказывает мне, почему текущий финансовый кризис так изменил точку зрения немецкого банкира на финансовую сферу. В начале 1970-х, когда он пришел в Commerzbank, банк открыл первое за всю историю отделение немецкого банка в Нью-Йорке, и он пошел туда работать. У него немного затуманиваются глаза, когда он рассказывает истории об американцах, с которыми тогда занимался бизнесом. Одна из историй повествует об американском инвестиционном банкире, который по оплошности сорвал сделку

с ним. Так вот, тот находит его и вручает конверт с 75 штука-ми баксов со словами, что у него не было намерения на-греть немецкий банк на этой сделке. «Вы должны понять, — многозначительно говорит он, — как тогда формировалось мое мнение об американцах». Но за последние несколько лет, добавляет он, это мнение изменилось. Я чувствую его ощущение потери.

— Сколько вы потеряли на низкокачественных креди-тах? — спрашиваю я.

— Не скажу, — отвечает он.

Он смеется, потом продолжает: «За 40 лет мы ни на чем не потеряли ни единого пенни и имели рейтинг самого на-дежного финансового института. Мы перестали формиро-вать портфель низкокачественных кредитов в 2006 г. Я начал подозревать, что с вашим рынком происходит что-то не то. Но я не предполагал, что он окончательно рухнет». Он по-молчал. «Для меня это было открытием. Я верил, что в Нью-Йорке самый лучший контроль над банковской системой. Я считал работу Федеральной резервной системы и Комис-сии по ценным бумагам и биржам непревзойденной. Я ни-когда бы не подумал, что инвестиционные банкиры в элек-тронной переписке будут говорить, что они продают...» Снова наступает пауза. Он решает, что не следует говорить «дерьмо» и заканчивает словом «грязь». «По большому счету, для меня это стало самым большим разочарованием в про-фессиональной сфере, — говорит он. — Слишком проамер-икански я был настроен. И у меня был определенный на-бор американских ценностей».

Если глобальная финансовая система и была предназна-чена для сближения заемщиков и кредиторов, то за последние

несколько десятков лет она тоже претерпела изменения, став инструментом максимального роста столкновений между сильными и слабыми и пособником эксплуатации одних другими. Чрезвычайно находчивые трейдеры из инвестиционных банков с Уолл-стрит придумывают крайне нечестные, дьявольски сложные инструменты и отправляют своих торговых агентов прочесывать мир в надежде выискать какого-нибудь идиота, который согласится купить их. В годы бума безумное число таких идиотов отыскалось в Германии. Как сообщил мне Аарон Кирхфельд, репортер новостного агентства Bloomberg News во Франкфурте: «Бывало, разговариваешь с инвестиционным банкиром из Нью-Йорка, и он говорит: “Никто ни в жизнь не купит эту хрень. Ой. Подождите. Landesbanks купит!”» Когда банк Morgan Stanley сконструировал чрезвычайно сложные дефолтные свопы так, чтобы обеспечить им стопроцентный провал и дать указание своим трейдерам ставить против них, покупателем оказался немец. Когда Goldman Sachs помог управляющему нью-йоркского хедж-фонда Джону Полсону создать провальную облигацию, чтобы ставить против нее, покупателем с той стороны оказался немецкий банк ИКВ. ИКВ, так же как и другой знаменитый дурак за покерным столом на Уолл-стрит, WestLB, находится в Дюссельдорфе — вот почему, спрашивая где-то в июне 2007 г. хитроумного трейдера по низкокачественным ипотечным облигациям с Уолл-стрит о том, кто все еще покупает его хрень, можно было получить простой ответ: «Глупые немцы из Дюссельдорфа».

ДОРОГА ИЗ БЕРЛИНА В ДЮССЕЛЬДОРФ занимает больше времени, чем следует. Огромные отрезки трассы забиты легковыми

и грузовыми автомобилями. Немецкая пробка — необычное зрелище: никто не сигналиит, никто не переходит на другую полосу в поисках небольшого, иллюзорного преимущества, и все грузовики, как полагается, едут строго по правой полосе. Вид блестящих BMW и Mercedes-Benz в левом ряду и безукоризненно чистых грузовиков, аккуратно выстроившихся в ряд в правом, просто доставляет удовольствие. Поскольку каждый водитель в пробке соблюдает правила и того же ожидает от других, легковые и грузовые машины передвигаются с оптимальной для создавшихся условий скоростью. Но симпатичная молодая немка за рулем нашего автомобиля не получает от этого никакого удовольствия. При виде бесконечной череды стоп-сигналов впереди Шарлотта начинает раздражаться и охать. «Больше всего на свете ненавижу торчать в пробке», — произносит она извиняющимся тоном.

Шарлотта достает из сумки немецкий перевод книги Алана Дандеса. Я ее раньше спрашивал о заголовке. Она объясняет, что в немецком языке есть выражение, которое переводится как «лизни мою задницу». Ответом на это сердечное приветствие будет: «Сперва ты лизни мою». В немецком варианте книга Дандеса называется «Сперва ты лизни мою» (You Lick Mine First). «У нас все поймут это название, — говорит она. — Но что касается самой книги, тут я не знаю».

Я не приезжал в Германию надолго с тех пор, когда мне было 17 лет. Я тогда путешествовал по стране с двумя друзьями, велосипедом и немецким разговорником. В голове моей звучала немецкая песня о любви, которой научила меня одна американка немецкого происхождения. Не везде знают английский язык, поэтому имело смысл предположить, что они не говорят по-английски, и воспользоваться тем багажом

немецкого, который имеется, — обычно та самая любовная песня. В этой же поездке я решил, что мне понадобится переводчик. Я не знал, что немцы прилежно долбят английский. Казалось, все население училось по методу полного погружения Берлица. А на планете Деньги, даже в Германии, английский является официальным языком. Например, этот язык используется на всех встречах в Европейском центробанке, несмотря на то, что ЕЦБ находится в Германии, а единственной страной Евросоюза, в которой английский язык считается, хотя это и спорно, родным, является Ирландия.

Через друзей я вышел на Шарлотту, приятную, высокоэрудированную женщину 20 с небольшим лет, которая обладала на удивление стальной выдержкой — интересно, много ли найдется приятных молодых женщин, способных произнести «лизни мою задницу» без тени смущения? Она говорила на семи языках, включая китайский и польский, и заканчивала работу над магистерской диссертацией на тему «Межкультурное непонимание», которая просто призвана стать областью пристального внимания в Европе. Я поздно понял, что ее переводческие услуги мне не понадобятся, поэтому она стала моим водителем. Она была бы чересчур хорошим переводчиком для меня, но использовать ее в качестве шофера было вообще нелепо. Однако она приняла эту работу с энтузиазмом и даже разыскала для меня старый перевод книжки Дандеса на немецкий. И он ее всполошил. Для начала Шарлотта отказывалась верить в существование такой вещи, как немецкий национальный характер. «У нас никто больше в это не верит, — говорит она. — Как можно обобщенно судить о 80 млн человек? Вы можете сказать, что все они одинаковые, но с какой стати им быть одинаковыми?»

Что касается анальной мании немцев, то как, скажите, могла она распространиться? И откуда взялась?» Вообще-то Дандес и сам попытался дать ответ на этот вопрос. Он предположил, что в основе повышенного внимания к анальной зоне лежит необычный способ пеленания у немецких матерей, которые надолго оставляли младенцев лежать в собственных экскрементах. Шарлотте это объяснение показалось неубедительным. «Никогда не слышала об этом», — говорит она.

Но как раз в этот момент она что-то замечает, и взгляд ее просветляется. «Смотрите! — говорит она. — Немецкий флаг». Действительно, в деревне далеко впереди висит флаг над маленьким домом. Вы можете разъезжать по Германии несколько дней, но не увидите ни одного флага. Немцам не разрешается болеть за свою команду так, как это делают другие. Это не означает, что им этого не хочется, просто они должны скрывать свои чувства. «Патриотизм, — объясняет она, — все еще табу. Говорить “я горжусь тем, что я немец” политически некорректно».

Но вот пробка рассасывается, и мы снова летим по направлению к Дюссельдорфу. Дорога отличная, и она разгоняет взятый в аренду BMW до 210 км в час.

— Очень хорошая дорога, — говорю я.

— Ее построили нацисты, — отвечает она. — Именно это говорят о Гитлере, когда надоедает говорить то, что обычно принято. Что ж, по крайней мере он построил хорошие дороги.

ЕЩЕ В ФЕВРАЛЕ 2004 Г. ФИНАНСОВЫЙ аналитик из Лондона по имени Николас Данбар опубликовал сенсационный материал о немцах из Дюссельдорфа, которые работали в банке ИКВ и затеяли

нечто новое. «Название ИКВ постоянно мелькало в Лондоне благодаря продавцам облигаций, — говорит Данбар. — Банк воспринимался как тайная дойная корова». В крупных фирмах с Уолл-стрит были сотрудники, в обязанности которых входило получение кучи денег и ублажение клиентов из Дюссельдорфа, когда те приезжали в Лондон.

Рассказ Данбара, в котором он описывал, как малоизвестный немецкий банк стремительно превращался в крупнейшего клиента Уолл-стрит, был напечатан в журнале *Risk*. Банк ИКВ, который был создан в 1924 г. с целью секьюритизации платежей по репарациям государствам — членам антифашистской коалиции, впоследствии превратился в успешного кредитора, клиентами которого были немецкие компании средней руки, а потом начал превращаться в нечто иное. Частично банком владел Немецкий государственный банк, но у самого ИКВ не было правительственных гарантий. Это было частное немецкое финансовое предприятие, которое, судя по всему, шло в гору. И вот они берут на работу человека по имени Дирк Ретиг, немца с опытом работы в Соединенных Штатах (он работал в *State Street Bank*), для развития новых, интересных начинаний.

С помощью Ретига ИКВ создал некое подобие банка под названием *Rhineland Funding*, который был учрежден в Делавэре и котирировался на бирже в Дублине. Они не называли это банком. Если бы его назвали банком, у них могли бы поинтересоваться, почему он не подлежал банковскому регулированию. Они называли его «кондуитом» — преимущество этого слова заключалось в том, что никто толком не знал его значения. *Rhineland* заимствовал деньги на короткий срок, выпуская так называемые коммерческие бумаги. На вырученные

деньги он покупал долгосрочные «структурированные кредиты», которые на деле были эвфемизмом для облигаций, обеспеченных американскими потребительскими кредитами. Многие из инвестиционных банков с Уолл-стрит, которые привлекали деньги для Rhineland (продавая его коммерческие бумаги), продавали Rhineland облигации, обеспеченные американскими потребительскими кредитами. Прибыли Rhineland складывались из разницы между процентной ставкой за кредит и более высокой процентной ставкой по средствам, которые они предоставляли займы путем покупки облигаций. Поскольку все предприятие было гарантировано ИКВ, агентство Moody's присвоило Rhineland самый высокий рейтинг, что помогло банку Rhineland получать дешевое финансирование.

Немцы из Дюссельдорфа выполняли одну критически важную работу: консультировали это офшорное предприятие относительно облигаций, которые ему следует покупать. «Мы меньше всего стремимся отдавать деньги Rhineland на сторону, — поведал Ретиг журналу *Risk*, — но тем не менее наша компетентность позволяет получать прибыль». Далее Ретиг объяснил, что ИКВ инвестировал в специальные инструменты для анализа сложных облигаций, называемых облигациями, обеспеченными долговыми обязательствами (CDO), которые в то время навязывали дельцы с Уолл-стрит. «Я бы сказал, что это стоящее вложение, потому что пока убытков у нас не было», — сказал он. В феврале 2004 г. все это представлялось хорошей идеей — настолько хорошей, что многие другие немецкие банки даже последовали примеру ИКВ и либо брали в аренду кондуит ИКВ, либо создавали собственные офшорные фирмы для покупки низкокачественных ипотечных

облигаций. «Похоже, это довольно выгодная стратегия», — сказал журналу *Risk* представитель агентства Moody's, который присвоил коммерческим бумагам банка Rhineland самый высокий рейтинг AAA.

Я встретился с Дирком Ретигом за обедом в ресторане на берегу канала, в оживленном торговом центре Дюссельдорфа. Сумма объявленных убытков, которые эта выгодная стратегия принесла ИКВ, составила примерно \$15 млрд, хотя их реальные убытки, вероятно, были еще больше, так как немецкие банки не спешат что-либо объявлять. Себя Ретиг считал, и не без основания, скорее жертвой, чем злоумышленником. «Я ушел из банка в декабре 2005 г.», — спешно добавляет он, протискиваясь в узкий кабинет. Потом объясняет.

Идея учреждения офшорного банка принадлежала ему. По его словам, немецкое руководство ИКВ ухватилось за нее, «как ребенок за конфету». Он создал банк в то время, когда владельцы облигаций получали более высокую доходность: банку Rhineland Funding хорошо платили за риск. Поскольку финансовые рынки не желали замечать тучу на горизонте, к середине 2005 г. цена риска резко упала, и, соответственно, упала доходность облигаций, обеспеченных американскими потребительскими кредитами. По словам Ретига, он пошел к начальству и сказал, что, если им стали платить гораздо меньше за риск по этим облигациям, ИКВ следует искать другие пути получения прибыли. «Но они наметили себе сумму прибыли и хотели получить ее. Чтобы получить ту же самую прибыль при более узком распределении риска, они попросту должны были покупать больше облигаций», — говорит он. Руководство, добавляет он, не желало его слушать. «Я показал им, что рынок разворачивается, — говорит он. — Но все это

выглядело так, словно я отнимал у ребенка конфетку. Я стал врагом». Когда он ушел, за ним последовали многие другие, и штат инвестиционных сотрудников сократился, но инвестиционная деятельность резко активизировалась. «Половина оставшихся сотрудников, обладающая примерно третью опыта, удвоила инвестиции, — говорит он. — Им приказывали покупать».

Ретиг продолжает описывать то, что выглядело как скрупулезно продуманная и сложная инвестиционная политика, а на деле оказалось бессмысленной, основанной на правилах стратегией. «ИКВ мог оценить CDO с точностью до одного базисного пункта», — сообщил один восторженный наблюдатель журналу *Risk* в 2004 г. Однако это было бессмысленно. «Они, например, с мелочной дотошностью выясняли, под кредиты какого низкогокачественного эмитента выпущены эти CDO, — говорит Николас Данбар. — Они предпочитали не связываться с кредитами First Franklin, но принимали Countrywide. А разницы не было никакой. Они спорили об облигациях, которые впоследствии упали со 100% [номинал] до 2–3% [от номинала]. Все, что они делали, это покупали облигации, которые падали до трех, а не до двух». Если облигации, которые предлагали фирмы с Уолл-стрит, удовлетворяли правилам, установленным экспертами ИКВ, они тут же без дополнительной проверки отправлялись в портфель Rhineland Funding. А облигации становились все более рискованными, потому что кредиты в их основе становились все более и более безумными. По словам Ретига, после его ухода в ИКВ осталось только пять инвестиционных специалистов, причем все моложе 30 и у всех лишь по паре лет опыта. И эта молодежь была одной из сторон

сделок, искусно выстроенных Goldman Sachs для торговли за свой счет, а также другими крупными фирмами с Уолл-стрит — для чрезвычайно умных хедж-фондов, которые собирались играть против рынка низкокачественных облигаций. Согласно Ретигу, портфель ИКВ вырос с \$10 млрд в 2005 г. до \$20 млрд в 2007 г., «и рос бы дальше, но им не хватило времени. Они продолжали покупать, даже когда рынок рухнул. Они хотели дойти до \$30 млрд».

К середине 2007 г. уже не только Goldman Sachs, но и все другие фирмы на Уолл-стрит осознали, что рынку низкокачественных ценных бумаг скоро придет конец, и лихорадочно пытались избавиться от своих позиций. Последними покупателями *во всем мире*, как сообщили мне финансисты с Уолл-стрит, были эти сознательно игнорирующие реальность немцы. Иными словами, единственное, что удержало ИКВ от потери свыше \$15 млрд на американских низкокачественных кредитах, — прекращение функционирования рынка. Никакие основания, будь то факты или информация, не могли поколебать их убежденности в правильности своего подхода к вложению денежных средств.

На первый взгляд, немецкие трейдеры по облигациям в ИКВ были похожи на безумцев, которые делали глупые ставки на Citigroup, Merrill Lynch и Morgan Stanley. На самом же деле они вели совершенно иную игру. Американские трейдеры на рынке облигаций, вероятно, потопили свои фирмы из-за того, что закрывали глаза на риски, присущие низкокачественным облигациям, но попутно они сколотили себе состояние, и к ответу их, по большей части, не призывали. Им платили за то, что они подвергали свои фирмы риску, и поэтому трудно сказать, делали ли они это намеренно

или нет. Немецким трейдерам по облигациям платили примерно по \$100 000 в год плюс бонус максимум \$50 000. Как правило, немецким банкирам платили гроши за принятие риска, который потопил их банки, и это убедительно доказывает, что они действительно не ведали, что творят. Но — странная вещь — в отличие от американских банкиров, немецкая общественность считает их мошенниками. Бывший генеральный директор ИКВ Штефан Ортзайфен был приговорен к тюремному заключению (условно), и банк потребовал от него вернуть зарплату в размере €805 000.

У Дирка Ретига была возможность вблизи наблюдать не только деятельность ИКВ, но и поведение его подражателей, группу немецких государственных банков Landesbanks. И, по его мнению, в современной финансовой системе существует коварная граница между англо-американскими и немецкими банкирами. «Довольно сильно ощущалось межкультурное непонимание, — говорит он, с увлечением принимаясь за омара. — Этих банкиров никогда не баловали продавцы с Уолл-стрит. А тут появляется некто с платиновой кредиткой American Express, и этот господин может пригласить их на Гран-при в Монако и в другие подобные места. Он ничем не ограничен. Банкиры из Landesbanks были самыми неинтересными в Германии и никогда не пользовались таким вниманием. И вдруг появляется один умник из Merrill Lynch и начинает обхаживать их. Они подумали: “О, да мы ему нравимся!”» Затем заканчивает мысль: «Американские торговцы куда хитрее европейских. Они очень хорошие актеры».

В сущности, по словам Ретига, немцы исключали возможность того, что американцы играют не совсем по официальным правилам. Немцы понимали правила буквально: они

изучали историю облигаций с рейтингом AAA и принимали на веру официальную версию о том, что облигации с рейтингом AAA абсолютно безрисковые.

Такое исключительное почитание правил практически ради самих правил пронизывает немецкую финансовую систему, как и всю жизнь в Германии. Оказывается, стало известно о том, как в июне 2007 г., как раз накануне краха, немецкая перестраховочная компания Munich Re организовала прием в честь своих лучших клиентов. Хозяева предлагали не только куриный ужин и соревнования по гольфу на ближайший к лунке удар, но и кутеж с проститутками в бане. Конечно, в финансовых кругах, как среди крупных, так и мелких игроков, такая вещь не редкость. Удивительно было то, как немцы организовали это мероприятие. Проституток поместили белыми, желтыми и красными лентами, чтобы знать, кому какая предназначена. После каждого полового акта жрице любви ставили на руку печать, дабы все знали, сколько раз ею пользовались. Немцам нужны были не просто проститутки: они хотели, чтобы все шло *по правилам*.

Возможно, из-за своей безмерной любви к официальным финансовым правилам немцы особенно сильно западали на ложную идею, которую эти правила породили: что существует такая вещь, как безрисковый актив. В конце концов, рейтинг AAA предполагал «безрисковый актив». Однако такой вещи, как безрисковый актив, не существует. Актив потому и приносит доход, что несет риск. Но идея безрискового актива, пик популярности которой приходится приблизительно на конец 2006 г., захватила инвестиционный мир, и сильнее всего клюнули на эту удочку немцы. Я тоже об этом слышал — от сотрудников фирм с Уолл-стрит,

которые имели дело с немецкими покупателями облигаций. «Все дело в немецком менталитете, — сказал мне один из них. — Они говорят: “Я проверил, они удовлетворяют всем требованиям. Риска нет”. Форма ставилась выше содержания. Вы работаете с немцами, а они — как бы получше выразиться — не ладят с риском от природы. Они генетически предрасположены к тому, чтобы все испортить». Если облигация внешне выглядела чистой, немцы позволяли ей испачкаться внутри до такой степени, до какой сумела это сделать Уолл-стрит.

Теперь Ретиг хочет подчеркнуть: то, что было внутри, *не имеет значения*. ИКВ нужно было спасти, что и было сделано государственным банком 28 июля 2007 г. При капитале примерно в \$4 млрд он потерял более \$15 млрд. Когда он потерпел крах, немецкие СМИ захотели узнать, сколько американских низкокачественных облигаций нахватали эти немецкие банкиры. Генеральный директор ИКВ Штефан Ортзайфен публично заявил, что ИКВ практически не держал никакие низкокачественные облигации — за что, собственно, и был обвинен во введении инвесторов в заблуждение. «Он сказал правду, — говорит Ретиг. — Он думал, что не держал низкокачественных бумаг. Они не могли дать точных цифр по низкокачественным облигациям, потому что сами их не знали. Системы мониторинга ИКВ не различали низкокачественные и качественные ипотечные продукты. Вот поэтому так все и произошло». По словам Ретига, еще в 2005 г. он предлагал построить систему для более точного выяснения, какие кредиты стоят за сложными облигациями, которые они покупали у фирм с Уолл-стрит, но руководство ИКВ не хотело тратить на это деньги. «Я сказал им: “У вас есть

портфель на \$20 млрд, вы делаете по \$200 млн в год, а мне отказываете в \$6,5 млн". Но они все равно отказались».

В ТРЕТИЙ РАЗ ЗА ВСЕ это время мы пересекаем незримую границу и в течение 20 минут пытаемся понять, где находимся: в Восточной или Западной Германии. Шарлотта родилась и выросла в восточногерманском городе Лейпциге, но, как и я, не знает, на какой мы сейчас территории. «Теперь это трудно понять, можно только спросить кого-нибудь, — говорит она. — Им нужно поставить указатель». Территория, некогда изуродованная траншеями, колючей проволокой и минными полями, выглядит теперь как слабо пересеченная местность. По крайней мере снаружи все идеально чисто. Где-то поблизости от этой бывшей границы мы останавливаемся на заправке. Три колонки стоят в узком туннеле: невозможно ни маневрировать, ни разминуться с другим автомобилем. Трем водителям приходится одновременно наполнять баки и одновременно выезжать, стоит одному замешкаться, остальным придется его ждать. Никто из водителей не мешкает. Немецкие водители обслуживают свои автомобили с ловкостью механиков «Формулы-1». Именно из-за архаичности сооружения Шарлотта решает, что мы, должно быть, еще в Западной Германии. «В Восточной Германии вы уже не увидите таких бензоколонок, — говорит она. — В Восточной Германии все новое. Она также утверждает, что может по внешнему виду определить, из какой части Германии тот или иной человек, особенно если это мужчина. «Западные немцы *намного* более гордые люди. Они стоят прямо. Восточные немцы более склонны к сутулости. Западные немцы считают восточных ленивыми».

- Восточные немцы — это греки в Германии, — говорю я.
- Осторожнее, — отвечает она.

Из Дюссельдорфа мы едем в Лейпциг и там садимся на поезд, который везет нас до Гамбурга, где мы собираемся посмотреть борьбу в грязи. По пути она развлекает меня поиском фекальных признаков в родном языке. «Kackwurst — это фекалии, — произносит она скрепя сердце. — Буквально это переводится как “колбаска из дерьма”». И это ужасно. Когда я вижу колбаски, не могу думать ни о чем другом». Она на минуту задумывается. «Bescheissen означает “обосрать”, Klugscheisser — “умник сраный”».

— Если у вас много денег, — продолжает она, — про вас говорят, что вы Geldscheisser, т. е. “срете деньгами”. Она вспоминает еще несколько примеров на эту тему и поражается их обилию, затем произносит: «А если вы оказались в плачевном состоянии, то говорите: “Die Kacke ist am dampfen”, т. е. “я в полном дерьме”». Она останавливается, понимая, что подбрасывает доводы в пользу теории немецкого национального характера.

- Это же просто слова, — говорит она.
- Конечно, — отвечаю я.
- Это еще ничего не значит.

За Гамбургом мы останавливаемся пообедать на ферме, владельца которой зовут Вильгельм Неллинг. Он немецкий экономист, ему за 70, но прыть как у молодого. У него точные черты лица и серебристая седина аристократа, а вот голосовые связки как у фаната с задних рядов. «Греки хотят, чтобы мы платили за их обед, — рокошет он, показывая мне свой козий загон. — Вот почему они устраивают беспорядки на улицах! Бааа!» В то время, когда обсуждалась идея перейти

на евро, Неллинг был управляющим Bundesbank. Когда дискуссия вышла на серьезный уровень, он стал резко выступать (и выступает по сей день) против евро. Он написал мрачный памфлет под названием «Прощай, немецкая марка?» (Goodbye to the Deutsche Mark?), затем еще один, более декларативный, который назывался «Евро — путешествие в ад» (The Euro: A Journey to Hell). В попытке оспорить закономерность введения евро на конституционной основе он вместе с тремя другими известными немецкими экономистами и финансовыми лидерами возбудил судебное дело, которое до сих пор ходит по инстанциям. Как раз перед тем, как немецкую марку вывели из обращения, Неллинг пытался убедить Bundesbank, что им следует сохранить все банкноты. «Я сказал: “Не уничтожайте их в шредер!”» Теперь речь его наполняется пафосом, и он выскакивает из кресла в гостиной своего дома. «Я сказал: “Соберите их в связки и на всякий случай сохраните!”»

Он понимает, что слишком увлекся: ввязался в напрасное и бессмысленное дело. «Разве можно все вернуть? — говорит он. — Мы знаем, что не можем этого вернуть. Если они скажут: “Ну, хорошо, мы были неправы, вы были правы”, то что прикажете делать? Это вопрос на сто тысяч миллионов долларов». Он думает, что знает, что следует делать, но не думает, что немцы способны это сделать. Идея, которую он предложил вместе с другими инакомыслящими немецкими экономистами, заключается в том, чтобы разбить Европейский союз на две финансовые зоны. Один вид евро мог бы служить резервной валютой для таких стран-неплательщиков как Греция, Португалия, Испания, Италия и т. д. Основная валюта могла бы использоваться в «однородной группе стран,

т. е. стран, на которые можно положиться». Он перечисляет эти надежные страны: Германия, Австрия, Бельгия, Нидерланды, Финляндия и (он секунду колеблется) Франция.

— Вы уверены, что Франция входит в эту группу?

— Мы это обсуждали, — говорит он серьезно. Они решили, что Францию нельзя исключать как весомого члена сообщества. Иначе возникла бы весьма неловкая ситуация.

Говорят, что, когда он председательствовал на переговорах по Маастрихтскому договору, который предусматривал введение евро, премьер-министр Франции Франсуа Миттеран в личной беседе обмолвился, что впрягать таким образом Германию в ярмо с остальной Европой означает нарушить равновесие, а несбалансированность неизбежно приведет к кризису, но к тому времени, как кризис разразится, его уже не будет, и разбираться с ним придется другим. Даже если Миттеран говорил не этими самыми словами, он вполне мог такое сказать, потому что думал именно так. В то время многим, и не только руководству Bundesbank, было очевидно, что эти страны не одного поля ягода.

Но как тогда такие, казалось бы, умные, успешные, честные и организованные люди, как немцы, позволили втянуть себя в такую скверную историю? В своих финансовых делах они скрупулезно, пункт за пунктом проверяли содержимое на тухлинку, но тем не менее оставили без внимания доносившийся оттуда тлетворный дух. Неллинг чувствовал, что проблема уходит корнями в немецкий национальный характер. «Мы присоединились к Маастрихтскому договору, потому что у них были эти *правила*, — говорит он, когда мы идем в кухню, где я вижу тарелки, наполненные белой спаржей — гордость немцев, которым удалось ее вырастить. «Нас

вовлекли в это дело обманным путем. Немцы в большинстве люди доверчивые. Они доверяют и верят. Им *нравится* доверять. Им *нравится* верить».

Если у заместителя министра финансов на стене висит напоминание о том, что он должен понимать точку зрения других, то вот вам возможное объяснение этому. Другие ведут себя не так, как немцы: другие *лгут*. В этом финансовом мире, обители лжи, немцы выглядят как аборигены на заповедном острове, не привитые против болезни, которую приносят туристы. Они руководствовались одними и теми же инстинктами, доверяя дельцам с Уолл-стрит, когда те продавали им облигации, или французам, когда те обещали, что им не потребуется финансовая помощь, или грекам, когда те клялись, что их бюджет сбалансирован. Такова одна из теорий. Другая теория объясняет легкоеверие немцев тем, что их мало волновала цена ошибки, поскольку они получили определенные выгоды. Для немцев евро не просто валюта. Это средство, помогающее смыть прошлое. Это еще один мемориал «Холокост». И хотя общественное мнение Германии против помощи грекам, им благоприятствуют другие, более могучие силы.

В любом случае, если вы помешаны на чистоте и порядке, но втайне питаете слабость к грязи и хаосу, то непременно попадете в беду. Не бывает чистоты без грязи. Не бывает непорочности без порока. Интерес к одному предполагает интерес к другому. Молоденькая немка, которая возила меня по Германии, не проявляет интереса ни к тому, ни к другому, и трудно сказать, чем она является — исключением или новым правилом. Однако, послушная долгу, она смело идет в самый большой в мире район красных фонарей

и выпрашивает у множества сомнительного вида немецких мужчин, где можно посмотреть женскую борьбу в грязи. Она и теперь продолжает искать новые, удивительные примеры того, как немцы находят смысл в непристойности. «Scheisse glänzt nicht, wenn man sie poliert — дерьмо не заблестит, как его ни полируй», — изрекает она, когда мы проходим мимо клуба Funky Pussy. «Scheissegal — мне на это насрать, — смеется она. — Это оксюморон в Германии, да?»

Ночь молода, и Репербан всю гуляет: такой массовки я еще в Германии не видел. Лоточники стоят у секс-клубов и высматривают в толпе потенциальных покупателей. Почти привлекательные женщины подзывают кивками явно заинтересованных мужчин. Мы несколько раз проходим мимо одного фирменного логотипа с контурными человечками, занимающимися анальным сексом. Шарлотта замечает его и вспоминает, как немецкую группу Rammstein арестовали в Соединенных Штатах за имитацию секса на сцене при исполнении песни «Vück Dich» («Нагнись»). И продолжает расспросы, где найти грязь. Наконец она получает точный ответ от одного немца, который работает здесь не один десяток лет. «Зрелище закрыли несколько лет назад, — говорит он. — Уж больно дорогое было».

ГЛАВА V

СЛИШКОМ ТОЛСТЫЙ, ЧТОБЫ ЛЕТАТЬ

Пятого августа 2011 г., вскоре после снижения кредитного рейтинга американского правительства (впервые за всю историю США), спрос на казначейские облигации Соединенных Штатов резко вырос. Через четыре дня процентные ставки, выплачиваемые американским правительством по новым 10-летним облигациям, упали до рекордного уровня — 2,04%. Цена на золото поднялась аналогично цене казначейских облигаций, а цены практически всех акций и облигаций в богатых западных странах начали свободное падение. Конечным результатом высказывания крупнейшего американского рейтингового агентства насчет того, что у правительства США теперь меньше возможностей погасить долги, стало снижение стоимости заимствований для американского правительства и повышение для всех остальных. Это многое говорит о способности правительства США жить не по средствам: на тот момент у него был карт-бланш. Чем более шатким казалось положение правительства Соединенных Штатов, до определенного момента в отдаленном будущем, тем дешевле для него становились заимствования. Оно еще не попало в тот порочный круг, который

угрожал финансовому состоянию европейских стран: малейшее сомнение ведет к повышению стоимости заимствования, что ведет к усилению сомнения и еще более значительному повышению стоимости, и так далее до тех пор, пока вы не окажетесь в положении Греции. Опасение, что Соединенные Штаты действительно не смогут вернуть занятые деньги, все-таки не имело под собой основы.

Девятнадцатого декабря 2010 г. новостная телевизионная программа 60 Minutes показала 30-минутную передачу о состоянии государственных и местных финансов в Соединенных Штатах. Корреспондент Стив Крофт брал интервью у частного аналитика с Уолл-стрит по имени Мередит Уитни, которая в 2007 г. в одночасье стала известной, когда правильно предположила, что убытки Citigroup от низкокачественных американских облигаций намного выше, чем можно себе представить, и предсказала, что банк будет вынужден снизить дивиденды. В ходе передачи было отмечено, что общий годовой дефицит городов и штатов Америки составляет примерно \$0,5 трлн и что недостает еще \$1,5 трлн для пенсионных выплат. Уитни подчеркнула, что эти цифры ненадежны и, вероятно, оптимистичны, так как штаты не предоставляли публике адекватной информации о финансах. Губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи согласился с ней и добавил: «Если на данном этапе дело обстоит еще хуже, то какая разница?» Американские штаты в таком долгу перед американскими пенсионерами, что нужную сумму им все равно не набрать. В конце передачи Крофт спросил Уитни, что она думает о возможностях и готовности американских штатов погасить долги. Она ответила, что у штатов нет реального риска дефолта, поскольку они могут спихнуть свои проблемы

на округа и города. Но на этих уровнях, где и проходит вся американская жизнь, по ее мнению, будут серьезные проблемы. «Можно ожидать от 50 до 100 крупных дефолтов, а то и больше», — сказала она. Минутой позже Крофт вернулся к этому вопросу и спросил, когда американцам следует начать волноваться о финансовом кризисе на муниципальном уровне. «Повод для волнений должен появиться в течение ближайших 12 месяцев», — сказала она.

Это пророчество оказалось самореализующимся: люди начали волноваться о муниципальном финансовом кризисе с той минуты, как слова вылетели из уст Уитни. На следующий день резко упал рынок муниципальных облигаций. Падение продолжалось на протяжении всего последующего месяца. Поскольку рынок так сильно упал, а прогноз Уитни получил такое широкое освещение, инвестиционные менеджеры, которые склонили клиентов к покупке муниципальных облигаций, почувствовали необходимость в привлечении дополнительных специалистов для анализа штатов и городов, с тем чтобы доказать ее неправоту. (Один из них назвал это «Закон о полной занятости Мередит Уитни, аналитика рынка муниципальных облигаций».) В финансовых кругах родился новый вид литературы, призванный убедить читателей в том, что Мередит Уитни не ведала, что говорила. Она была беззащитна перед такими обвинениями: до момента появления на передаче 60 Minutes она, насколько всем было известно, не имела никакого опыта в области американских муниципальных финансов. Многие статьи, содержащие критику в ее адрес, указывали, что она дала слишком конкретный прогноз (целых 100 дефолтов в течение года!), который не сбылся. (Пример заголовка *Bloomberg News*: МЕРЕДИТ

УИТНИ ТЕРЯЕТ ДОВЕРИЕ: КОЛИЧЕСТВО ДЕФОЛТОВ ПО МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБЛИГАЦИЯМ СОКРАТИЛОСЬ НА 60%.) Вихрь, поднятый кратковременной паникой на рынке, затянул каждого, кто имел хоть малейшее отношение к муниципальным финансам. Беспристрастный, сдержанный, здравомыслящий центр Center on Budget and Policy Priorities из Вашингтона даже выпустил заявление, где указывал, что создалось «ложное впечатление, что необходимо срочно принимать решительные меры во избежание неминуемого обвала финансового рынка». В новостях это прозвучало как ответ Мередит Уитни, поскольку она была единственным человеком в поле зрения, которого можно было обвинить в таком предсказании.

Но она говорила совсем не то: ее слова исказили, чтобы легче было подвергать нападкам смысл высказывания. «Она хотела сказать о самоуспокоенности рейтинговых агентств и инвестиционных консультантов, утверждавших, будто нет причин для беспокойства», — сказал представитель 60 Minutes, который специально для меня просмотрел запись интервью, чтобы убедиться в том, что я услышал именно так, как это следовало понимать. «Она говорит, что есть о чем беспокоиться и что это станет очевидно каждому в ближайшие 12 месяцев».

Как бы то ни было, Мередит нашла болевую точку американских финансов: опасение, что американские города не смогут вернуть занятых денег. Рынок муниципальных облигаций, в отличие от рынка облигаций американского правительства, отличался пугливостью. Американские города и штаты были восприимчивы к тем же превратностям судьбы, которые вынудили Грецию обратиться за помощью в МВФ.

Чтобы посеять сомнения и поднять стоимость заимствования для штатов и городов, оказалось достаточно было слов женщины, не имевшей авторитета на рынке муниципальных облигаций. Поразительный факт: она ничем не подкрепила свое утверждение. Ранее она написала объемный, подробный анализ финансового состояния штатов и муниципалитетов, но никто, кроме горстки ее клиентов, не имел понятия о его содержании. «Если бы я был по-настоящему мерзким парнем из хедж-фонда, — поделился со мной один менеджер хедж-фонда, — я бы развалился в кресле и сказал: “Это стадо скота, которое легко поддается панике”».

То, что Мередит Уитни пыталась рассказать, было интереснее того, в чем ее пытались обвинить. В действительности ее не очень сильно волновал рынок муниципальных облигаций или сколько городов могли обанкротиться. Рынок муниципальных облигаций — это унылое болото. Как она выразилась: «Кому интересен этот вонючий рынок муни-бондов?» Единственная причина, по которой ее занесло на этот рынок, была связана с попыткой рассмотреть национальную экономику США как совокупность региональных экономик. Для понимания региональных экономик ей необходимо было понять возможные линии поведения органов управления штатов и муниципалитетов, а чтобы это понять, ей пришлось разобраться с их финансами. И она целых два года изучала финансы штатов и местных образований. «Я не собиралась этого делать, — сказала она. — Никто из моих клиентов не просил об этом. Просто мне самой нужно было это понять. Все началось с вопроса: почему оценки ВВП такие высокие, когда штаты, которые во время бума опережали по показателям американскую экономику в целом, теперь отставали

от нее — а они составляли 22% этой экономики?» Это был хороший вопрос.

В 2002–2008 гг. долги штатов росли, как и долги их граждан: уровень задолженности штатов как группы почти удвоился, а расходы выросли на две трети. В то время также наблюдалось систематическое недофинансирование пенсионных планов и других будущих долговых обязательств на общую сумму около \$1,5 трлн. В то же время пенсионные средства, которые они отложили, были вложены в еще более рискованные активы. В 1980 г. только 23% пенсионных денег штатов были вложены в фондовый рынок; к 2008 г. этот показатель вырос до 60%. В довершение почти все пенсионные фонды утверждали, что смогут заработать 8% на вложенных деньгах, в то время как Федеральная резервная система обещала сохранить процентные ставки на нулевом уровне. Манипуляции с недофинансированными планами медицинского обслуживания, снижение федерального финансирования штатов и уменьшение налоговых поступлений в связи с ослаблением экономики — вот откуда такие дыры на триллионы долларов. Ликвидировать их можно было одним или двумя путями: резким сокращением финансирования публичных услуг или объявлением дефолта — или же тем и другим. Она считала дефолт маловероятным, по крайней мере на уровне штата, потому что штат может вытянуть деньги из городов и расплатиться по своим облигациям. Городам же придется особенно трудно. «Пугает то, что казначеи штатов не знают финансового состояния своих собственных муниципалитетов», — сказала она.

— Откуда вы знаете?

— Я их спрашивала!

Если штаты и создавались равными, то теперь они были в неравном положении. Те, что испытали сильнейший бум, теперь стояли перед лицом сильнейшего падения. «Как Соединенные Штаты выходят из кредитного кризиса? — задала себе вопрос Уитни. — Я была уверена — поскольку кредитный кризис проявился в регионах по-разному, — что страна выйдет из него с новыми сильными и слабыми регионами. Скорее всего, компании расцветут в более сильных штатах; люди пойдут туда, где есть рабочие места. В конечном счете люди последуют за компаниями». Она считала, что в стране могут появиться явные зоны финансовой устойчивости и зоны финансового кризиса. И чем яснее люди будут понимать различие между ними, тем сильнее будут трения между этими зонами. («Индиана скорее всего провозгласит: “Я ни при каких условиях не буду вытаскивать Нью-Джерси”».) Со временем, когда народ поймет, где есть серьезные финансовые трудности и где их нет, проблемы только усугубятся. «Те, у кого есть деньги и возможность сменить место жительства, переедут, — написала Уитни в своем докладе для клиентов с Уолл-стрит, — а те, у кого нет ни денег, ни возможности переехать, останутся и в конечном счете будут зависеть от федеральной и муниципальной помощи. Здесь мы фактически имеем дело с “трагедией общедоступности”».

Когда Мередит Уитни задумывала исследование, в ее задачу не входило предсказание дефолтов на рынке муниципальных облигаций. Она собиралась сравнить штаты между собой, чтобы их можно было ранжировать. Ей хотелось понять, кто в Америке мог бы сыграть роль греков, а кто — немцев. Кто был силен, а кто — слаб. В ходе исследования

она фактически раскопала самые ужасные в финансовом отношении места.

— И какой же штат ужаснее всего? — спросил я ее.

Она не думала и двух секунд.

— Калифорния.

РАННИМ ЛЕТНИМ УТРОМ, в семь часов, я ехал по взморью на горном велосипеде с титановой рамой (стоимостью \$5000), спешно взятом напрокат накануне вечером. Я направлялся в Санта-Монику, где Арнольд Шварценеггер назначил мне встречу. Он явился точно вовремя на черном автомобиле марки Cadillac SUV, к которому сзади были прикреплены несколько старых велосипедов-развалюх. Я постарался, чтобы моя одежда приблизительно напоминала костюм велосипедиста; на нем была зеленая толстовка, шорты и мягкие бежевые туфли наподобие домашних тапочек, что говорило и об удивительном равнодушии к собственной внешности, и об уверенности, что его мужественность от этого не пострадает. На волосах у него еще смутно угадывался след от подушки, а веки смыкались, хотя он уверял меня, что встал полтора часа назад и читал газеты. После чтения газет бывший губернатор Калифорнии часто ездит на велосипеде для укрепления сердечно-сосудистой системы, затем идет в тренажерный зал.

Он берет один из велосипедов, садится на него и вырывается на Оушен-авеню, где уже начинается интенсивное движение. Он не носит велосипедный шлем, не останавливается на красный свет, мчится мимо знака «ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН», как будто не замечая его, и выезжает на встречную полосу на улицах с односторонним движением. Когда он хочет пересечь три полосы при скоростном движении,

то даже не оглядывается, а просто вытягивает руку и едет в этом направлении, предполагая, что едущие сзади притормозят. У него на велосипеде как минимум 10 скоростей, но он использует лишь две: нулевую и работу педалями изо всех сил. Через полмили такой езды у него от ветра начали струиться слезы по щекам.

Он — один из самых узнаваемых людей в мире, но его, как видно, не волнует, что кто-то узнает его, да никто и не узнает. Возможно, люди, которые встали на рассвете, чтобы заняться бегом трусцой или спортивной ходьбой, покататься на роликовых коньках, слишком поглощены своим занятием и не могут выйти из транса. Или же его появление застает их врасплох. У него нет не то что свиты, но даже телохранителя. Его экономический консультант Дэвид Крейн и консультант по связям с общественностью Адам Мендельсон, которые присоединились к прогулке удовольствия ради, остались далеко позади. Любой обративший на него внимание мог бы подумать: «Этот парень похож на Арнольда, но он никак не может быть Арнольдом, потому что Арнольд никогда бы не поехал на велике один в 7.00 и не мчался бы как самоубийца». Реальный контакт с публикой происходит только тогда, когда он останавливается на красный свет. Говорящая по мобильному телефону женщина с детской коляской переходит улицу как раз перед ним и пристально смотрит на него. «О... Боже... мой, — выдыхает она в телефон. — Это же Билл Клинтон!» Она отходит метра на три, но продолжает говорить по телефону с видом человека, который не верит своим глазам: «Я здесь с Биллом Клинтоном».

— Это парень, у которого был сексуальный скандал, — говорит Арнольд, улыбаясь.

— Подожди... подожди, — говорит женщина в телефон. — Может, это и не Билл Клинтон.

Но прежде чем ей удастся правильно установить личность, загорается зеленый свет, и мы трогаемся с места.

Его жизнь — это серия тщательно инсценированных переживаний и мероприятий. В нем, однако, нет ничего наигранного. Он свеж, энергичен и способен на импровизацию: кажется, он и сам не знает, что сделает в следующий момент. Нельзя сказать, что он скромен — впрочем, я не уверен, что сам был бы скромным на его месте, хотя, возможно, притворялся бы таковым чаще, чем он, т. е. почти никогда. Что делает его непохожим на эгоцентриста, помимо природной любознательности, так это искреннее отсутствие интереса к собственному отражению в зеркале. Он живет так же, как ездит на велосипеде, обращая куда больше внимания на то, что впереди, чем на то, что позади. Будучи у власти, он не вел никаких дневников. Меня это удивляет, но он говорит, что не делал даже кратких записей на скорую руку, по которым впоследствии можно было бы воспроизвести события и впечатления о них. «Зачем мне это нужно? — говорит он. — Это все равно что вы приходите домой, а жена спрашивает, как прошел день. Я сделал это один раз и больше не хочу повторять». По окончании долгого дня губернаторства он захотел, например, позаниматься со штангой.

Мы проезжаем пару миль, и он резко поворачивает за угол и выезжает на узкую улочку сразу на выезде из Венис-Бич. Все это время он любезно отвечал на мои вопросы о том, каково ему было, когда в 1968 г. он впервые приехал в Америку почти без денег, с плохим английским, не имея практически ничего, кроме спинных, грудных, трапециевидных

и брюшных мышц, которые не пользовались особым спросом. Он останавливается возле высокой кирпичной стены. Она окружает некогда впечатляющий каменный дом, который сейчас выглядит старым, унылым и пустым. Его больше интересует стена, потому что он сам построил ее 43 года назад сразу же по приезду, когда начал тренироваться на Масл-Бич. «Мы с Франко [Коломбо, который, как и Шварценеггер, был обладателем титула «Мистер Олимпия»] таким образом зарабатывали деньги. В бодибилдинге денег не было. Мы были чемпионами мира в этой небольшой субкультуре, а этим зарабатывали на хлеб. Франко руководил бизнесом. Я мешал цемент и махал кувалдой».

Пока Коломбо не споткнулся, когда бежал под уклон с холодильником на спине, он был лидером в турнире за звание «Самый сильный человек мира» 1977 г.; поэтому для Шварценеггера работать у такого человека в качестве мускульной силы было даже почетно. При заключении сделки они разыгрывали сценку: Франко играл роль не заслуживающего доверия итальянца, а Арнольд — благоразумного немца. Сначала они орали друг на друга на немецком языке, пока заказчик не выдерживал и спрашивал, что происходит. Арнольд поворачивался к заказчику и объяснял: *ой, он же итальянец, а вы ведь знаете, какие они. Он хочет запросить слишком много, но я думаю, что это можно сделать дешевле.* Затем Шварценеггер озвучивал совсем не низкую цену. «И клиент, — говорит он смеясь, — всегда, бывало, говорил: “Арнольд, ты такой хороший парень! Такой честный!” Понимаете, они всегда на это покупались».

Он осматривает свою работу. «Стена простоит здесь 1000 лет, — говорит он, затем показывает на небольшое раз-

рушение наверху. — Я сказал Франко, что мы должны вернуться и отремонтировать верх. Понимаете, мы должны обеспечить пожизненную гарантию».

Бедный ребенок из австрийской деревушки, сын бывшего нациста, садится на самолет и летит в Америку, где начинает с работы каменщиком, а заканчивает управлением штата и становится одним из выдающихся политических лидеров Америки. И он проходит этот путь меньше чем за 35 лет. Я не мог удержаться от очевидного вопроса.

— Если бы во время строительства стены кто-нибудь сказал вам, что вы станете губернатором Калифорнии, как бы вы на это отреагировали?

— Это было бы нормально, — сказал он, не совсем улавливая смысл моего вопроса.

— Вы верили в детстве, — спросил я, заходя с другой стороны, — что у вас будет не совсем обычная жизнь?

— Да. — Он не задумался ни на секунду.

— Почему?

— Не знаю.

— *Никто* еще не ездил так ненормально лихо, — говорит он, когда мы спешим прочь от кирпичной стены, но, судя по интонации, он имеет в виду, что такая езда была случайностью. «Америка очень сильно притягивала меня к себе, — сказал он. — Гигантские шестиполосные автострады, небоскреб Empire State Building, рискованные решения». Он до сих пор ясно помнит представление об Америке, которое сложилось у него в мальчишеском возрасте из того, что он слышал или читал в Австрии: там все было *большое*. У него была только одна причина для наращивания мышц: это могло стать билетом в Америку.

Если бы не было народного движения за смещение стоящего тогда у власти губернатора, а также шанса баллотироваться на пост губернатора без тягостных первичных выборов, он никогда не стал бы с этим связываться. «Тут отзывают действующего губернатора, и люди меня спрашивают, что я собираюсь делать, — говорит он, маневрируя по пляжной велосипедной дорожке между праздно шатающимися и бегущими трусцой. «Я подумал и решил, что не буду выставлять свою кандидатуру. Я сказал об этом Марии. Я говорил об этом всем. Я *не* баллотировался». И вот в разгар этой сумасшедшей кампании отзыва выходит фильм «Терминатор-3: Восстание машин». В ходе раскрутки фильма его, как ведущую машину, пригласили на ток-шоу Tonight Show («Сегодня вечером»). По пути в студию он почувствовал знакомый импульс — выкинуть что-нибудь из ряда вон выходящее. «Я подумал: “Все просто обалдеют, — говорит он. — Будет очень забавно. Я объявлю, что буду баллотироваться”. Я сказал об этом Лено. И через два месяца я стал губернатором». Он оглядывается на меня, изо всех сил крутящего педали, чтобы не отстать, и смеется. «Ни *фига* себе!»

Велосипедная дорожка кончилась, и мы едем по дороге, полной автомобилей. Он поворачивает налево, пересекает четыре полосы и на другой стороне дороги продолжает: «Все эти люди спрашивают меня: “Какая у вас программа? Кто у вас в команде?” У меня не было программы. У меня не было команды. Я вообще не собирался баллотироваться, пока не пришел на шоу Джея Лено».

Его впечатления о семи годах управления штатом Калифорния, как и оценки его ближайших соратников, можно обобщить следующим образом. Он пришел к власти слу-

чайно, но не без идей о том, что хотел сделать. В глубине души он понимал, что правительство стало в большей степени проблемой, чем решением: институтом, которым управляют не столько во благо народа, сколько во благо политиков и других должностных лиц. Его поведение вполне отвечало представлениям американцев об идеальном политике: он принимал смелые решения без учета общественного мнения; он не оказывал покровительства; он честно относился к своим оппонентам; он без колебаний признавал свои ошибки и учился на них, и т. д. Он был редким выборным лицом, верящим, и не без основания, что ему нечего терять, и поступал соответственно. Если появлялась возможность выполнить программу, которая шла вразрез с его личными узкими политическими интересами, он с энтузиазмом брался за нее. «Много раз бывало так, что мы говорили: “Тебе не надо этого делать”, — говорит бывший глава его администрации Сьюзан Кеннеди, убежденная демократка, которую республиканцу-губернатору не полагалось брать на работу. — А он всегда говорил: “Мне плевать”, и в 90% случаев дело было стоящее».

За два года пребывания на посту губернатора, к середине 2005 г., он перепробовал все возможное, чтобы убедить законодателей штата Калифорния голосовать против краткосрочных желаний своих избирателей ради более значительного перспективного блага для всех. «У меня были тяжелые моменты», — говорит он. Промчавшись мимо знака «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН», мы, не останавливаясь, летим через перекрестки. Я не могу не отметить, что если бы мы не нарушили правило, запрещающее проезд навстречу потоку на улице с односторонним движением, то мы бы нарушили

другое правило, запрещающее проезд без остановки на знак «СТОП». «Например, ты хочешь сделать пенсионную реформу для тюремных охранников, — говорит он, — и вдруг против тебя выступают *республиканцы*. Трудно было в это поверить, но это происходило снова и снова: мне, бывало, говорили: “Да, это отличная идея! Я бы с радостью проголосовал за нее! Но если я за нее проголосую, то вызову гнев у лобби, поэтому я этого не сделаю”. Я не мог поверить, что люди могут такое сказать. У нас солдаты умирают в Ираке и Афганистане, а эти не хотят рисковать своей политической карьерой и поступают не по совести». Он вступил в должность с бесконечной верой в американский народ — в конце концов, он его избрал — и полагал, что всегда может обращаться непосредственно к нему. Это был его козырь, и он активно пускал его в ход. В ноябре 2005 г. он назначил дополнительные выборы, чтобы собрать голоса по четырем реформам с целью ограничить расходы штата, положить конец махинациям с избирательными округами, ограничить расходы профсоюза государственных служащих на выборы и продлить испытательный срок для учителей государственных школ. Все четыре предложения были прямо или косвенно направлены на устранение вопиющего и усугубляющегося финансового беспорядка. Все четыре провалились, набрав слишком мало голосов для квалифицированного большинства. С тех пор и до конца пребывания на посту губернатора его инициативы активно выхолащивали: теперь законодатели знали, что люди, которые выбрали их для того, чтобы они действовали именно так, как они уже действовали, не будут подрывать их позиции, если обращаться к ним напрямую. Пусть люди в Калифорнии безответственны, зато по крайней мере последовательны.

Захватывающая книга под названием «Развал Калифорнии» (California Crackup) дает более широкую картину этой проблемы. Ее авторы — Джо Мэтьюз и Марк Пол, журналисты и ученые, беспартийные представители «мозгового треста», в числе прочего объяснили, чем опыт пребывания Арнольда Шварценеггера на посту губернатора отличался от остального опыта в его карьере: он никогда не выигрывал. Не случайно каждый избирательный округ в Калифорнии активно поддерживал свою партию и избирал власть из числа активистов, от которых потом требовал обеспечить большинство в $\frac{2}{3}$ голосов для принятия закона о введении нового налога или вмешательстве в решения о крупных расходах. В крайнем случае, если они вдруг выработают общую платформу, избиратели могут выбить ее из-под них с помощью процедуры законодательной инициативы. Увеличьте сроки полномочий — никто из выборных лиц в настоящее время не служит в правительстве Калифорнии достаточно долго, чтобы в полной мере осознавать это, — и у вас появится повод для выражения максимального презрения к выборным лицам. Политиков выбирают, чтобы они делали дела, но система не дает им возможности делать их, и в результате у народа растет возмущение политиками. «Порочный круг презрения», как выражается Марк Пол. Правительство штата Калифорния задумано прежде всего для того, чтобы оно максимально оправдало ожидания, что избиратели будут продолжать презирать людей, которых они избрали.

Однако если посмотреть в корень, прибавляет он, система замечательным образом дает калифорнийцам то, что они хотят. «Как показывают все опросы общественного мнения, — говорит Пол, — народ желает услуг, но не желает платить

за них. И это как раз то самое, что они сейчас имеют». При всем уверении граждан Калифорнии в презрении к своему правительству они разделяют с ним одну существенную черту: тягу к долгам. В 2011 г. средний калифорниец при доходе \$43 000 имел долги на \$78 000. Такую практику нельзя назвать разумной, но у народа тем не менее она работает отлично. Что касается лидеров, то даже в краткосрочной перспективе она работает куда хуже. Они вступают в должность преисполненными великих надежд, но вскоре понимают, что никак не могут их оправдать.

По мнению Пола, Арнольд Шварценеггер является лучшим на сегодняшний день примером того, что проблема политиков Калифорнии носит личный характер и для приведения себя в порядок системе нужно одно: независимо настроенный лидер, способный быть выше мелочной политики и готовый выполнить волю народа. «Отзыв предыдущего губернатора сам по себе означал попытку народа сказать, что новый губернатор — другой человек — мог бы решить проблему, — говорит Пол. — Он перепробовал все средства в борьбе с кризисом в сфере услуг. Он пытался действовать как республиканец. Он пытался действовать как демократ. Он пытался заигрывать с законодательной властью. Когда это не помогло, он обозвал их “бабами”. Когда и это не помогло, он обратился непосредственно к народу. А народ проголосовал против его предложений».

Однако эксперимент не совсем провалился. Будучи губернатором, Шварценеггер смог реализовать несколько важных вещей: реформировал оплату труда работников, узаконил открытые предварительные выборы и, в самом конце, добился, чтобы деление на избирательные округа

осуществлялось беспристрастным комитетом вместо законодательного собрания. Но он проиграл по большинству пунктов, в том числе практически по всем пунктам, относящимся к доходам и расходам штата. Во время первого губернаторского срока Шварценеггер вознамерился сократить расходы и обнаружил, что может сократить только то, что штату было действительно нужно. Ближе к концу второго срока ему удалось провести закон о незначительном повышении налогов, для чего он уговорил четырех республиканцев обеспечить необходимое квалифицированное большинство. На следующих выборах все они потеряли место. Он занял пост в 2003 г. с рейтингом популярности около 70% и наказом избирателей поправить финансовое положение Калифорнии; он покинул пост в 2011 г. с рейтингом популярности менее 25% и практически невыполненным наказом. «В своей работе я пытался полагаться на здравый смысл, — говорит он теперь. — Ведь это избиратели отозвали Грея Дэвиса. И они же выбрали меня. Поэтому именно избиратели вручат мне инструменты для выполнения работы. Но другой стороне удалось принудить избирателей лишить меня этих инструментов».

Дэвид Крейн, его экономический советник, который в тот момент спешно ретировался, мог бы перечислить итоги по пунктам — получился бы длинный перечень безрадостной финансовой статистики правительства. Например, когда он уходил, пенсии государственных служащих съедали в два раза большую часть бюджета по сравнению с тем, что было, когда он пришел. Официально признанный дефицит средств штата для выплат рабочим составлял примерно \$105 млрд, но вполне возможно, что благодаря бухгалтерским ухищрениям эта сумма занижена в два раза. «В этом году штат

израсходует \$32 млрд непосредственно на выплаты трудовых вознаграждений и пособий, а это означает, что за прошедшие 10 лет этот показатель вырос на 65%, — говорит Крейн позже. — Сравните эти цифры с расходами штата на высшее образование [на 5% ниже], здравоохранение и социальное обеспечение [всего на 5% выше] и парки и зоны отдыха [на том же уровне] — все эти показатели пострадали, главным образом, из-за быстрорастущей стоимости рабочей силы». Крейн всегда был демократом без особо враждебного настроения по отношению к правительству. Но чем детальнее он изучал финансовое положение, тем более оно его возмущало. Например, в 2010 г. штат израсходовал \$6 млрд на менее 30 000 тюремных охранников и других сотрудников, занятых в системе исполнения наказания. Так, охранник, начавший работать в этой системе в возрасте 40 лет, уже через 5 лет, в 45, мог получить пенсию, которая была весьма близка к его зарплате. Главный психиатр калифорнийской службы надзора за условно-досрочно освобожденными был самым высокооплачиваемым государственным служащим Калифорнии: в 2010 г. он получил \$838 706. В том же финансовом году, когда штат израсходовал \$6 млрд на тюрьмы, расходы на высшее образование, т. е. на 33 университетских городка и 670 000 студентов, составили всего \$4,7 млрд. За последние 30 лет доля штата в бюджете Калифорнийского университета сократилась с 30 до 11% и едва не упала еще сильнее. В 1980 г. студент этого университета платил за обучение \$776 в год, а в 2011 г. — \$13 218. Куда ни глянь — везде отдаленное будущее штата приносилось в жертву.

Такой набор фактов в совокупности с очевидными выводами поверг бы обычного человека в депрессию. Он мог бы

прийти к заключению, что живет в неуправляемом обществе. После предпринимаемых в течение семи лет попыток — по большей части неудачных — управлять Калифорнией Шварценеггер определенно не выглядит подавленным. «Вы должны понять, это было так здорово! — говорит он. — Нам было так весело! Были времена неудач. Были времена разочарований. Но если хочешь жить, а не просто существовать, то нужно пережить и драматические моменты». Когда мы делаем остановку вблизи того места на пляже, где он начинал свою американскую карьеру культуриста, он говорит: «Надо отстраниться и сказать: “Меня избрали при необычных обстоятельствах. И я уйду при необычных обстоятельствах”. Надо выбирать что-то одно. Нельзя быть маменькиным сынком».

Необычные обстоятельства заключались в непрекращающихся финансовых кризисах. Он пришел к власти в период спада после интернет-бума; он ушел в период спада после жилищного бума. До и после нашей поездки на велосипедах я пытался выяснить его точку зрения на жилищный пузырь. Он рассказал, как в середине 2007 г. впервые заметил, что в экономике Калифорнии происходит что-то неладное. В то время как раз заканчивалось обсуждение бюджета, и он получил данные, хотя и липовые, которые позволяли объявить бюджет сбалансированным. К нему в кабинет пришел помощник и сообщил тревожную весть: налоговые поступления за текущий месяц были ниже ожидаемых. «Мы вдруг недополучили \$300 млн за месяц, — говорит Шварценеггер. — В голове промелькнуло: “Ничего себе”. Я чувствовал, что-то назревает». Вскоре после этого он нанес визит Джорджу Бушу в Белом доме, где сделал доклад — как всегда,

оптимистичный. «И там был этот парень — он отвечал за жилье, забыл его имя. Мировой мужик. Почему-то он был откровенен со мной. Уж не знаю почему. Он, наверное, решил, что я не буду болтать об этом всему миру, и я действительно не болтал. Так вот, после доклада он и говорит: “Отличная речь, но впереди у нас большая проблема”. Я спросил: “Что вы имеете в виду?” Он ответил: “Я изучил некоторые цифры — дело дрянь”. Больше он ничего не сказал. Не стал уточнять». Падение цен на жилье в Соединенных Штатах означало обвал цен на жилье в Калифорнии, а обвал цен на жилье в Калифорнии означал снижение налоговых поступлений. «В следующем месяце наши доходы сократились на \$600 млн. К сентябрю дефицит достиг миллиарда».

Исчезла надежда, что налоговых поступлений Калифорнии хватит для оплаты даже урезанных услуг. «Этот кризис свел на нет последние три года работы, — говорит Шварценеггер. — Вдруг ты начинаешь раздражать всех и каждого. Парки не получают денег, и сразу же оказывается, что все влюблены в парки. Люди особенно обращают внимание на то, что непосредственно воздействует на них: так уж устроен человеческий разум».

То, каким образом дальнейшее ухудшение публичных услуг непосредственно воздействовало на людей, могло и не быть непосредственно очевидно губернатору, сидящему в Сакраменто. Как указывала Мередит Уитни, у штата есть шикарная возможность утрясти свои финансовые проблемы, свалив их на города. Вот самый яркий из бесчисленных примеров: в мае 2011 г. Верховный суд США поддержал вывод о том, что в тюрьмах Калифорнии заключенные подвергались жестоким и необычным наказаниям в нарушение

Восьмой поправки к конституции. Суд предписал штату либо построить больше тюрем, либо выпустить на свободу 30 000 заключенных. Штат — который по-прежнему переплачивал тюремным охранникам — предпочел выпустить заключенных и таким образом сэкономить на их содержании. Возможно, в будущем возрастет число преступлений и зависимость от местных общественных услуг, но платить за это должны местные власти. В какой-то момент нашей беседы я спросил Шварценеггера, сколько времени он как губернатор уделял помощи на местах в решении проблем, связанных с кризисом большого штата. Вопрос явно вызвал у него раздражение. «Я не вникал во всякую ерунду на местах, — сказал он. — Мое призвание — решать глобальные вопросы».

ПОСЛЕ ЧАСОВОГО ПРИСУТСТВИЯ на еженедельном собрании Городского совета Сан-Хосе я почувствовал, что мне тоже хочется решать глобальные вопросы. Сотня граждан зевает и пишет SMS-сообщения, пока подводятся итоги Национальной недели сельскохозяйственного рынка; несколько человек, которые вроде бы обращали внимание на происходящее, поднимаются и уходят после присуждения наград. Совет напоминает, что 7 августа отмечается День памяти ассирийских мучеников, и «читит память об убийстве 3000 людей в августе 1933 г. и отмечает 2000-летие преследования ассирийских христиан». Человек 30 переключают внимание с мобильных на торжественный момент, но затем тоже уходят из палаты. И лишь небольшая горстка остается слушать управляющего городом Сан-Хосе, который докладывает безрадостные финансовые новости: штат Калифорния забирает на десятки миллионов долларов больше, и «140 лиц наемного

труда удалились из города». (Новые времена требуют новых эвфемизмов.) Исследователь общественного мнения сообщает, что как бы ни формулировался вопрос, результат один: граждане Сан-Хосе не проголосуют за повышение налогов. Поднимается статистик и объясняет, что доходность вложений в пенсионный план города никоим образом не приближается к предполагаемой цифре. Для начала, помимо того, что суммы для этой конкретной цели не хватает, эта сумма не увеличивается теми темпами, на которые все рассчитывали, и поэтому разрыв между тем, на что имеют право работники города, и тем, что имеется, даже больше, чем ранее предполагалось. Затем совет голосует за то, чтобы на шесть недель отложить голосование по вопросу объявления «чрезвычайного положения» в городском бюджете и предоставления мэру Чаку Риду новых полномочий.

После каждого предложения тучный человек, не столько одетый в голубой джинсовый комбинезон, сколько окутанный им, не упускает своего права быть выслушанным в течение пяти минут по каждой теме: снова и снова встает из первого ряда мест для публики, идет вразвалку к трибуне и выдает очередную замысловатую и недоступную пониманию критику. *«Абсолютное снижение уровня компетентности правительства демонстрируется произошедшим сегодня...»*

Связь между людьми и их деньгами в Калифорнии такова, что можно взять наугад любой город и обнаружить там кризис. Среди американских городов Сан-Хосе имеет самый высокий после Нью-Йорка доход на душу населения. У него самый высокий кредитный рейтинг среди городов Калифорнии с населением свыше 250 000 человек. Он является одним из немногих городов Америки, облигациям

которого агентства Moody's и Standard & Poor's присвоили рейтинг AAA, но лишь благодаря тому, что держатели облигаций имеют право заставить город обложить владельцев недвижимости налогом для погашения облигации. Сам же город совсем недалек от банкротства.

Вечером я встречаюсь с мэром Чаком Ридом в его кабинете на верхнем этаже высотного здания муниципалитета. Собравшаяся внизу толпа начинает скандировать. Государственные служащие, как обычно, протестуют. Рид уже настолько привык к этому, что едва замечает. Он бывший летчик-истребитель ВВС и ветеран войны во Вьетнаме с интеллектуальными наклонностями и резкими манерами фермера Среднего Запада. У него диплом магистра Принстонского университета, ученая степень в области права, полученная в Стэнфордском университете, и не пропадающий интерес к публичной политике. Тем не менее он больше походит не на мэра большого города Калифорнии, а на стойкого, честного шерифа небольшого городка, который не хочет неприятностей. В 2000 г. он был избран в совет, через шесть лет стал мэром, а в 2010 г. был переизбран, набрав 77% голосов. Он демократ, но на данном этапе принадлежность к той или иной партии не имеет особого значения, как и его идеологические симпатии или, если уж на то пошло, популярность среди населения Сан-Хосе. У него проблема такой величины, что отодвигает обычную политику на задний план: город настолько задолжал бюджетникам, что даже если бы долги уменьшились вдвое, он все равно вылетел бы в трубу. «Я подсчитал расходы на содержание одного государственного служащего, — говорит он, пока мы усаживаемся. — У нас положение все-таки не такое плохое, как в Греции, нет-нет».

Он объясняет, что проблема началась еще до последнего финансового кризиса. «Черт, я же был здесь. Я знаю, как все начиналось. А началось это с интернет-бума в 1990-х гг. Мы живем рядом с богачами, вот мы и думали, что тоже богатые». Бюджет Сан-Хосе, как и бюджет любого города, тратит изрядную долю бюджета на оплату работников сферы общественной безопасности: содержание полиции и пожарной службы в настоящее время составляет 75% всех дискреционных расходов. Интернет-бум породил как высокие ожидания для государственных служащих, так и налоговые поступления для их реализации. В переговорах с профсоюзами городские власти обязаны подчиняться арбитражным решениям, которые для полицейских и пожарных имеют такую же обязательную силу, как для игроков Главной бейсбольной лиги. Каждая сторона в споре об оплате труда делает наилучшее предложение, а предположительно нейтральный судья выбирает одно из них. Компромиссов не бывает: судья просто выносит решение в пользу одной из сторон. Соответственно, у каждой стороны есть стимул к проявлению разумности, так как чем меньше разумность, тем меньше вероятность, что судья предпочтет их предложение. По словам Рида, проблема с арбитражем в случае с полицейскими и пожарниками заключается в отсутствии нейтрального отношения со стороны судей. «Они склонны выступать в роли адвокатов по трудовым спорам, отдающим предпочтение профсоюзам, — говорит он, — поэтому городские власти делают все, чтобы избежать судебного процесса». Да и какой политик захочет публично ссориться с полицейскими и пожарниками?

За последние 10 лет город Сан-Хосе неоднократно уступал требованиям профсоюзов работников сферы общественной

безопасности. На практике это означало, что когда полицейское управление или отделение пожарной охраны любого соседнего города договаривалось о лучших условиях оплаты, это давало новый повод просить повышения зарплаты полицейским и пожарным в Сан-Хосе. В итоге договоренность о самой лучшей зарплате в сфере общественной безопасности в любом городе северной Калифорнии служила отправной точкой следующего раунда переговоров во всех других городах. Эти службы также использовали друг друга для того, чтобы набрать больше очков в споре. Например, в 2002 г. профсоюз полицейских Сан-Хосе добился повышения на три года зарплаты полицейских на 10% по сравнению с суммой, указанной в контракте. Вскоре после этого пожарники Сан-Хосе выторговали улучшение условий для себя, включая повышение зарплаты на 23%. Полицейские почувствовали себя ограбленными и выражали сильное недовольство до тех пор, пока городской совет не пошел на сделку, повысив оплату труда на 5% в обмен на обучение навыкам борьбы с терроризмом. «Мы прославились платой за антитеррористическую подготовку», — объясняет один чиновник городского самоуправления. Постепенно занятия по антитеррористической подготовке прекратились, а надбавка так и осталась за полицейскими, да еще со льготами. «Наши полицейские и пожарные будут получать на пенсии больше, чем когда работали, — говорит Рид. — Они раньше приводили такой аргумент: вы должны дать нам деньги, иначе нам не по карману жить в этом городе. Теперь понятно, что чем больше мы им платим, тем меньше вероятность, что они останутся жить в городе, поскольку могут позволить себе уехать. Потрясающе. Нам осталось перейти от практики предоставления

отпусков по болезни к возможности накапливать их и превращать в сотни и тысячи долларов, когда они перестанут работать. У нас существует коррупция. Это не просто финансовая коррупция. Это коррупция отношения со стороны государственной службы».

Когда в 2000 г. его избрали в городской совет, сообщает Рид, он «даже не задумывался о пенсиях. Я не могу сказать, что я говорил: “Вот мой план”. Я никогда не думал об этой ерунде. Такой вопрос никогда и не возникал». Он не интересовался финансовым положением Сан-Хосе до тех пор, пока в 2002 г. власти Сан-Диего не оказались перед лицом банкротства. Тогда он и занялся изучением этого вопроса. «Вот когда я понял, что там были большие проблемы, — говорит он. — Вот когда я стал обращать на это внимание. Вот когда я начал задавать вопросы: может ли такое произойти у нас? Это как жилищный пузырь или интернет-бум. А ведь вокруг были люди, которые писали об этом. Нельзя сказать, чтобы никто не говорил нам, что все это сплошное безумие. Просто ты отказываешься верить, что сам безумен».

Он показывает мне график и объясняет, что, когда он впервые заинтересовался этой темой, пенсионные расходы оценивались в \$73 млн в год. В этом году они составят \$245 млн: расходы на пенсии и медицинское обслуживание ушедших на пенсию работников теперь съедают более половины бюджета. Через три года одни только пенсионные расходы могут вылиться в \$400 млн, хотя «с учетом реальной средней продолжительности жизни эта величина, скорее всего, приблизится к \$650 млн». Поскольку по закону город обязан покрыть эти расходы, ему ничего не остается, кроме как урезать другие статьи. В результате, если раньше

г. Сан-Хосе насчитывал 7450 работников в системе городского хозяйства, то сейчас их осталось только 5400. Город вернулся к численности работников 1988 г., когда он обслуживал на четверть миллиона меньше жителей. Оставшимся работникам сократили зарплату на 10%; тем не менее этого оказалось недостаточно, чтобы покрыть выросшие пенсионные обязательства города. Город держит библиотеки закрытыми три дня в неделю. Урезаются расходы на содержание парков. Власти решили не открывать новый общественный центр, построенный до жилищного кризиса, так как нечем было бы платить сотрудникам. Впервые за всю историю пришлось пойти на увольнения полицейских и пожарных.

К 2014 г., как подсчитал Рид, город с миллионным населением, десятый по величине в Соединенных Штатах, будут обслуживать 1600 муниципальных работников. «Невозможно управлять городом при таком уровне кадрового обеспечения, — сказал он. — Возникают вопросы: “Что такое город? Почему мы стремимся жить вместе?” Но это только начало». Проблема будет расти до тех пор, пока, как он выразился, «не останется один человек». Единственный человек для управления целым городом, который, по-видимому, сделает упор на выплату пенсий. «Не знаю, как далеко надо пойти, чтобы остался один человек, — сказал Рид, — но это время не за горами». В этот период, если не раньше, город просто-напросто превратится в средство для выплаты пенсий своим бывшим работникам. Единственное, что могло бы эффективно помочь решить проблему, это быстрая смерть бывших муниципальных работников. Но бывшие муниципальные работники, слава Богу, нынче живут как никогда долго.

Это не просто жуткий гипотетический сценарий, утверждает Рид. «Это математическая неизбежность». Мысленно мне пришло в голову сравнение с инвестиционным бизнесом Бернарда Мэдоффа. Любой, кто обращал внимание на доходность Мэдоффа, понимал, что он создает пирамиду; только один из понявших это взял на себя труд рассказать об этом миру, но никто его не слушал. [См. Гарри Маркополос «Никто не хочет слушать: Настоящий финансовый триллер» (Harry Markopolos, No One Would Listen: A True Financial Thriller).]

Переговоры мэра с профсоюзами ни к чему не привели. «Я понимаю полицейских и пожарных, — говорит он. — Они думают: мы, дескать, самые важные, и пусть сначала уйдут [потеряют работу] другие». Недавно профсоюз полицейских предложил мэру закрыть библиотеки и на остальные четыре дня. «Мы изучили этот вопрос, — говорит Рид. — Закрытие библиотек еще на один день дает возможность оплатить работу 20–30 полицейских». Усиление полиции на 20 человек в год не решило бы ничего. Копы, которых не уволили по сокращению штатов в этом году, будут уволены в следующем — следствие резко растущих расходов на пенсии муниципальных работников. На другой стороне неравенства стоит налогоплательщик Сан-Хосе, который не хочет платить больше, чем сейчас. «Дело не в том, что мы неплатежеспособны и не в состоянии оплачивать свои счета, — говорит Рид. — Все дело в желании».

Я спрашиваю его, какова вероятность того, что в эту трудную минуту он может повысить налоги. Он соединяет большой и указательный пальцы в форме ноля. Он говорит, что недавно придумал выражение: «несостоятельность

на уровне обслуживания». Оно означает, что дорогой общественный центр, который был построен и получил название, не может быть открыт. Это означает закрытие библиотек на три дня в неделю. Это не финансовое, а культурное банкротство.

— Как же это случилось? — спрашиваю я его.

— У меня есть только одно объяснение: они получили деньги, потому что деньги были, — говорит он. Но у него есть и другое объяснение, и он тут же его высказывает.

— Думаю, мы имеем дело с рядом массовых заблуждений, — говорит он.

Я не совсем понял, что он имел в виду и сказал об этом.

— Мы все будем богатыми, — говорит он. — Мы все будем жить вечно. Все силы штата нацелены на то, чтобы сохранить статус-кво. Чтобы сохранить иллюзию. И вот тут-то — в этом месте — реальность и бьет вас по голове.

По пути к лифтам я успел переговорить с двумя советниками мэра Рида. Рид упоминал, что, как бы плохо они ни думали о своей жизни в Сан-Хосе, во многих других американских городах жизнь еще хуже. «Я еще благодарю судьбу, когда беседую с мэрами других городов», — сказал он.

— Какой город вам жаль больше всего? — спросил я советников как раз перед закрытием дверей лифта.

Советники засмеялись и одновременно произнесли: «Вальехо!»

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВАЛЬЕХО, ГОРОД БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ!» приветствует надпись при въезде в город, а на магазинах, которые остались открытыми, висят таблички «МЫ ПРИНИМАЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ

ТАЛОНЫ». Территории заброшенных компаний заросли сорняками, а все светофоры отключили, но это чистая формальность, поскольку полицейские не патрулируют улицы. Вальехо является единственным городом в районе Залива, где можно где угодно парковаться и не волноваться о штрафе, потому что женщин-контролеров на платных стоянках тоже нет. Окна в здании мэрии затемнены, но у парадного подъезда наблюдается оживление. Молодой человек в надетой задом наперед бейсболке, солнечных очках и кроссовках фирмы Nike стоит на невысокой стене и выкрикивает адрес: — Кембридж-драйв, 900. В Бениции.

Стоящие внизу люди мгновенно начинают предлагать цены. С 2006 по 2010 г. стоимость недвижимости в Вальехо упала на 66%. На один из 16 домов в городе наложен арест. Очевидно, здесь происходит срочная продажа, но участвующие в ней персонажи настолько сомнительны и вороваты, что мне с трудом в это верится. Я останавливаюсь и спрашиваю, что здесь происходит, но участники торгов не желают говорить. «С какой стати я должен вам что-то рассказывать?» — говорит один парень, сидящий на складном стуле марки Coleman. Очевидно, он считает себя рассудительным, и, наверное, так оно и есть.

Вестибюль в мэрии совершенно пуст. Стоит стойка секретаря, но самого секретаря нет. Вместо нее табличка: «АУКЦИОНЕРЫ И ПОКУПАТЕЛИ АРЕСТОВАННОГО ИМУЩЕСТВА, ПРОСИМ ВАС НЕ ПРОВОДИТЬ АУКЦИОНЫ В ВЕСТИБЮЛЕ МЭРИИ».

На третьем этаже нахожу помещение нового городского управляющего Фила Бэтчелора, но когда вхожу туда, там никого не видно. Одни пустые секции. Наконец появляется

женщина и ведет меня к самому Бэтчелору. Ему за 60, и он, как ни странно, является публикуемым автором. Он написал одну книгу о том, как воспитывать детей, и еще одну о том, как встретить смерть. Обе открыто несут христианское послание, но он не похож на приверженца евангелической церкви; он похож на человека здравомыслящего и немного утомленного. До выхода на пенсию его повседневная работа заключалась в управлении городами, страдающими финансовыми трудностями. Он согласился на эту работу только после неоднократных просьб со стороны городского совета. «Чем больше говоришь им "нет", тем больше они хотят тебя заполучить», — говорит он. Его главное условие носило не финансовый, а общественный характер: он согласится работать только в том случае, если присутствующие на городском совете перестанут дурно относиться друг к другу и будут вести себя вежливо. Он закрепил это требование в письменном виде, и они выполнили свою часть условий. «Я побывал во многих местах, которые попали в очень трудное положение, но нигде не видел ничего подобного», — говорит он. Затем он рассказывает, что находит необычным, начиная с кадров. Сейчас он управляет городом, а в штате у него только один человек: дама, которую я только что видел. «Отлучаясь в туалет, она вынуждена запирать дверь, — говорит он, — потому что я постоянно на совещаниях, а больше никого у нас нет».

Еще в 2008 г., не сумев прийти к соглашению с многочисленными кредиторами, город Вальехо объявил о банкротстве. Муниципальный бюджет на 80% — а ведь была еще и львиная доля исков, которые довели их до банкротства, — шел на зарплаты и прочие выплаты работникам сферы общественной

безопасности. Отношения между полицией и пожарными, с одной стороны, и гражданами, с другой, ухудшились как никогда. Работники сферы общественной безопасности думали, что город намерен экономить на их контрактах; граждане думали, что работники сферы общественной безопасности вымогают у них деньги, манипулируя фактором страха. По городу ходила шутка, что «П. У.» [полицейское управление] расшифровывается как «плати или умри» (англ. P. D. — Police Department — «Pay or Die»). Собрания городского совета стали местом публичных упражнений в оскорблениях: так, на одном из них кто-то швырнул на пол отрезанную свиную голову. «Непонятно, за что Вальехо так обломали, — говорит старожил по имени Марк Гарман, который создал веб-сайт, где фиксирует события гражданской войны. — Это как поездка на катере в Сан-Франциско. Бросаешь камень наугад и случайно попадаешь в Напу». После объявления о банкротстве количество полицейских и пожарных сократили вдвое; некоторые граждане пришли к Филу Бэтчелору и заявили, что отныне в собственных домах не чувствуют себя в безопасности. Все другие городские службы фактически сократили до нуля. «Вы знаете, что в некоторых городах мостят улицы? — спрашивает Бэтчелор. — Так вот, это не про нас».

Я заметил у него на полке журнал *Fortune* с Меридит Уитни на обложке. И пока он говорил о доведении Вальехо до банкротства, я понял, что уже слышал эту историю или ее частную версию. Люди, имеющие власть и призванные избавлять общество от необдуманных действий, вместо этого оставили его истекать кровью. Сложности с полицейскими и пожарными — это не частный вопрос, и дело здесь не в правительстве — это проблема общества в целом. Это то,

что произошло на Уолл-стрит в преддверии ипотечного кризиса. Это проблема людей, которые берут то, что можно, — просто потому, что можно, — и не думают о масштабных социальных последствиях. Ведь не случайно долги городов и штатов вышли из-под контроля одновременно с долгами американских граждан. Оставшись в темной комнате наедине с кучей денег, американское общество, причем всё, сверху донизу, точно знало, что хочет. У американцев был выработан условный рефлекс — хватать как можно больше, не задумываясь об отдаленных последствиях. Потом в узком кругу на Уолл-стрит будут стенать по поводу низкой морали американцев, которые перестали платить по низкокачественным кредитам, а американцы будут возмущаться дельцами с Уолл-стрит, которые заработали состояния на выстраивании пирамиды производных инструментов на основе этих плохих кредитов.

Не сумев убедить работников общественной безопасности в том, что он не в состоянии сделать их богатыми, город Вальехо, Калифорния, опустился до самого низкого уровня: дальше падать было некуда. «Я считал так: не важно, кто виноват, — сказал Бэтчелор. — Нам нужны перемены». Когда я встретил его через несколько месяцев после вступления в должность, он по-прежнему пытался разрешить сложный финансовый вопрос: как распределить имеющиеся у города \$6 млн между 1013 истцами, которые предъявили иски на общую сумму \$500 млн. Они были подобны оставшимся в живых после кораблекрушения и пльвшим на спасательном плоту с ограниченным количеством продовольствия. В его задачу, как он ее понимал, входило убедить их в том, что единственный шанс выжить — это дружно работать. Он полагал,

что главная проблема города связана не с финансами: финансовые проблемы были симптомом. Болезнью страдала культура. За несколько недель до описываемых событий он направил докладную записку оставшемуся штату муниципальных работников — городскому совету, мэру, работникам общественной безопасности. Красной нитью проходила мысль о том, что, если вы хотите наладить ситуацию в городе, вам нужно изменить стиль поведения, причем всем и каждому. «Все дело в людях, — сказал он. — Надо научить их уважать друг друга, проявлять честность и стремиться к совершенству. Культура меняется. Но нужно, чтобы люди захотели измениться. Люди, которых убеждают вопреки их воле, остаются при своем мнении».

— Как же вы меняете культуру всего города? — спросил я его.

— Прежде всего мы заглядываем внутрь, — ответил он.

ДОРОГА ИЗ ВАЛЬЕХО ПРОХОДИТ как раз мимо офиса д-ра Питера Уайброу, британского нейробиолога из Института неврологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, у которого есть своя теория американской жизни. Он считает, что нарушение нормальной деятельности американского общества является побочным продуктом американского успеха. В научных статьях и в популярной книге «Американская мания» (American Mania) Уайброу фактически утверждает, что с неврологической точки зрения человеческие существа созданы неприспособленными к современной американской жизни. Сотни тысяч лет мозг человека развивался в условиях, ограничивающих его потребности. Он не был создан, по крайней мере изначально, для условий чрезмерного

изобилия. «Повсюду бродят человеческие существа с удивительно ограниченным умом, — весело изрекает он. — В центре у нас мозг средней ящерицы». Эту сердцевину пресмыкающегося, объясняет он, окружает слой млекопитающего (который ассоциируется с материнской заботой и социальным взаимодействием), а поверх него есть третий слой, который обуславливает работу памяти и способность к абстрактному мышлению. «Единственная проблема заключается в том, — говорит он, — что наши страсти по-прежнему определяются мозгом пресмыкающегося. Мы настроены брать как можно больше тех вещей, которых, как мы считаем, нам не хватает, и это, в частности, относится к сексу, безопасности и продовольствию». Даже сидящему на диете человеку, который старается, чтобы ему на глаза не попался кусок шоколадного торта, трудно контролировать себя, если шоколадный торт каким-то образом оказывается у него перед глазами. Это понимает каждый кондитер в Америке, а теперь и неврология. «Когда сталкиваешься с изобилием, трудно противостоять издавна сложившейся системе положительного подкрепления, — говорит Уайброу. — В такой момент ценность шоколадного торта кажется выше ценности диеты. Когда перед нами шоколадный торт, мы не в состоянии думать о последствиях».

Самое богатое общество, которое когда-либо видел мир, разбогатело за счет изобретения все более совершенных способов предоставления людям того, что они хотят. Воздействие множества мгновенных положительных подкреплений на мозг сродни воздействию, которое отсечение левой руки оказывает на правую: чем больше задействована суть ящерицы, тем более доминантной она становится. «Мы сводим

к минимуму использование той части мозга, которой нет у ящерицы, — говорит Уайброу. — Мы создали физиологическую дисфункцию. Мы утратили способность саморегулирования на всех уровнях общества. Те \$5 млн, которые вам платят в Goldman Sachs, если вы делаете все, что они просят, и есть шоколадный торт, только осовремененный».

По мнению Уайброу, чередой финансовых пузырей и накопление индивидуальных и государственных долгов есть не что иное, как результат ведения образа жизни, продиктованного мозгом ящерицы. Цветовую карту распределения индивидуальных долгов в Америке можно наложить на цветовую карту центров по контролю и профилактике заболеваний, которая показывает фантастический рост с 1985 г. числа страдающих ожирением на территории Соединенных Штатов, и картина в целом совпала бы. Бум торговли, осуществляемой индивидуальными инвесторами в акции, распространение узаконенной азартной игры, рост наркомании и хронического алкоголизма — все это звенья одной цепи. Куда ни повернись, везде американцы приносят долгосрочные интересы в жертву сиюминутному положительному результату.

Что происходит, когда общество утрачивает способность к саморегулированию и упорно приносит собственные долгосрочные интересы в жертву сиюминутным вознаграждениям? Чем все заканчивается? «Мы могли бы регулировать себя, если бы захотели задуматься над этим, — говорит Уайброу. — Но мы явно не собираемся этого делать». Помимо этой маловероятной возможности, Уайброу рассматривает два других потенциальных исхода. Первый он иллюстрирует правдивой историей, которую можно было бы назвать притчей о фазанах. Весной прошлого года он был

в творческом отпуске в Оксфордском университете и с удивлением обнаружил, что может снять квартиру в самом Бленхеймском дворце, фамильном доме Черчиллей. Предыдущая зима в Бленхейме была суровой, и охотники подстрелили много фазанов, в результате чего в дворцовом парке остался один-единственный фазан. Птица получила свободный доступ к недавно засеянному полю. Если раньше количество съедаемой пищи регулировалось окружающими условиями, то теперь не было абсолютно никакого регулирования: фазан мог есть сколько влезет, что он и делал. Он вырос до таких размеров, что когда другие птицы подлетали поклевать зерна, он отпугивал их одним своим видом. Жирный фазан стал туристической достопримечательностью и даже получил имя: Генри. «Генри был самым крупным фазаном, который когда-либо существовал, — говорит Уайброу. — Даже растолстев, он все ел и ел». Вскоре Генри стал страдать ожирением. Он по-прежнему мог есть сколько влезет, но уже не мог летать. И однажды его не стало: фазана съела лиса.

Другой возможный исход был чуть-чуть более обнадеживающим: опуститься на дно. Осознать, что произошло с нами, потому что другого выхода у нас нет. «Если мы откажемся регулировать себя, за нас это могут сделать только окружающие условия, — говорит Уайброу, — и вытекающие отсюда ограничения». Другими словами, для совершения значимых перемен нам необходимо, чтобы окружающие условия обеспечили необходимый уровень страданий.

В АВГУСТЕ 2011 Г., НА ТОЙ ЖЕ неделе, когда агентство Standard & Poor's понизило долговой рейтинг правительства Соединенных Штатов, суд утвердил план оздоровления г. Вальехо,

Калифорния. Кредиторы Вальехо в итоге получили по пять центов с доллара, а государственные служащие — примерно по 20–30 центов с доллара. Ни Moody's, ни Standard & Poor's уже не присваивали городу рейтингов. Понадобились бы годы, чтобы заработать репутацию для получения приличного рейтинга. Отсутствие рейтинга не имело особого значения, поскольку город меньше всего собирался занимать деньги на стороне.

Больше из любопытства, чем преследуя определенную цель, я еще раз поехал в Вальехо и посетил отделение пожарной охраны. При существующем распаде нашего чувства общей цели пожарники являют собой впечатляющий пример иных отношений. Нетрудно представить себе, как полицейское управление могло бы закончить конфликт с обществом, которое наняло его для своей защиты. Человек, который становится полицейским, любит власть. Он хочет остановить плохих парней. Ему не обязательно заботиться о том, как к нему относятся люди, покой которых он охраняет. Человек, который становится пожарным, хочет быть хорошим парнем. Он хочет, чтобы его *любили*.

Пожарника из Вальехо, с которым я встречался в то утро, звали Пейдж Мейер. Ему 41 год. У него волосы с проседью и смуглая кожа со следами ожогов на щеках. На лице постоянно играет улыбка. Он не из тех, кто ударяется в религию или в политику. («Я не такой уж праведник».) Религиозное отношение у него разве что только к семье и работе. Он чрезвычайно гордится своей работой, а также коллегами. «Не хочу показаться кичливым, — говорит он, — но многие отделения в городах получше нашего тушат серьезные пожары, может, раз в год, не больше. Мы же тушим их постоянно».

Население Вальехо старше и беднее по сравнению со многими соседними городами, а уж здания, в которых оно живет, и того старше. Типичный дом в Вальехо — очаровательное, легковоспламеняющееся деревянное здание в викторианском стиле. «В этом городе мы сражаемся с пожарами, — говорит Мейер. — Этот город *разваливается* от старости». Местные условия определяют характер пожарной бригады: эти ребята чрезвычайно энергичны. «Когда я пришел работать в эту бригаду, город был *обречен* сгореть, — сказал он. — У пожарной части не было даже водоема. Мы приступаем к делу. Тут заходит какой-то болван с хриплой глоткой и давай нас понукать — вы, мол, не слишком поворотливы. А я вам вот что скажу о нашей бригаде. Если нам позвонили и сказали, что задыхается малыш или десятилетний ребенок не дышит, лучше всем убраться с дороги, а то переедем ненароком».

В молодости, чтобы заработать на оплату колледжа, Мейер работал спасателем на озере в центральной Калифорнии. Он думал, что в этой работе не будет особых драматических моментов, но люди то и дело приходили, напивались и тонули. Некоторые из тех, кого он вытащил из воды, были в тяжелом состоянии и нуждались в помощи медиков. Вот тут-то и появлялась пожарная бригада. Он поговорил с пожарными и узнал, что «они просто влюблены в свое дело. Надо начать *жить по-настоящему* и создать вторую семью. Как такое может не понравиться?». Он приехал в Вальехо в 1998 г., когда ему было 28 лет. Он оставил теплое местечко в Саннивейле, где пожаров было мало, именно потому, что хотел бороться с огнем. «В других бригадах, — говорит он, — я не был огнеборцем. Здесь же в первые полгода я раз в полмесяца ездил тушить пожар среди ночи. Просто удивительно». Дома

в Вальехо в основном деревянные, каркасно-щитовые. Внутренние стены не могут выполнять противопожарную функцию: по всем четырем стенам сверху донизу огонь распространяется так же легко, как по дымовой трубе. Неопытные пожарные в Вальехо, бывало, начинали тушить огонь с первого этажа, а потом обнаруживали, что пламя с ревом вырывается через крышу. «Прибыв на пожар, мы говорим: “Так! Нужно кого-нибудь послать наверх”. Потому что огонь обязательно пойдет прямо на чердак».

Мейер и сам, будучи новичком, допустил эту ошибку. Однажды, вскоре после поступления в бригаду, он спрыгнул с пожарной машины, уже надев дыхательный аппарат, и кинулся в горящую двухкомнатную квартиру. Он выбил дверь и начал заливать огонь. К его удивлению, пожар не унимался. «По идее, температура должна была снижаться, но становилось все жарче и жарче». По защитной маске прямо перед лицом побежали линии, напоминающие дождь, струящийся по ветровому стеклу. Пожарные старой закалки не закрывали уши, чтобы не прозевать повышение температуры: жара содержала в себе критическую информацию. Мейер же мог лишь видеть жару: его шлем плавился. «Если шлем начинает коробиться и плавиться, пора забеспокоиться», — говорит он. Плавающий шлем, помимо других проблем, указывает на то, что помещение скоро вспыхнет. Вспышка, объясняет он, «это когда одновременно загораются все горючие материалы. После этого вы превращаетесь в вареную картошку в мундире». Нужно было или увеличить подачу воды, или убираться, но его самолюбие велело ему оставаться в помещении, и он остался. Вскоре подоспел другой пожарник с рукавом, у которого была более мощная струя.

Позже он понял свою ошибку: в этом здании было три этажа, оно стояло на склоне, что мешало оценить его истинный размер, и пожар перекинулся на чердак. «Возможно, не подоспей мой коллега вовремя, я бы погиб, по его словам, так оно и случилось бы», — говорит он. Именно тогда у него появился этот шрам на лице. «Мне нужно было научиться правильно оценивать обстановку, — сказал он. — У меня было ложное ощущение безопасности».

Забываясь о чем-то, вы привязываетесь к предмету своего внимания, вот и Мейер привязался к Вальехо. Он испытывал крайнюю неловкость из-за конфликта между профсоюзом и гражданами и ввязался в скандал с участником переговоров от имени профсоюза. Мейер считал, что таких доверчивых идеалистов, как огнеборцы, легко надуть. А еще он считал, что рядовых пожарных обманывали и городские власти, которые постоянно врали во время переговоров, и собственное начальство, которое использовало возмущение пожарников для предъявления необоснованных требований при заключении контракта с городом, переговоры по которому велись профсоюзом. Однако за столом переговоров упустили из виду причину того, почему они зарабатывают на жизнь именно этим ремеслом. «Говорю вам, — убеждает меня Мейер, — когда я начинал, я даже не знал, сколько мне будут платить. Мне было все равно, сколько я получаю. И ничего не известно о льготах. Все то, что мы сегодня политизируем, мне и в голову не приходило. Я думал лишь о работе, о которой всегда мечтал. И вот еще что: в 2007 г. никого не интересовало, сколько я получал. Если сумма была шестизначная, мне говорили: “Блин, ты это заслужил, парень. Ты бросился в горящее здание”. Потому что у всех была работа.

О нашей работе знали только то, что она опасная. Как только экономика покатилась в пропасть, люди стали поглядывать друг на друга». Сегодня тот парень, который, возможно, спас его от смерти, вряд ли придет на подмогу. Когда Вальехо обанкротился, численность пожарной команды сократили со 121 до 67 человек, и это на город, где 112 000 жителей. В пожарное отделение поступает примерно 13 000 вызовов в год, что чрезвычайно много для такой численности населения. Когда люди чувствуют угрозу или беспокойство, не связанные с другими людьми, они звонят в отделение пожарной охраны. Большая часть этих вызовов — звонки по пустякам, например с просьбой снять кошку с дерева. («Как будто кто-то когда-то видел скелет кошки на дереве».) Им звонят люди, у которых болит голова. Звонят, у кого чешется в местах, куда они не могут дотянуться. Они должны отвечать на каждый звонок. («Самый прикольный звонок был о фантомных болях в ногах от парня, у которого ног не было».) Раньше для реагирования на такое огромное количество звонков у них было восемь станций, восемь экипажей из трех человек на пожарных автомобилях, экипаж из четырех человек на автоподъемнике (используемый исключительно для тушения пожара и проведения аварийно-спасательных работ), одно пожарное судно, одна спасательная команда для проведения операций в закрытых помещениях и одна команда для работы с опасными материалами. Теперь их ограничили четырьмя станциями, четырьмя пожарными автомобилями и автоподъемником. Это весьма заботит Пейджа Мейера, которого два месяца назад назначили новым шефом службы пожарной охраны Вальехо. Это удивило его: он не претендовал на эту должность. Просто однажды городской управляющий

Фил Бэтчелор вызвал его в свой кабинет. «Он даже не спросил, хотел ли я занять эту должность, — говорит Мейер. — Он только поинтересовался, как семья, сказал, что предлагает мне эту работу, и спросил, не будет ли это для меня проблемой».

Это действительно не было для него проблемой. Он сел и составил список мер по улучшению работы отделения. Перед ним стояла новая сложная задача: как обеспечить прежний, или даже более высокий, уровень обслуживания при урезанных наполовину ресурсах. Как решить вопрос недостаточности средств. Он стал количественно оценивать вещи, которые раньше не измеряли. Причиной смерти номер один при пожаротушении был сердечный приступ. Причина номер два — авария автоподъемника. Теперь он отвечал за отделение, которому предстояло работать в условиях повышенной нагрузки и спешки. Если меньшими силами выполнять двойную работу, то это, скорее всего, приведет к удвоению травматизма пожарных. Он решил ввести специальные режимы физической подготовки. При меньшем числе пожарных станций с меньшим числом пожарных на них следовало ожидать увеличения времени реагирования. Ему нужно было найти способы ускорения работы. Увеличение времени реагирования означало, что у них меньше права на ошибку; увеличение времени реагирования означало, что им предстоит тушить более сильные пожары. У него были кое-какие мысли насчет борьбы с сильными пожарами. Короче говоря, он начал переосмысливать пожаротушение.

Когда люди накапливают долги, которые им будет трудно, а то и невозможно вернуть, они приводят сразу несколько доводов. Среди очевидных — то, что они хотят больше,

чем в данный момент могут себе позволить. Среди менее очевидных — то, что их настоящие потребности настолько важны, что ради их удовлетворения они готовы пойти на некоторые трудности в будущем. Но, заключая такую сделку с самим собой, они надеются, что, когда эти трудности в будущем наступят, они придумают, как с ними справиться. Они не всегда делают это. Но нельзя исключить вероятность, что они сделают это. Каким бы идиотским ни казался порой оптимизм, он имеет обыкновение окупаться самым удивительным образом.

БЛАГОДАРНОСТИ

Каждый раз, когда книга подходит к концу, я понимаю, что есть люди, которые заслуживают большего, чем благодарность в конце книги. И эта книга не исключение. Действие второго акта финансового кризиса разворачивалось в местах, посетить которые мне никогда бы не пришло в голову. Благодарю Грейдона Картера и Дуга Стампфа из журнала *Vanity Fair* за совет поехать туда, а Джейма Лалинде — за такое прекрасное изучение этих мест, что мне подчас казалось, что это он, а не я, должен был бы писать о них. Тео Фанос не только проявил дружеское участие и оказал поддержку, но, как заинтересованный — от начала до конца — инвестиционный менеджер, поделился своими проницательными наблюдениями. Совершенно неожиданно мне предложила помощь Джанет Бирн из книгоиздательской компании W. W. Norton. Она не просто отредактировала мой текст, но и, насколько это было в ее силах, спасла меня от меня самого. Старлинг Лоуренс остается моей лакмусовой бумажкой.

Льюис Майкл

БУМЕРАНГ

Как из развитой страны превратиться
в страну третьего мира

Менеджер проекта *А. Деркач*

Корректор *Е. Аксёнова*

Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Подписано в печать 27.09.2012. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 15,5 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблшер»

123007, Москва, ул. 4-я Магистральная, д. 5, стр. 1

Тел. (495) 980-53-54

e-mail: info@alpinabook.ru

www.alpinabook.ru